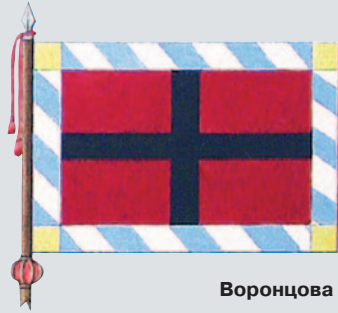

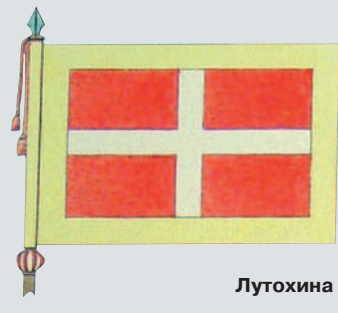
Из коллекций
Военно-
исторического
музея артиллерии,
инженерных войск
и войск связи
(Санкт-Петербург)

Воронцова

Левшина

Лутохина

Ивана Полтеева

**Знамена московских
стрелецких полков**
1674 г.

**Стрельцы московских
стрелецких полков:
Лутохина и Ивана Полтеева**
1674 г.

Публикация полковника
В.М. КРЫЛОВА,
кандидата исторических наук;
С.В. УСПЕНСКОЙ,
кандидата исторических наук
(Санкт-Петербург)

Начальные люди или офицеры
московских стрелецких полков
1674 г.

От Ивана Грозного до Петра Великого

Обмундирование, вооружение и военная
символика Стрелецкого войска

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить
подписку на «Военно-
исторический журнал»
в отделениях связи по
каталогу «Газеты. Журналы.
Книги. Учебные пособия»
агентства «Роспечать».
Индекс журнала для
подписчиков
Российской Федерации —
70137,
для зарубежных
подписчиков — 79726.

Вы можете подписаться на
«Военно-исторический
журнал» также в киосках по
каталогу «Газеты. Журналы.
Книги» на всей территории
России.
Стоимость одного
экземпляра ВИЖ
по каталогу во втором
полугодии 2004 г. 24 р. 98 к.
В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38а, редакция «Военно-
исторического журнала».

Адрес электронной почты:
E-mail: vzh@vipmail.ru

Жители Москвы
и Подмосковья могут
оформить подписку
на ВИЖ с личным
получением по адресу:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе, 38а,
Редакционно-издательский
центр Генерального
штаба ВС РФ,
тел.: (095) 157-80-47,
внутренний телефон 1-76.

Ежемесячное
издание
Генерального
штаба
Вооруженных
сил
Российской
Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЮНЬ
№ 6
2004 год

ИЗДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**К 60-летию
Победы**

**Операция
«Багратион»**

«Будем драться
до последнего,
а последний —
до последней
капли крови...»

**Инженерные
войска накануне
Великой
Отечественной
войны**

**Из истории
обороны
Порт-Артура**

«Век служи,
Раевский, с нами,
мы с тобою
и штыками
опрокинем свет»

ISSN-0321-0626

Военно-исторические раритеты Отечества

**Стрельцы московских стрелецких полков:
Лаговскина, Воронцова и Нараманского**

1674 г.

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи
(Санкт-Петербург)

**23 июня 1944 года началась Белорусская стратегическая наступательная операция,
в ходе которой были освобождены Белоруссия, Латвия и Литва, а Красная армия
вступила на территорию Польши и продвинулась к границам Восточной Пруссии**

▲ В.С. ИВАНОВ, 1945 г.

▲ В.Н. ДЕНИ, 1944 г.

К 60-летию Победы

▲ В.Б. КОРЕЦКИЙ, 1944 г.

В.Н. ДЕНИ, 1945 г. ➤

▲ Я.С. НИКОЛАЕВ, 1944 г.

Публикацию подготовила
Л.Н. БАЛАШОВА,
старший научный сотрудник
Центрального музея Вооруженных сил
(Москва)

А.Гитлер: «Речь идет о борьбе на уничтожение...
На востоке сама жестокость – благо для будущего»

22 июня 1941 года, 63 года
назад началась Великая
Отечественная война

КОГДА 22 июня 1941 года одержимая расовыми предрассудками и ненавистью к народам неарийской крови нацистская Германия напала на Советский Союз, «новый германский порядок» был уже утвержден на территории почти всей Европы. Фюрер и его генералы были уверены в победе. Начальник генерального штаба сухопутных войск гитлеровской армии генерал Ф. Гальдер записал в своем дневнике в мае 1941 года: «Русский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 году. России потребуются 20 лет, пока она достигнет прежней высоты». Генерал Г. Блюментрит был еще более категоричен: «История всех войн с участием русских показывает, что русский боец стоек, невосприимчив к плохой погоде, очень нетребователен, не боится ни крови, ни потерь. Поэтому все сражения от Фридриха Великого до мировой войны были кровопролитными. Несмотря на эти качества войск, русская империя почти никогда не добивалась победы!.. В настоящее время мы располагаем значительно

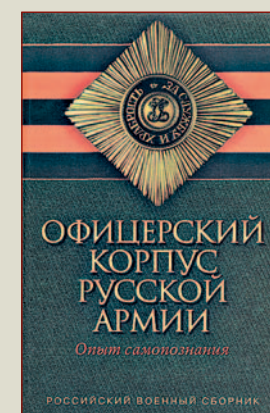
большим численным превосходством. Наши войска превосходят русских по боевому опыту... Нам предстоят упорные бои в течение 8—14 дней, а затем успех не заставит себя ждать и мы победим».

Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «Убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки». Были изданы приказы об установлении системы заложничества, разработаны планы экономического ограбления СССР.

Однако незнание и своей, и нашей российской истории подвело и фюрера, и гитлеровских генералов. Радость первых побед на восточном фронте, запечатленная на редких трофейных снимках, вскоре сменилась для фашистов горечью неудач и поражений.

Публикацию подготовил майор Ю.Н. ЛЕЩЕНКО
(Москва)

К читателям «Молодежного военно-исторического журнала» •

▲ Эту книгу получит в подарок победитель конкурса (условия см.: с. 76—77).

ОФИЦЕРСКИЙ корпус русской армии всегда имел в своих рядах людей, составлявших его интеллектуальную элиту, тех, кто создавал и развивал науку побеждать, умел владеть пером, образовывал плеяду вождей идейных, блистательных военных умов. Ученые, писатели и публицисты в офицерских погонах представляли собой мозг, совесть и голос своего сословия. Они

РЕДКАЯ КНИГА – ПОБЕДИТЕЛЮ КОНКУРСА

примечали достоинства армии, но не проходили и мимо недостатков, пережитков, препятствовавших прогрессу. Труды этих людей до сих пор малоизвестны, а их имена часто пребывают в забвении, лишь о единицах написаны специальные работы, многих не отыскать и в военных энциклопедиях. А.Ф. Редигер, А.Н. Добровольский, В. Муромский, Н.П. Глиноецкий, Н.П. Морозов, П.А. Реженко, Е.Э. Месснер, Н.М. Португалов — не перечить имен всех тех, кто создал труды, составившие духовное наследие русской армии и увидевшие свет в кн.: Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет, Русский путь. 2000.

Главный редактор
И. А. АНФЕРТЬЕВ.

Редакционная
коллегия:

Ю. Н. БАЛУЕВСКИЙ,
В. П. ВОЛОДИН,
И. О. ГАРКУША,
В. А. ЖИЛИН,
С. А. ИЛЬЕНКОВ,
В. И. ИСАКОВ,
А. В. КИРИЛИН,
В. П. КОЗЛОВ,
А. А. КОЛЬТЮКОВ,
В. А. КРАВЧЕНКО,
И. В. КУЗИНА
(ответственный
секретарь),
И. П. МАКАР,
А. А. НОГОВИЦЫН,
В. И. ОСТАНКОВ,
А. В. ОСТРОВСКИЙ,
Н. И. РЕЗНИК,
А. С. РУКШИН,
А. С. СКВОРЦОВ,
Н. Е. СОЛОВЦОВ,
В. И. ТЕРЕЩЕНКО,
С. И. ЧУВАШИН.

Редакционный
совет:

К. М. АНДЕРСОН,
И. И. БАСИК,
А. А. БУДКО,
Е. Ю. ГУСЬКОВА,
И. С. ДАНИЛЕНКО,
А. А. ЗДАНОВИЧ,
С. Н. КОВАЛЕВ,
Е. Н. КОРЧАГИН,
Г. Ф. КРИВОШЕЕВ,
В. М. КРЫЛОВ,
В. Н. КУЗЕЛЕНКОВ,
Г. А. КУМАНЕВ,
Е. И. МАЛАШЕНКО,
А. К. НИКОНОВ,
Р. Б. РЫБАКОВ,
М. Р. РЫЖЕНКОВ,
А. Н. САХАРОВ,
А. Р. СОКОЛОВ,
А. О. ЧУБАРЬЯН,
А. А. ЧУРИЛИН.

ОПЕРАЦИЯ

Опыт деятельности органов Белорусской стратегической

БЕЛОРУССКАЯ стратегическая наступательная операция, проведенная Советскими Вооруженными силами с 23 июня по 29 августа 1944 года, стала выдающимся событием не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. В ходе операции была разгромлена одна из сильнейших вражеских группировок — группа армий «Центр». Большие потери понесли также группы армий «Север» и «Северная Украина». В результате наступления 17 дивизий и три бригады противника были полностью уничтожены, а 50 дивизий лишились более половины своего состава. Гитлеровцы потеряли убитыми, ранеными и пленными около полумиллиона человек. Огромный и пространственный размах операции: наступая в полосе шириной более 1100 км, советские войска продвинулись в западном направлении на 550—600 км. В ходе наступления были освобождены Белоруссия, часть Литвы и Латвии, войска вступили на территорию Польши и подошли к границам Восточной Пруссии'. В результате проведенной операции были созданы благоприятные условия не только для нанесения новых мощных ударов по вражеским группировкам, действовавшим в Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше, но и для развертывания наступательных операций англо-американских войск, высадившихся в Нормандии.

Одним из решающих факторов, обеспечивших победу советских войск в Белоруссии летом 1944 года, стал высокий уровень деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба и других органов стратегического руководства как при подготовке, так и в ходе Белорусской стратегической наступательной операции. Опыт их работы, во многом сохраняющий свою значимость и в современных условиях, стал предметом исследования настоящей статьи.

ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЛИСЬ завершающие сражения зимне-весенней кампании 1944 года, а Ставка ВГК и Генеральный штаб уже приступили к работе над планом военных действий на лето 1944 года.

К лету 1944 года линия советско-германского фронта в Белоруссии имела форму огромного выступа, обращенного на восток. Этот выступ, вклинивавшийся в расположение советских войск, немецкое командование называло «балконом». «Белорусский балкон» имел большое оперативно-стратегическое значение для противника. Немецкое командование, удерживая Белоруссию, обеспечивало устойчивое положение своих войск в Прибалтике и на Украине. Выступ прикрывал подступы к Польше и Восточной Пруссии. Здесь, по территории Белоруссии, проходили кратчайшие пути к жизненно важным центрам Германии. «Белорусский балкон» к тому же нависал над правым крылом 1-го Украинского фронта. Отсюда противник имел возможность нанести фланговые удары по нашим наступающим войскам, а базировавшиеся на выступе эскадры авиации противника могли активно действовать по

коммуникациям и промышленным центрам Подмоскovie. Кроме того, удержание Белоруссии, располагавшей хорошо развитой сетью железных и шоссейных дорог для широкого маневра войск, давало возможность противнику поддерживать стратегическое взаимодействие между группами армий «Север», «Центр» и «Северная Украина», которые вели военные действия в центре и на флангах советско-германского фронта.

Особенности конфигурации линии фронта в Белоруссии учитывались и советским командованием. В Ставке ВГК и Генеральном штабе считали, что советские войска, занимая охватывающее положение по отношению к противнику на флангах «Белорусского балкона», имеют возможность нанесения глубоких концентрических ударов по группировке противника, оборонявшейся в Белоруссии. Одновременно рассматривалась и дальняя перспектива. Учитывалось, что в случае ликвидации выступа будет нарушена устойчивость обороны противника на всем западном стратегическом направлении, будут созданы условия для проведения последующих операций в Польше и Восточной

«БАГРАТИОН»

стратегического руководства при подготовке и в ходе наступательной операции 1944 года

Пруссии, а также для нанесения фланговых ударов по группировкам немецких войск, действовавшим в Прибалтике и западных районах Украины.

РАЗРАБАТЫВАЯ план очередной кампании, советское командование учитывало в целом выгодное для нас оперативно-стратегическое положение. Решая проблему выбора направления главного удара в кампании, Ставка и Генштаб пришли к убеждению, что успех летней кампании надо искать, прежде всего, на западном направлении и именно в Белоруссии. Крупная победа на этом направлении позволяла кратчайшим путем вывести советские войска к границе с Германией, а также создать выгодные условия для нанесения мощных ударов по группировкам противника на других стратегических направлениях.

Разработка общего оперативного плана кампании в Генеральном штабе велась с учетом предложений командующих фронтами. Уже в конце марта 1944 года Ставка ВГК запросила у них соображения на предстоящие операции. Однако не все предложения командующих фронтами удалось претворить в жизнь, в частности предложение К.К. Рокоссовского. По этому поводу С.М. Штеменко, бывший в то время начальником Оперативного управления Генштаба, писал: «В силу недостатка резервов пришлось отказаться от предложения К.К. Рокоссовского о наступлении через Ковель с разворотом в тыл противнику западнее Полесья»².

12 апреля 1944 года план летне-осенней кампании обсуждался на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны и Ставки ВГК³. Было принято решение в течение лета и осени последовательным проведением ряда стратегических наступательных операций на различных участках советско-германского фронта поочередно разгромить группировки противника: сначала на Карельском перешейке и в Южной Карелии, потом в Белоруссии, а затем в западных областях Украины; на втором этапе кампании намечались стратегические удары по врагу на Балканах, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

22 апреля план предстоящей кампании еще раз обсуждался в Ставке ВГК. В совещании кроме Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина приняли участие прибывший из войск заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков⁴, первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов, командующий бронетанковыми и механизированными войсками маршал бронетанковых войск Я.Н. Федоренко, командующий ВВС главный маршал авиации А.А. Новиков, а также заместитель председателя СНК В.А. Малышев⁵.

В ходе совещания Верховный Главнокомандующий первым заслушал А.И. Антонова, который сделал краткий обзор по всем стратегическим направлениям и изложил соображения Генерального штаба о возможных действиях немецких войск летом 1944 года. Затем о состоянии и возможностях ВВС и бронетанковых и механизированных войск доложили

А.А. Новиков и Я.Н. Федоренко соответственно. После этого был заслушан Г.К. Жуков, изложивший свои соображения о плане кампании и обративший особое внимание на необходимость разгрома группировки противника в Белоруссии. С его точкой зрения согласился и А.И. Антонов.

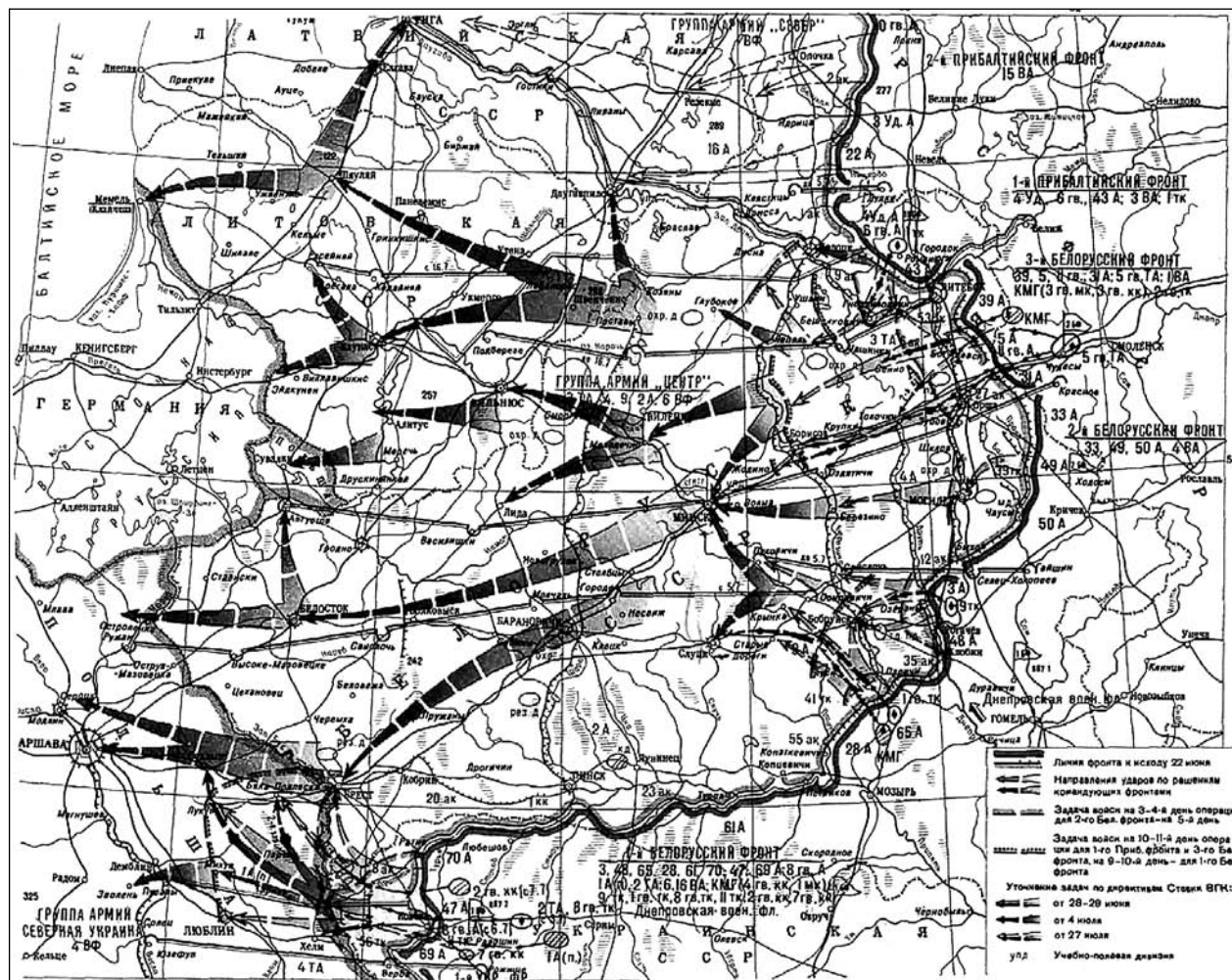
Однако в тот день И.В. Сталин окончательного решения не принял. В ходе совещания он приказал соединить его с начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза А.М. Василевским, находившимся в это время в Крыму⁶, и приказал ему лично доложить свои соображения о действиях советских войск летом 1944 года. Затем он дал указания Г.К. Жукову и А.И. Антонову еще раз запросить мнение командующих фронтами, а также разработать проект плана военных действий на лето 1944 года.

Как отметил в своих воспоминаниях Г.К. Жуков, через два-три дня после этого совещания Верховный Главнокомандующий снова вызвал его и А.И. Антонова для доклада плана кампании. К этому времени свои соображения с краткой оценкой общей обстановки и предложениями на летний период Верховному Главнокомандующему прислал и А.М. Василевский. В результате обсуждения было решено первую наступательную операцию провести в июне на Карельском перешейке и петрозаводском направлении, а затем нанести удар на белорусском стратегическом направлении⁷.

В КОНЦЕ апреля Верховное Главнокомандование приняло окончательное решение о проведении летней кампании, в том числе и Белорусской операции, как главного военного события всей кампании. После этого А.И. Антонову было дано указание завершить разработку замысла Белорусской операции, организовать разработку планов операций фронтов, участвовавших в ней, и начать сосредоточение войск и материальных средств⁸.

В начале мая А.И. Антонов поочередно ознакомил командующих фронтами, которые привлекались к участию в боевых действиях, с общей идеей намечавшегося замысла операции, а также с ролью и задачами их войск в предстоящем наступлении. С этого момента работа по планированию Белорусской стратегической наступательной операции осуществлялась параллельно — в Генеральном штабе и в штабах фронтов.

К 14 мая процесс планирования операции был в основном завершен, а 20 мая 1944 года заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов представил Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину план операции в виде карты и краткой пояснительной записки, выполненной рукописно⁹, в которой предлагалось совместным наступлением 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов «ликвидировать выступ противника в районе Витебск, Бобруйск, Минск и выйти на фронт Дисна, Молодечно, Столбцы, Старобино». В течение 45—50 дней войска фронтов должны были продвигаться в западном направлении на 250 км, а начать операцию предлагалось в период 15—20 июня 1944 года¹⁰.

Замысел Белорусской наступательной операции 1944 года

ДЛЯ окончательной отработки вопросов, связанных с планированием и подготовкой наступления в Белоруссии, в Москву были вызваны командующие войсками и члены военных советов фронтов.

22 мая Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин совместно с членами Ставки ВГК Г.К. Жуковым и А.М. Василевским, а также первым заместителем начальника Генерального штаба А.И. Антоновым принял командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерала армии К.К. Рокоссовского и члена военного совета фронта генерал-лейтенанта Н.А. Булганина. На совещании был детально рассмотрен замысел и план операции 1-го Белорусского фронта. Уже после войны К.К. Рокоссовский вспоминал: «Решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днепре (район Рогачева)... Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложения Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили»¹¹.

23 мая в Ставке ВГК с докладом о плане наступательной операции были приняты командующий войсками 1-го Прибалтийского фронта генерал армии И.Х. Баграмян и член военного совета фронта генерал-лейтенант Д.С. Леонов. И здесь, как и в случае с К.К. Рокоссовским, Ставка согласилась с предложением

И.Х. Баграмяна снять с 1-го Прибалтийского фронта задачу по «окружению Минска» и направить его основные усилия «на обеспечение операции от возможного контрудара со стороны группы армий «Север»»¹².

В связи с болезнью командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерал-полковника И.Д. Черняховского он и член военного совета фронта генерал-лейтенант В.Е. Макаров прибыли в Москву несколько позже остальных — 25 мая. Первоначально, еще до доклада И.В. Сталину, план наступательной операции фронта был рассмотрен Г.К. Жуковым и А.М. Василевским. На основании имевшегося опыта работы в войсках западного направления они порекомендовали командующему вместо одного удара севернее Орши спланировать два равных по силе удара — на богушевском и борисовском направлениях — с целью воспрепятствования маневру войск противника. И.Д. Черняховский согласился с мнением членов Ставки ВГК и на следующий день, 26 мая, докладывал Верховному Главнокомандующему план операции фронта с учетом мнения Г.К. Жукова и А.М. Василевского. Однако не обошлось и без курьеза. В ходе доклада И.Д. Черняховский пользовался картой, на которой был обозначен один удар, поскольку поправки на нее еще не были внесены. Это было замечено И.В. Сталиным. Подойдя к карте, он спросил у командующего фронтом, почему тот докладывает о

двух ударах, тогда как на карте показан один. И.Д. Черняховский не растерялся и сумел объяснить Верховному Главнокомандующему, что два удара могут быть осуществлены в случае усиления фронта танковой армией и артиллерийской дивизией резерва ВГК и при удовлетворении этой просьбы необходимые поправки будут нанесены на карту. Просьба командующего была удовлетворена, план операции доработан и 27 мая без замечаний утвержден¹³.

Что касается командующего войсками 2-го Белорусского фронта генерал-полковника И.Е. Петрова¹⁴ и члена военного совета фронта генерал-лейтенанта Л.З. Мехлиса, то они в Ставку не приглашались, поскольку на первом этапе стратегической наступательной операции войскам этого фронта отводилась вспомогательная роль.

При рассмотрении вопросов использования родов войск и материально-технического обеспечения на заседании Ставки ВГК приглашались: командующий артиллерией Красной армии главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, командующий ВВС Красной армии главный маршал авиации А.А. Новиков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии маршал бронетанковых войск Я.Н. Федоренко, начальник инженерных войск Красной армии маршал инженерных войск М.П. Воробьев, начальник войск связи Красной армии маршал войск связи И.Т. Пересыпкин и начальник Тыла Красной армии генерал армии А.В. Хрулев.

Во время работы в Ставке ВГК и Генеральном штабе командующие фронтами согласовали свои задачи с задачами взаимодействующих фронтов по срокам выполнения и рубежам наступления, получили необходимые данные о количестве и сроках прибытия к ним резервов, об отпущенных лимитах горючего, боеприпасов и других материальных средств. Из Москвы они возвратились в свои штабы с картами, на которых были нанесены уточненные и одобренные Верховным Главнокомандующим их решения на операцию.

30 мая после уточнений и дополнений план Белорусской операции был утвержден Верховным Главнокомандующим. По предложению И.В. Сталина операции было присвоено кодовое наименование «Багратион» в честь выдающегося русского полководца, героя Отечественной войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона¹⁵.

В целом план операции «Багратион» отличался оригинальностью замысла и решительностью целей. В ходе наступления предполагалось провести несколько взаимосвязанных операций, которые мыслилось осуществлять одновременно и последовательно как силами одного, так и силами двух и трех фронтов. Первоначально намечался разгром смежными флангами 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов витебской и силами двух ударных групп 1-го Белорусского фронта бобруйской группировки противника. Одновременно войска левого крыла 3-го Белорусского и центра 2-го Белорусского фронтов наносили удары в направлении Орши и Могилева. Разгром витебской и бобруйской группировки и прорыв советских войск на Оршу и Могилев открывали перспективу для проведения операции по окружению и уничтожению крупных сил врага восточнее Минска.

ПОСЛЕ утверждения плана Белорусской стратегической наступательной операции в ночь на 31 мая Г.К. Жуков, А.М. Василевский и А.И. Антонов отработали частные директивы фронтам белорусского направления, указания немедленно присту-

пить к подготовке операции «Багратион» и конкретные задачи на первый этап ее проведения. 31 мая директивы за подписью И.В. Сталина и Г.К. Жукова были направлены фронтам¹⁶.

Помимо четырех фронтов к операции привлекалась Днепровская военная флотилия (командующий капитан 1 ранга В.В. Григорьев). Находясь в оперативном подчинении у командующего 1-м Белорусским фронтом, флотилия получила задачу, продвигаясь по реке Березине, поддерживать наступление войск 65-й армии огнем артиллерии, а также осуществлять необходимую переброску войск 48-й армии через реку¹⁷.

Ответственные задачи были поставлены перед военно-воздушными силами, которые должны были прочно удерживать господство в воздухе, помогать сухопутным войскам прорывать оборону и развивать успех в оперативной глубине, нарушать маневр вражеских резервов, мешать планомерному отходу немецких войск, непрерывно вести воздушную разведку. Для решения этих задач привлекались не только воздушные армии фронтов, но и крупные силы авиации дальнего действия.

Войска ПВО страны должны были надежно прикрыть перегруппировку войск из резерва Ставки ВГК на фронты, а также важнейшие железнодорожные узлы, переправы через реки и другие тыловые объекты.

БОЛЬШОЕ значение советское Верховное Главнокомандование придавало взаимодействию войск фронтов с партизанскими силами, действовавшими в Белоруссии¹⁸. С этой целью ЦК Компартии Белоруссии и Белорусский штаб партизанского движения определили конкретные районы боевых действий для всех партизанских формирований. Так, в тылу врага в полосе предстоящего наступления 1-го Прибалтийского фронта должны были действовать партизанские бригады и отряды Витебской и Вилейской областей, а также северной (Борисовской) зоны Минской области. Для взаимодействия с войсками 3-го Белорусского фронта привлекались партизанские формирования Барановичской области. В интересах 2-го Белорусского фронта должны были решать задачи партизаны Могилевской области и восемь партизанских бригад восточной зоны Минской области. В полосе наступления войск 1-го Белорусского фронта действовали партизанские отряды и бригады Полесской, Пинской, Брестской и Белостокской областей, а также южных районов Минской и Барановичской областей¹⁹.

Советское Верховное Главнокомандование через Белорусский штаб партизанского движения определило им конкретные задачи: развернуть активные боевые действия в тылу врага, нарушать его коммуникации и связь, уничтожать немецкие штабы, выводить из строя живую силу и боевую технику противника, осуществлять в интересах наступающих фронтов разведку, захватывать и удерживать выгодные рубежи и плацдармы на реках до подхода советских войск, оказывать частям Красной армии поддержку при освобождении городов, железнодорожных узлов и станций, организовывать охрану населенных пунктов, срывать вывоз советских людей в Германию, не позволять врагу при отступлении взрывать промышленные предприятия и мосты.

В целях улучшения управления партизанскими формированиями и координации их усилий с действиями войск фронтов 1-й секретарь ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко был назначен членом военного совета 1-го Белорусского фронта, а секретарь ЦК Компартии Белоруссии И.И. Рыжиков — членом военного совета 1-го Прибалтийского фронта. При всех штабах фронтов Белорусский штаб парти-

**В штабе 1-го Прибалтийского фронта.
Командующий фронтом И.Х. Баграмян
и начальник штаба В.В. Курасов**

Июнь 1944 г.

занского движения создал свои оперативные группы, которые занимались организацией тактического и оперативного взаимодействия с частями Красной армии.

Большую роль партизаны Белоруссии сыграли по вскрытию группировки противника. Так, до начала наступления они сообщили координаты 33 штабов, 30 аэродромов, 70 больших складов, данные о составе 900 вражеских гарнизонов и около 240 частей, о направлении движения 1462 эшелонов противника²⁰.

В СКОРЕ после выработки директивы Ставки ВГК о наступлении в Белоруссии на фронты выехали представители Ставки. Еще при утверждении плана Белорусской операции 30 мая 1944 года Верховный Главнокомандующий принял решение о направлении представителями Ставки для координации действий фронтов: Г.К. Жукова — 1-го и 2-го Белорусских, а А.М. Василевского — 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского.

Вместе с А.М. Василевским по решению Ставки ВГК в войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов были направлены также заместитель командующего артиллерией Красной армии генерал-полковник М.Н. Чистяков с целью координации действий артиллерии двух фронтов, заместитель командующего ВВС Красной армии генерал-полковник авиации Ф.Я. Фалалеев (с той же целью по авиации) и группа офицеров Генерального штаба²¹.

В помощь Г.К. Жукову Ставка ВГК откомандировала на 2-й Белорусский фронт начальника Оперативного управления Генштаба генерал-полковника С.М. Штеменко с группой офицеров. Кроме того, с Г.К. Жуковым в войсках фронтов при подготовке и в ходе операции работали: командующий ВВС Красной армии главный маршал авиации А.А. Новиков; командующий авиацией дальнего действия маршал авиации (с 19 августа 1944 г. — главный маршал авиации) А.Е. Голованов; начальник Главного артиллерийского управления Красной армии маршал артиллерии Н.Д. Яковлев²².

В центре внимания деятельности Ставки ВГК, Генерального штаба и центральных управлений наркоматов обороны и путей сообщения были мероприятия, связанные с перегруппировкой войск и переброской всего необходимого для Белорусской операции, которые имели большие масштабы.

Так, в ходе подготовки к наступлению из резерва Ставки ВГК кроме прибывших в конце мая в состав 3-го Белорусского фронта 11-й гвардейской армии

и в состав 1-го Белорусского фронта 28-й армии и 9-го танкового корпуса фронтам были дополнительно выделены весьма крупные силы и средства. Например, 1-му Прибалтийскому фронту был передан 1-й танковый корпус; 3-му Белорусскому фронту — 5-я гвардейская танковая армия, 2-й гвардейский танковый, 3-й гвардейский механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса; 2-му Белорусскому фронту — 81-й стрелковый корпус; для усиления 1-го Белорусского фронта были выделены 8-я гвардейская и 2-я танковая армии, 1-й гвардейский танковый и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса. Кроме того, Ставка перебрасывала на западное направление и две армии, высвободившиеся в Крыму: 2-ю гвардейскую и 51-ю, которые к началу операции должны были сосредоточиться в районах Ярцева и Гомеля соответственно. Одновременно с усилением группировки наземных войск в состав воздушных армий фронтов прибыло 11 авиационных корпусов и 5 авиационных дивизий²³. К началу операции в состав фронтов также было передано значительное количество отдельных танковых, самоходно-артиллерийских полков и бригад, артиллерийских, минометных и инженерных соединений и частей, а также большое количество маршевого пополнения и боевой техники.

К РОМЕ того, в период подготовки к наступлению представители Ставки ВГК решали и ряд других вопросов, среди которых: уточнение характера обороны противника; знакомство с планами операций фронтов и армий на направлениях главных ударов фронтов; маскировка районов сосредоточения прибывавших во фронты войск; боевая подготовка соединений, предназначавшихся для прорыва обороны противника; планирование огневого поражения противника; организация взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации; увеличение проходности войск в условиях болотистой местности; форсирование рек и захват плацдармов и др.

При этом Г.К. Жуков и А.М. Василевский практически ежедневно докладывали И.В. Сталину о ходе подготовки операции, акцентируя внимание на имеющихся проблемах и необходимости их решения. Так, в докладе Верховному Главнокомандующему в ночь на 9 июня А.М. Василевский сообщил, что прибытие войск на 3-й Белорусский фронт «из-за неудовлетворительной работы железных дорог задерживается и что утвержденный план перевозок срывается»²⁴. В очередном докладе 10 июня он вновь высказал беспокойство по поводу несвоевременного прибытия на фронт войск и материальных средств. Для ускорения решения этих вопросов А.М. Василевский 9 июня вызвал к себе на фронт своего заместителя — начальника Главного организационного управления Генерального штаба генерал-лейтенанта А.Г. Карпоносова, с которым 11 июня в Москву было направлено специально подготовленное письмо в Наркомат путей сообщения с просьбой «во что бы то ни стало улучшить дело и закончить перевозки (с учетом прибытия войск 5-й гвардейской танковой армии) не позднее 18 июня»²⁵.

На проблему невыполнения плана железнодорожных перевозок обращал внимание и Г.К. Жуков. В докладе Верховному Главнокомандующему 9 июня он просил И.В. Сталина «обязать наркома путей сообщения и А.В. Хрулева позаботиться об этом»²⁶. В противном случае, по мнению Г.К. Жукова, необходимо было переносить сроки начала операции.

Работа представителей Ставки на местах позволила определить более реальные сроки начала операции. В связи с задержкой железнодорожных перевозок в интересах создания наступательных группиро-

Допрос пленных гитлеровцев.
Сидят слева направо:
В.Е. Макаров,
А.М. Василевский,
И.Д. Черняховский,
Ф.Я. Фалалеев
Июль 1944 г.

1-й Белорусский фронт,
полевой аэродром
16-й воздушной армии.
Справа налево: **Г.К. Жуков,**
К.К. Рокоссовский,
Е.А. Смирнов, А.А. Новиков
Июль 1944 г.

вок фронтов и запасов материальных средств Верховный Главнокомандующий 14 июня принял решение о переносе времени начала операции на 23 июня²⁷. Несколькоими днями позже в сроки начала операции было внесено еще одно уточнение: по предложению Г.К. Жукова Ставка разрешила начать наступление 1-го Белорусского фронта на сутки позже — 24 июня. Это диктовалось необходимостью более эффективного и последовательного использования авиации дальнего действия в полосах фронтов, игравших решающую роль в операции: сначала в интересах 3-го Белорусского, а затем — 1-го Белорусского фронтов.

БОЛЬШОЕ внимание Ставка ВГК и Генеральный штаб уделяли обеспечению скрытности готовящегося наступления. В интересах решения этой задачи 29 мая 1944 года за подписью Г.К. Жукова и А.И. Антонова в войска была направлена специальная директива, в которой определялся ряд мероприятий, направленных на скрытие создаваемых группировок и введение противника в заблуждение относительно характера предстоящих действий советских войск²⁸.

На вторую половину 1944 года должностные лица получили новые условные фамилии. Так, И.В. Сталин именовался Семеновым, Г.К. Жуков — Жаровым, А.М. Василевский — Владимировым, И.Х. Баграмян — Батуриным, И.Д. Черняховский — Черновым, Г.Ф. Захаров — Зориным, К.К. Рокоссовский — Румянцевым²⁹.

В период подготовки Белорусской операции по решению Ставки ВГК проводились широкомасштабные мероприятия по введению противника в заблуждение относительно направления главного удара в кампании. Чтобы убедить немецкое командование в

том, что летом 1944 года советские войска нанесут главный удар на юге, 3-й Украинский фронт на кишиневском направлении производил ложное сосредоточение крупной группировки (около десяти стрелковых дивизий, усиленных танками и артиллерией). Решению этой задачи способствовало также оставление на юге и юго-западе танковых армий, за исключением 5-й гвардейской танковой армии, перебрасываемой в полосу 3-го Белорусского фронта, и 2-й танковой армии, переданной на усиление 1-го Белорусского фронта, а также некоторых соединений авиации дальнего действия³⁰. В интересах решения данной проблемы, а также скрытия сроков начала операции Ставка ВГК приказала войскам 3-го и 2-го Прибалтийских и 1-го Украинского фронтов севернее и южнее Белоруссии 20—23 июня провести разведку боем³¹.

В целях сохранения в тайне замысла операции и всех подготовительных мероприятий были приняты меры по установлению прифронтовой полосы на глубину 25 км, в пределах которой воспрещалось проживание и доступ в нее гражданского населения. Соответствующие директивы Ставки ВГК были направлены 4 мая во все фронты белорусского направления со сроком исполнения к 20 мая³².

В целом все предпринятые меры сыграли значительную роль в обмане противника. Руководство вермахта полагало, что летом 1944 года советские войска смогут предпринять крупное наступление либо на юго-западном стратегическом направлении, либо на южном крыле советско-германского фронта. В Белоруссии же ожидалось наступательные операции лишь вспомогательного характера. Так, в мае 1944 года начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) В. Кейтель на совещании с командующими армиями Восточного фронта отмечал: «Исходя из данных о перегруппировке сил противника и общего военного и политического положения, надо считать, что русские, вероятно, свои главные силы сконцентрируют на южном участке фронта»³³. Оценка противником возможных действий советских войск не претерпела принципиальных изменений и незадолго до начала их наступления в Белоруссии. В немецком «Бюллетене оценок положения противника на Восточном фронте» от 13 июня 1944 года указывалось, что готовящиеся наступательные действия советских войск «против группы армий «Центр» имеют целью ввести в заблуждение германское командование относительно направления главного удара и оттянуть резервы из района между Карпатами и Ковелем»³⁴.

Из крупных подготовительных мероприятий под руководством Ставки ВГК следует назвать и воздушную

Командующий 2-м Белорусским фронтом Г.Ф. Захаров (в центре), член военного совета фронта Н.Е. Субботин (слева) и командующий 4-й воздушной армией К.А. Вершинин оценивают обстановку в ходе операции

Август 1944 г.

операцию, проведенную авиацией дальнего действия в целях ослабления авиационной группировки противника в Белоруссии. В течение четырех ночей, начиная с 13 июня 1944 года, были подвергнуты сильным авиационным ударам восемь основных аэродромов, на которых базировалось до 60 проц. самолетов 6-го воздушного флота противника³⁵.

Представление о деятельности органов стратегического руководства в ходе Белорусской стратегической наступательной операции дает анализ работы Ставки ВГК и ее представителей в рамках двух ее этапов, различных по характеру боевых действий и содержанию выполняемых задач.

НА ПЕРВОМ этапе (23 июня — 4 июля 1944 г.) войска 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов совместно и во взаимодействии с авиацией дальнего действия и партизанами в соответствии с замыслом Ставки ВГК решали задачи по прорыву обороны противника, окружению и разгрому главных сил группы армий «Центр». В ходе этого этапа был проведен ряд фронтовых наступательных операций: Витебско-Оршанская, Могилевская, Бобруйская, Полоцкая и Минская. В итоге наступления всех четырех фронтов за период с 23 по 26 июня была прорвана главная полоса обороны противника, а на ряде направлений — и вторая полоса (позиция корпусных резервов), были разгромлены не только войска, оборонявшие тактическую зону, но и его ближайшие оперативные резервы.

Вместе с тем на этапе прорыва обороны имели место и отдельные недостатки. Так, в полосе наступления 3-й и 48-й армий 1-го Белорусского фронта на рогачевско-бобруйском направлении советские войска встретили упорное сопротивление противника и смогли в первый день операции преодолеть только первые две траншеи в его обороне. По этому поводу Г.К. Жуков писал: «При подготовке операции была слабо разведана оборона противника на рогачевско-бобруйском направлении, вследствие чего была допущена недооценка силы его сопротивления. В результате этой ошибки 3-й и 48-й армиям был дан завышенный участок прорыва. К тому же армии не имели достаточных средств для обеспечения прорыва. Я, как представитель Ставки, вовремя не поправил командование фронта»³⁶.

После ликвидации витебско-оршанской и бобруйской группировок противника советские войска получили возможность вести преследование отступающего противника на всех основных направлениях. К 29 июня фланги основных сил группы армий «Центр», отходивших на запад, оказались глубоко охваченными советскими войсками с двух сторон,

что создавало благоприятные условия для выхода на тылы минской группировки врага и ее окружения. В соответствии с конкретно сложившейся обстановкой в Белоруссии Ставка ВГК оперативными директивами от 28 июня 1944 года уточнила задачи фронтам. Так, в директивах, направленных на имя командующих войсками 2-го и 3-го Белорусских фронтов и представителей Ставки при них (Г.К. Жукова и А.М. Василевского соответственно), Ставка потребовала развить наступление и не позднее 7—8 июля во взаимодействии с соседними фронтами занять Минск. Одновременно Ставка указала на недопустимо низкие темпы наступления 5-й гвардейской танковой армии³⁷. В соответствии с уточненными задачами в течение 29 июня — 4 июля войска фронтов решали задачи по окружению и уничтожению минской группировки противника и освобождению столицы Белорусской ССР.

В результате наступления советских войск в Белоруссии на первом этапе оборона противника оказалась прорванной на всех направлениях, а войска 1-го Прибалтийского фронта охватили с юга группу армий «Север». В этой благоприятной обстановке Ставка ВГК приняла решение продолжать энергичное преследование отступающего врага, нанося главные удары по двум основным направлениям: силами 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов — в Прибалтике с целью освобождения Латвийской ССР и Литовской ССР и отсечения от главных сил противника его группы армий «Север»; силами 2-го и 1-го Белорусских фронтов — на варшавском направлении с целью полного изгнания врага с советской территории и перенесения военных действий на территорию Польши. Соответствующие задачи фронтам, действовавшим в Белоруссии, Ставка ВГК поставила директивами от 4 июля 1944 года³⁸.

НА ВТОРОМ этапе (5 июля — 29 августа 1944 г.) фронты провели Шяуляйскую, Вильнюсскую, Каунасскую, Белостокскую и Люблин-Брестскую фронтовые наступательные операции. В интересах решения поставленных фронтам задач Ставка осуществила перераспределение сил между ними. Например, в состав 1-го Прибалтийского фронта дополнительно передавалось три армии: две из них — из резерва Ставки, а одна — из состава 3-го Белорусского фронта³⁹.

5 июля все четыре фронта приступили к выполнению новых директив Ставки ВГК, не получив какой-либо значительной передышки, поскольку обстановка требовала продолжения энергичного преследования противника. Итоги наступления в период с 5 по 15 июля были вполне благоприятными. Войска 1-го Прибалтийского фронта создали реальную угрозу окружения прижатием к морю всей группы армий «Север», которая начала отход к побережью Рижского залива. Войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов за

этот период продвинулись на запад на 150—250 км и выходом на р. Неман создали реальную угрозу вторжения в Восточную Пруссию, до которой оставалось не более 70—80 км. Лишь 1-й Белорусский фронт немного отставал и занимал уступное положение по отношению к остальным фронтам.

С учетом новой обстановки Ставка ВГК 14 июля осуществила перераспределение сил между фронтами. На этот раз одной общевойсковой армией был усилен 3-й Белорусский фронт с целью создания более мощной группировки для вторжения в Восточную Пруссию. Задачи фронтам, поставленные Ставкой 4 июля, были уточнены и расширены. При этом 1-й Прибалтийский фронт должен был развить наступление в северо-западном направлении и выйти к побережью Рижского залива. 3-й и 2-й Белорусские фронты получили задачу выйти к границам Восточной Пруссии, а 1-й Белорусский фронт — развить наступление на брестском и люблинском направлениях.

Несмотря на возросшее сопротивление немецких войск и наносимые ими контрудары, фронты, наступавшие в Белоруссии, к концу июля в целом выполнили поставленные задачи.

Военные действия в августе 1944 года проходили в обстановке значительно возросшего сопротивления противника. В результате этих действий были закреплены ранее достигнутые успехи и улучшено оперативное положение наших войск. В целом войскам 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских фронтов в течение августа 1944 года пришлось вести тяжелые наступательные бои по отдельным направлениям в огромной полосе (до 1200 км). В итоге этих боев войска фронтов отразили несколько сильных контрударов врага и прорвали ряд его оборонительных рубежей, вплотную подошли к Восточной Пруссии и к столице Польши — г. Варшаве, вышли к рекам Нарев и Висла, расширив и закрепив на последней плацдармы в районах Магнушева и Пулав. Этим были созданы благоприятные условия для проведения наступательных операций в январе 1945 года в Восточной Пруссии и Польше.

В ПОЛЕ зрения Ставки ВГК в ходе всей операции постоянно находилось изучение опыта ведения боевых действий войск фронтов, анализ причин имевшихся недостатков и принятие мер по их устранению. Например, 6 июля 1944 года все фронты, участвующие в операции, получили директиву Ставки о необходимости улучшения управления войсками при преследовании противника. При этом в качестве основных недостатков отмечались: «1. Нарушение порядка передислокации штабов и командных пунктов... 2. Отсутствие организованного руководства и комендантской службы при прохождении войсками дефиле и переправ... 3. Отвлечение главных сил для решения второстепенных задач»⁴⁰. В директиве Ставка потребовала от командующих фронтами принятия решительных мер по устранению указанных недочетов.

Критическому анализу Ставки ВГК подвергались действия отдельных соединений и объединений фронтов. Так, в директиве Ставки от 16 июля 1944 года указывалось на серьезные недостатки в организации применения 11-го танкового корпуса, находившегося в подчинении командующего 47-й армией 1-го Белорусского фронта. Командующему армией и командиру корпуса было указано на слабую разведку противника и местности, отсутствие артиллерийской поддержки, взаимодействия с пехотой и другие недостатки, приведшие к потере 75 танков⁴¹. За допущенные просчеты и халатность, проявленные при вводе танкового корпуса, командир корпуса генерал-майор танковых войск Ф.И. Рудкин решением

Ставки был снят с должности, а командующему армией генерал-лейтенанту Н.И. Гусеву объявлен выговор. Предупреждение получил и командующий войсками фронта Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский⁴².

В ходе наступления советских войск в операции «Багратион» уточнялись и функции представителей Ставки, что вызывалось изменениями обстановки и необходимостью согласования усилий с фронтами, перешедшими в наступление севернее и южнее Белоруссии. Директивой Ставки от 9 июля на Маршала Советского Союза А.М. Василевского возлагалась координация действий 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, а в соответствии с аналогичной директивой Ставки от 19 июля 1944 года Маршал Советского Союза Г.К. Жуков должен был координировать действия 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов⁴³.

ТАКИМ образом, операция «Багратион» являет собой пример творческого характера отечественного военного искусства, зрелости и мастерства наших военачальников при решении вопросов стратегического руководства военными действиями. Советское Верховное Главнокомандование совместно с командованием фронтов разработало смелый по замыслу и оригинальный по форме план стратегической операции четырех фронтов с учетом характера обороны, численности и расположения группировки противника, местности, конфигурации линии фронта и других факторов. Умело были выбраны направления главных ударов как в летне-осенней кампании в целом, так и на белорусском выступе. Ставка ВГК и Генеральный штаб успешно решили задачи создания стратегической группировки войск для наступления, скрытной перегруппировки сил и средств. Эффективными явились меры по сохранению замысла в тайне и введению противника в заблуждение. На высоком уровне удалось решить вопросы организации стратегического взаимодействия между фронтами, с соединениями и объединениями других видов вооруженных сил, а также с группировками войск Красной армии на других участках советско-германского фронта. В ходе наступления Ставка ВГК наращивала силу ударов фронтов за счет своих резервов, своевременно реагировала на все изменения обстановки, уточняла задачи фронтам и осуществляла перераспределение сил и средств между ними. Заслуживает также внимания непрерывное изучение боевого опыта и принятие мер по устранению выявленных недостатков. Свои решения Ставка доводила до исполнителей директивами, приказами и частными распоряжениями. Подтвердил свою жизненность и эффективность институт представителей Ставки, которые направлялись на фронты для координации действий и оказания практической помощи. Несмотря на давность событий, связанных с операцией «Багратион», опыт деятельности органов стратегического руководства при подготовке и в ходе Белорусской стратегической наступательной операции не потерял своей значимости и для решения современных управленческих задач.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Военная Энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1997. Т. 1. С. 419—420.

² Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 235.

³ Тимохович И.В. Битва за Белоруссию: 1941—1944. Минск: Беларусь, 1994. С. 152.

⁴ В период со 2 марта по 24 мая 1944 г. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков командовал войсками 1-го Украинско-

**• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ**

**КОМПАКТ-ДИСК С ЗАПИСЬЮ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГИМНА РОССИИ**

В МОСКВЕ накануне Дня Победы в редакции «Российской газеты» состоялась презентация компакт-диска с записью Государственного гимна Российской Федерации в исполнении Дважды Краснознаменного академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова.

МНОГИЕ граждане России не знают слов гимна своей страны. По мнению Президента РФ В.В. Путина, популяризация национальных символов, в том числе и гимна со словами, должна осуществляться по определенной программе. Это поможет сформулировать национальную идею объединения общества.

На презентации выступили: полковник Л.И. Малев — руководитель ансамбля песни и пляски имени А.В. Александрова, заслуженный работник культуры; В.А. Коробко — художественный руководитель и главный дирижер ансамбля; В.Л. Говоров — генерал армии, председатель комитета ветеранов войны и военной службы; генерал-лейтенант В.Н. Бусловский — первый заместитель начальника Главного управления воспитательной работы МО РФ и др.

Гимн СССР (музыка А.В. Александрова, слова С.В. Михалкова и Г.Г. Эль-Регистана) впервые прозвучал по радио в ночь на 1 января 1944 года в исполнении ансамбля под управлением автора музыки. В.П. Соловьев-Седой так откликнулся на это событие: «Строго и величественно прозвучал вчера, в новогоднюю ночь, новый Государственный гимн Советского Союза. Звонкованно слушала вся наша великая страна первое его исполнение по радио. Простая, проникновенная мелодия гимна, вдохновенные и мудрые слова его близки сердцу каждого гражданина нашей Родины!».

Тогда же, в 1944 году, Государственное музыкальное издательство выпустило ноты гимна общим тиражом 1 000 000 экземпляров для шести разных исполнительских составов — духового и симфонического оркестров, хора с фортепьяно, хора а capella, детского хора и смешанного состава.

Постановлением ЦК КПСС от 7 декабря 1955 года был объявлен закрытый конкурс вначале на текст, а затем на музыку гимна. В конкурсе приняли участие композиторы Д.Д. Шостакович, Т.Н. Хренников, Г.В. Свиридов, Д.Б. Кабалевский, Б.А. Мокроусов, Д.Я. Покрасс, В.П. Соловьев-Седой, А.И. Хачатурян, А.Я. Эшпай, другие известные авторы (всего более 80 человек). Рассмотрение представленных вариантов растянулось на целое десятилетие. Одно время чаша весов даже качнулась в пользу песни «Широка страна моя родная» при условии ее коренной доработки.

Вторично вопрос о гимне СССР был поднят в 1977 году. И вновь к работе над ним были привлечены лучшие творческие силы страны. Однако музыка А.В. Александрова и отредактированный текст С.В. Михалкова оказались вне конкуренции.

Музыка гимна СССР — явление во всех отношениях выдающееся. Величавая и плавная мелодия исполнена уверенности и мощи. Народная по своей сути, она впитала лучшие традиции русской музыкальной классики. Поэтому неудивительно, что 1 января 2001 года новый Государственный гимн Российской Федерации прозвучал с музыкой А.В. Александрова.

25 апреля 2004 года Академический ансамбль песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова осуществил запись Государственного гимна. Как и 60 лет назад, численный состав хора составил 120 человек, оркестра — 80. Для этой уникальной записи, проходившей на «Мосфильме», были приглашены певцы и музыканты из Большого театра, Государственного хора имени А.В. Свешникова, Хоровой капеллы имени А.А. Юрлова, ансамблей песни и пляски МВО и ВВС, оркестров народных инструментов имени Н.П. Осипова и телерадиоцентра, ветераны ансамбля.

Организатор проекта — инвестиционно-строительный холдинг «Стройиндустрия». Генеральный директор холдинга «Стройиндустрия» — вице-президент Союза строителей Подмосковья А.В. Замин.

В 1944 году пресса отмечала: «Громовым звучанием нового Государственного гимна Союза ССР мы начинаем новый год. Пусть же провозвестит новый гимн вечно немеркнущую славу нашей Родине». Так же величественно и мощно прозвучал гимн России 25 апреля 2004 года. Он вновь предстал настоящим музыкально-поэтическим гербом государства, символизирующим его национальную идею и отражающим славную историю России.

го фронта (был назначен после гибели генерала армии Н.Ф. Ватутина). Одновременно Г.К. Жуков продолжал оставаться заместителем Верховного Главнокомандующего.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1970. С. 547.

⁶ В это время Маршал Советского Союза А.М. Василевский, оставаясь начальником Генерального штаба, в роли представителя Ставки ВГК координировал действия войск 4-го Украинского фронта и Черноморского флота в ходе Крымской наступательной операции (8 апреля — 12 мая 1944 г.).

⁷ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 549, 552.

⁸ Там же. С. 553.

⁹ Исполнена первым заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенантом А.А. Грызловым (См.: Штеменко С.М. Указ. соч. С. 236).

¹⁰ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. Январь 1944 года — август 1945 года. М.: Воениздат, 1968. С. 91—93.

¹¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1985. С. 251.

¹² Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 118.

¹³ Там же.

¹⁴ 7 июня 1944 г. в должности командующего войсками фронта его сменил генерал-полковник Г.Ф. Захаров.

¹⁵ Штеменко С.М. Указ. соч. С. 236.

¹⁶ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 421—422.

¹⁷ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1958. Т. 3. С. 300.

¹⁸ Перед началом наступления на оккупированной территории республики действовало 14 партизанских объединений, в составе которых сражалось 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью 143 тыс. человек (См.: Тимохович И.В. Указ. соч. С. 160).

¹⁹ Там же. С. 161.

²⁰ Котов А.И. Белорусские партизаны // Воен.-истор. журнал. 2004. № 1. С. 22.

²¹ Василевский А.М. Указ. соч. С. 423.

²² Жуков Г.К. Указ. соч. С. 554, 557, 559.

²³ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3. С. 291; Штеменко С.М. Указ. соч. С. 237.

²⁴ Василевский А.М. Указ. соч. С. 428.

²⁵ Там же. С. 429.

²⁶ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 559.

²⁷ Василевский А.М. Указ. соч. С. 430.

²⁸ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 4. Январь 1944 года — август 1945 года. С. 96—98.

²⁹ Василевский А.М. Указ. соч. С. 421.

³⁰ История Второй мировой войны. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 46, 47.

³¹ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944—1945 гг. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 16 (5-4). С. 96.

³² Там же. С. 83, 84.

³³ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 3. С. 285.

³⁴ Там же.

³⁵ История Второй мировой войны. Т. 9. С. 45.

³⁶ Тимохович И.В. Указ. соч. С. 177—178.

³⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944—1945 гг. Т. 16 (5-4). С. 100, 101.

³⁸ Там же. С. 101—104.

³⁹ Разгром немецко-фашистских войск в Белоруссии в 1944 г. В 2 т. М.: ВАГШ, 1959. Т. 2. С. 155.

⁴⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944—1945 гг. Т. 16 (5-4). С. 107.

⁴¹ Там же. С. 112.

⁴² Воинское звание Маршал Советского Союза было присвоено К.К. Рокоссовскому 29 июня 1944 г.

⁴³ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944—1945 гг. Т. 16 (5-4). С. 107, 112.

**Полковник И.П. МАКАР,
кандидат исторических наук, доцент
(Москва)**

«ТРУД ОФИЦЕРА ШТАБА...ТРЕБУЕТ БОЛЬШОЙ ЭНЕРГИИ, ТВЕРДОЙ ВОЛИ, ВЫСОКОЙ ВЫДЕРЖКИ И ДИСЦИПЛИНЫ»

Штабы фронтов в годы войны возглавляли высококвалифицированные военачальники, обладавшие исключительными организаторскими способностями

Михаил Ильич Казаков и Владимир Яковлевич Колпакчи в предвоенные годы были генерал-майорами, начальниками штабов военных округов, войну начали начальниками штабов армий, затем возглавили штабы фронтов: первый из них — Брянского и Воронежского, а второй — Брянского и 2-го Белорусского. Естественно, они отличались один от другого по характеру и стилю работы. М.И. Казаков был энергичен, но несколько суетлив, иногда горяч, склонен к рассуждениям, непоседлив, нередко выезжал в войска. В.Я. Колпакчи, хорошо подготовленного теоретически и опытного в практических делах генерала, К.К. Рокоссовский считал «культурным, высокообразованным человеком». Владимир Яковлевич умел организовать четкую работу штаба, и армии, которыми ему довелось командовать, успешно выполняли поставленные задачи. В 1945 году В.Я. Колпакчи удостоился звания Героя Советского Союза, в 1961-м стал генералом армии.

Феодосий Константинович Корженевич в июле 1941 года возглавил штаб фронта, затем ар-

мии, в 1943—1945 гг. руководил штабами Юго-Западного, 3-го и 4-го Украинских фронтов. Ф.К. Корженевич хорошо знал штабную работу, был тактичен и пунктуален, но несколько медлителен. Это не нравилось некоторым ко-

К 60-летию Победы

мандующим, в частности А.И. Еременко, и его часто перемещали по службе.

После войны он был начальником штаба военного округа и Центральной группы войск.

Алексей Николаевич Крутиков в 1938 году окончил Военную академию Генерального штаба. Был начальником штаба и командующим армией. С апреля 1944 года — начальник штаба Карельского, затем 1-го Дальневосточного фронта.

Он всегда был спокойным и доброжелательным, хорошо знал штабную работу, четко исполнял свои обязанности. По выражению К.А. Мерецкова, «был до мозга костей военным».

Владимир Васильевич Курасов являлся начальником штаба, так сказать, классического типа. Он в 1938 году окончил Военную

академию Генерального штаба, а во время войны был начальником штаба и командующим армией. Хорошо подготовленный генерал, спокойный по характеру и чрезвычайно вдумчивый и тактичный, склонный к глубокой проработке вопросов, возникавших перед штабом, Владимир Васильевич умело сочетал глубокие знания с боевой практикой.

Будучи начальником штаба фронта, В.В. Курасов уделял особое внимание четкости и продуманности планирования операций. Все данные по операциям 1-го Прибалтийского фронта Генеральный штаб получал не только в срок, но и в отличном исполнении.

На войне у В.В. Курасова установилось тесное сотрудничество с командующим фронтом генералом И.Х. Баграмяном, который его ценил. После войны генерал армии В.В. Курасов продолжительное время возглавлял Военную академию Генерального штаба.

Герман Капитонович Маландин по характеру и стилю работы был чем-то сродни В.В. Курасову. Уравновешенный, всегда корректный, скромный и душевный человек, он до самозабвения отдавался работе и умел ее выполнять, какой бы сложной она ни была.

П.И. Иголкин

М.И. Казаков

А.А. Кацнельсон

П.С. Кленов

В.Е. Климовских

К.А. Коваленко

В.Я. Колпакчи

Ф.К. Корженевич

А.Н. Крутиков

А.И. Кудряшов

В первые месяцы войны Г.К. Малинин — начальник штаба Западного фронта и Западного направления. С декабря 1943 года уверенно руководил штабом 13-й армии, успешно действовавшей в составе 1-го Украинского фронта во Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. Маршал И.С. Конев писал о Г.К. Малинине: «Это был человек большой штабной школы, талантливый и организованный, отличавшийся безукоризненной честностью и точностью, никогда не поддававшийся соблазну что-либо приукрасить». Герман Капитонович за свою пунктуальность и глубину анализа обстановки пользовался большим уважением в Генеральном штабе. В послевоенные годы он вырос в крупного военачальника, и в 1948 году ему было присвоено звание генерала армии. В послевоенные годы он возглавлял Главный штаб Сухопутных войск, Военную академию Генерального штаба.

Михаил Сергеевич Малинин вступил в войну начальником штаба механизированного корпуса, полковником. В конце июня 1941 года его назначили начальником штаба группы К.К. Рокоссовского, затем 16-й армии. Как вспоминал впоследствии К.К. Рокоссовский, штаб под руководством М.С. Ма-

линина в динамичной и сложной обстановке работал четко и слаженно. Михаил Сергеевич с первых дней войны показал себя вдумчивым и энергичным организатором.

В боях под Москвой 16-я армия преградила путь немцам на волоколамском направлении и при переходе наших войск в контрнаступление успешно действовала на полях Подмосковья. В те дни М.С. Малинин, по словам К.К. Рокоссовского, «уверенный в себе и своих подчиненных, умело руководил штабом и обеспечил выполнение всех приказов», «часто появлялся на позициях частей, в войсках его знали, и это повышало авторитет штаба».

В июле 1942 года он был назначен начальником штаба Брянского фронта, затем возглавил штаб Донского, где показал себя как штабной работник крупного масштаба. В Сталинградской операции при прорыве обороны и окружении совместно с Юго-Западным и Сталинградским фронтами 330-тысячной группировки противника М.С. Малинин обеспечил твердое управление войсками. В последующем смог объединить усилия армий, в том числе переданных со Сталинградского фронта, в хорошо управляемую силу, которая успешно завершила уничтожение окруженных войск.

Донской фронт в феврале 1943

года был преобразован в Центральный, штаб которого летом того же года приложил много усилий по созданию непреодолимой обороны на Курской дуге. В ходе оборонительного сражения возглавляемый М.С. Малининым штаб фронта обеспечил устойчивое управление при отражении мощного удара 9-й немецкой армии, своевременное проведение маневра и перегруппировки войск.

При переходе в контрнаступление войска фронта успешно действовали на киевском направлении и вышли к Днепру.

Михаил Сергеевич по характеру был нетерпелив, иногда горяч, временами резок, но быстро «отходил». Командующий фронтом К.К. Рокоссовский высоко ценил М.С. Малинина, видел его сильные стороны, знание им службы и умел сгладить его недостатки. В итоге штаб фронта, возглавляемый М.С. Малининым, всегда был в числе лучших, люди там работали дружно и слаженно.

Главные особенности его работы: тщательное планирование операции, творческий подход к управлению войсками, стремление не ждать указаний командующего, а с упреждением вносить целесообразные предложения.

В Белорусской операции, являясь начальником штаба 1-го Белорусского фронта, М.С. Мали-

В.В. Курасов

И.А. Ласкин

С.И. Любарский

П.И. Ляпин

Г.К. Малинин

М.С. Малинин

Л.Ф. Минюк

Д.Н. Никишов

Ф.П. Озеров

И.Е. Петров

нин умело спланировал операцию, организовал оперативную маскировку и в ходе операции обеспечил управление войсками, наступавшими на двух разобщенных направлениях, и их успешные действия.

В последующем штаб фронта под его руководством разработал план разгрома гитлеровских войск в Висло-Одерской и Берлинской операциях, и в ходе их проведения работал как хорошо отлаженный механизм.

Командующий войсками фронта маршал Г.К. Жуков в аттестации М.С. Малинина 17 мая 1945 года написал: «Всесторонне развитый, с большим политическим, оперативным кругозором генерал, умеющий быстро, четко организовать и осуществить выполнение возникающих задач по руководству войсками большого масштаба» (личное дело М.С. Малинина).

В 1945 году генерал-полковник М.С. Малинин был удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны он занимал должности начальника Главного штаба Сухопутных войск (1948—1950) и первого заместителя начальника Генерального штаба (1952—1960).

В 1953 году ему было присвоено звание генерала армии.

Несколько схожими были служба и судьбы генералов армии **Ивана Ефимовича Петрова** и

Маркиана Михайловича Попова. В годы войны они оба командовали армиями и фронтами, отстранялись от занимаемых должностей, снижались в звании от генерала армии до генерал-полковника, непродолжительное время возглавляли штабы фронтов: И.Е. Петров был начальником штаба Северо-Кавказского (с марта по май 1943 г.) и 1-го Украинского (с апреля 1945 г.); М.М. Попов в последний год войны (с апреля 1944 по май 1945 г.) — Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов.

Как известно, И.Е. Петров проявил большое мужество и умение руководить войсками при обороне Одессы, Севастополя, Северного Кавказа, а также при преодолении Карпат. Он снова стал генералом армии (1944 г.) и удостоился звания Героя Советского Союза (1945 г.).

М.М. Попов командовал армиями и Северным, Ленинградским, Резервным, Брянским, Прибалтийским и 2-м Прибалтийским фронтами, умело организовал и провел Орловскую операцию. Он обладал высокой оперативной подготовкой и незаурядным талантом военачальника. Вновь стал генералом армии (1953 г.). В 1956—1962 гг. возглавлял Главный штаб Сухопутных войск. Увы, его военной карьере мешало увлечение спиртными напитками. Маршал И.С. Конев вспоминал, что

Маркиан Попов, с которым Сталин связывал большие надежды и не ошибся с точки зрения военных данных, сам себе помешал. М.М. Попов удостоен звания Героя Советского Союза в 1965 году.

Александра Петровича Покровского война застала на посту начальника штаба Группы резервных армий в звании генерал-майора. С июня по сентябрь 1941 года он — начальник штаба Юго-Западного направления и штаба фронта. Затем был начальником штаба 3-й ударной армии, оперативного отдела штаба Западного направления и фронта. С февраля 1943-го и до конца войны А.П. Покровский возглавлял штаб Западного фронта, переименованного (октябрь 1943 г.) в 3-й Белорусский.

Он всегда уделял большое внимание планированию операции, деятельности штаба, но порой недооценивал организаторскую работу непосредственно в войсках. Старательность, точность, добросовестность, аккуратность, вдумчивость — вот черты, которые неизменно отмечались в его служебных аттестациях на протяжении многих лет штабной службы.

Характеризуя деятельность Александра Петровича на посту начальника штаба фронта, С.М. Штеменко писал: «А.П. Покровский, стоявший во главе штабов

Б.А. Пигаревич

А.П. Пилипенко

А.П. Покровский

М.М. Попов

М.А. Пуркаев

С.Е. Рождественский

Ф.Н. Романов

Л.М. Сандалов

Л.С. Сквирский

задача не соответствует сложившейся обстановке, так как на сосредоточение мехкорпусов потребуется не менее трех—четырёх суток. Он просил командующего фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса обратиться к Главному командованию с предложением о создании

Юго-Западного направления, Западного и 3-го Белорусского фронтов, осуществлял свою фронтовую деятельность удивительно ровно. Казалось, он обладал каким-то особым секретом, позволявшим достигать плановости и строгого порядка в работе при любых условиях. А секрет этот заключался только в больших знаниях и опыте Александра Петровича, в его организаторском искусстве, хотя, как мне кажется, он всегда больше работал с документами, чем с людьми».

Войска Западного и 3-го Белорусского фронтов начиная с 1943 года успешно провели ряд крупных операций, в том числе Белорусскую и Восточно-Прусскую. Однако при наступлении на оршанском и витебском направлениях войска Западного фронта действовали не совсем удачно, понесли осенью 1943 и весной 1944 года большие потери.

Позднее командовавший 3-м Белорусским фронтом маршал А.М. Василевский отмечал в своей книге, что штаб фронта во главе с генерал-полковником А.П. Покровским провел большую работу по подготовке и организации операции в Восточной Пруссии.

В послевоенное (1946—1961) время Александр Петрович являлся начальником Военно-научного управления — помощником

начальника Генерального штаба по военно-научной работе. Под его руководством было организовано изучение и обобщение опыта Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Многие труды разработаны при его личном участии.

Максим Алексеевич Пуркаев до войны был начальником штаба Киевского Особого военного округа, возглавил штаб Юго-Западного фронта. Он был опытным, подготовленным военачальником и в первые дни войны умело руководил штабом фронта, обеспечивая управление войсками. Даже начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта Гальдер в своем дневнике 27 июня 1941 года писал: «На стороне противника, действовавшего против армии «Юг», отмечается твердое и энергичное управление». В этом немалая заслуга М.А. Пуркаева. Генерал-лейтенант Пуркаев глубоко оценивал оперативную обстановку и объективно докладывал командующему войсками фронта и в Генеральный штаб, предлагая обоснованные решения. Но с ним не всегда соглашались Ставка и командующий войсками фронта. В частности, получив в первый день войны директиву Ставки о нанесении контрудара и овладении Люблином на вторые сутки (до которого было 120 км), М.А. Пуркаев считал, что поставленная

на рубеже УР старой госграницы прочной обороны, т.е. сначала остановить противника, а затем, перейдя в наступление, разгромить его. Командующий соглашался с доводами начальника штаба фронта, но стоял на том, что приказ есть приказ и его надо выполнять. Его в этом поддерживал член военного совета Н.Н. Вашугин, который в последующем застрелился.

Оборона, осуществляемая войсками фронта, сохраняла некоторую устойчивость, а проводимые ими контрудары несколько замедлили продвижение противника. Но командование не смогло использовать значительные силы фронта для отражения ударов агрессора, продвижение которого было задержано под Киевом. 28 июля 1941 года М.А. Пуркаев был освобожден от должности начальника штаба Юго-Западного фронта, но впоследствии успешно командовал армией и войсками фронта.

Леонид Михайлович Сандалов в 1937 году окончил Военную академию Генерального штаба, до войны имел звание полковника и являлся начальником штаба 4-й армии. В этой должности ему довелось принимать участие в планировании и организации прикрытия границы на брестском направлении, а затем в первых сражениях с противником. Однако оши-

И.В. Смородинов

Г.Г. Соколов

В.Д. Соколовский

Г.Д. Стельмах

А.И. Субботин

Ф.И. Толбухин

Е.Г. Троценко

В.И. Тупиков

М.С. Хозин

М.Н. Шарохин

бочная дислокация войск (размещение трех дивизий в Бресте), их слабая боеготовность и отсутствие боевого опыта предопределили результаты боевых действий — армия вынуждена была вести оборонительные бои, неся тяжелые потери и отступала.

Непродолжительное время в 1941 году Л.М. Сандалову пришлось возглавлять штабы Центрального и Брянского фронтов, войска которых тоже отступали в ходе тяжелых оборонительных боев и только под Тулой приостановили продвижение танковой группы Гудериана.

После расформирования Брянского фронта в ноябре 1941 года Л.М. Сандалов был назначен начальником штаба 20-й армии, временно ею командовал при обороне Москвы и переходе в контрнаступление. Армия успешно наступала на волоколамском направлении. Леонид Михайлович тогда же был удостоен генеральского звания.

В сентябре 1942 года Л.М. Сандалов вновь был назначен начальником штаба Брянского фронта. В этой должности он принимал участие в подготовке и проведении Воронежско-Касторненской операции. В битве на Курской дуге этот фронт сыграл важную роль в Орловской наступательной операции. Успех во многом был обусловлен четкой работой его шта-

ба, тщательным планированием, всесторонним оперативным обеспечением и устойчивым управлением войсками.

В октябре 1943 года Брянский фронт был преобразован в Прибалтийский, а затем переименован во 2-й Прибалтийский, войска которого участвовали в Ленинградско-Новгородской операции, освобождении Прибалтики.

Весной 1945 года генерал-полковник Л.М. Сандалова назначили начальником штаба 4-го Украинского фронта по просьбе его командующего А.И. Еременко. Здесь Леонид Михайлович участвовал в подготовке и проведении Моравско-Остравской и завершившей войну Пражской операций. И в этот короткий период он сумел проявить себя опытным руководителем фронтового масштаба.

Л.М. Сандалов всегда отличался высокой оперативной подготовкой, распорядительностью, штабной культурой, умением организовать согласованную работу штаба фронта с родами войск, а также сочетанием работы в штабе с организаторской деятельностью в войсках.

Многие полководцы и военачальники высоко оценивали его деятельность. Так, маршал Г.К. Жуков писал о нем: «Должен отметить исключительную оперативную грамотность и умение четко спланировать наступательные

действия, организовать систему управления войсками начальника штаба фронта генерала Л.М. Сандалова. Знал я его еще со времени Битвы под Москвой, где он исполнял должность начальника штаба 20-й армии. Это был один из наиболее способных наших начальников штабов, глубоко разбиравшихся в оперативно-стратегических вопросах».

Командующий 4-м Украинским фронтом А.И. Еременко, характеризую Л.М. Сандалова, отмечал: «Это был штабной работник широкого оперативного кругозора, отличавшийся глубоким знанием дела и громадной работоспособностью. В успешном осуществлении последующих операций фронта большой вклад руководимого им штаба и его лично».

Генерал-полковник Л.М. Сандалов после войны был начальником штабов Прикарпатского и Московского военных округов, заместителем начальника Главного штаба Сухопутных войск. В результате аварии самолета, в котором находился Леонид Михайлович, он преждевременно выбыл из армейского строя, но сумел найти свое место в жизни, проявив силу воли, написал несколько книг о боевых действиях наших войск в начальный период Великой Отечественной войны.

Василий Данилович Соколовский до войны был генерал-лейтенантом, начальником штаба округа, затем заместителем начальника Генерального штаба. С июля 1941 года он — начальник штаба Западного фронта, руководил им в период Московской битвы. Принимал участие в разработке плана контрнаступления под Москвой.

Командуя с февраля 1943 года Западным фронтом, умело провел Смоленскую наступательную операцию, но затем в начале 1944-го не смог организовать прорыв обороны противника на витебском направлении. После отстранения от занимаемой должности был на-

Ф.И. Шевченко

Г.Д. Шишенин

И.Т. Шлемин

значен начальником штаба 1-го Украинского фронта, которым уверенно руководил при организации и проведении Львовско-Сандомирской и Висло-Одерской наступательных операций. С апреля 1945 года в ходе подготовки и проведения Берлинской наступательной операции являлся первым заместителем командующего войсками 1-го Белорусского фронта. Маршал Г.К. Жуков в его аттестации в 1945 году писал: «Генерал армии Соколовский... обладает большой силой воли и твердостью характера, смелый, энергичный, решительный и инициативный, постоянно требовательный к себе и подчиненным».

В 1945 году генералу армии В.Д. Соколовскому присваивают звание Героя Советского Союза, а в 1946-м — Маршала Советского Союза. С 1952 по 1960 год В.Д. Соколовский — начальник Генерального штаба.

Значительная часть нелегкого пути **Федора Ивановича Толбухина** была связана с работой в штабах. После Гражданской войны он вспоминал: «В те годы по-настоящему грамотных людей не хватало, и по неписаному правилу считалось, что если командир грамотный, да еще и умный, то его в первую очередь следует назначить на штабную должность». Он десять лет возглавлял штаб дивизии и стрелкового корпуса. В его аттестации записано: «Любит и знает штабную работу. Обладает достаточными навыками в организации и методике оперативно-тактической подготовки». Вероятно, это сыграло свою роль, и летом 1938 года он был назначен на должность начальника штаба Закавказского военного округа.

Накануне и в начале войны Ф.И. Толбухин проделал большую организаторскую работу по отмотивированию войск округа, а после преобразования в августе 1941 года округа в Закавказский фронт стал начальником его штаба.

Войска фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией в конце декабря 1941 года провели Керченско-Феодосийскую десантную операцию по овладению Керченским полуостровом и созданию условий для освобождения Крыма. Замыслом операции предусматривалось осуществить одновременную высадку войск в районе Керчи и Феодосии, а также окружить и уничтожить Керченскую группировку противника. Ф.И. Толбухин, возглавляя штаб фронта, внес большой вклад в планирование, организацию и обеспечение

этой сложной операции. Он умело организовал оперативную маскировку, обеспечившую внезапность высадки десанта, четко согласовал действия войск, сил флота, авиации и создал устойчивую систему управления. Одна из самых крупных десантных операций, проведенная в сложных условиях, завершилась успехом.

В конце января 1942 года на Керченском полуострове формируется Крымский фронт, и Ф.И. Толбухина назначают начальником штаба этого фронта. В этот сложный период, когда войскам надо было закрепиться, а штабу готовить операцию по освобождению Крыма, управленческие силы вследствие недостаточной твердости командующего фронтом Д.Т. Козлова, а также провозглашения и некомпетентного вмешательства представителя Ставки Л.З. Мехлиса оказалось дезорганизованным. Попытки Федора Ивановича придать деятельности командования и штаба фронта плановость и организованность привели к обострению отношений со своим равным представителем Ставки Мехлисом. В результате Ф.И. Толбухин в марте 1942 года был отстранен от занимаемой должности и назначен заместителем командующего войсками Сталинградского военного округа. Как и следовало ожидать, подрыв единоначалия и ряд допущенных командованием Крымского фронта ошибок оперативного характера привели в мае 1942 года к тяжелой катастрофе (фронт потерял 176 566 человек, 347 танков, 3476 орудий и минометов, 400 самолетов).

Деятельность Ф.И. Толбухина в Сталинградской битве и в последующие годы войны показала, что отстранение его от должности было неоправданным. Летом 1942 года он был назначен командующим 57-й армией, оборонявшей юго-западные подступы к Сталинграду. С переходом войск в контрнаступление 57-я армия успешно действовала при прорыве обороны противника, окружении и уничтожении вражеской группировки.

В марте 1943 года Ф.И. Толбухин назначается командующим войсками Южного фронта, затем до конца войны успешно руководит 4-м и 3-м Украинскими фронтами. В 1944 году Федору Ивановичу Толбухину присваивается звание Маршала Советского Союза, он награждается орденом «Победа». В 1965 году ему присвоено (посмертно) звание Героя Советского Союза.

В заключение следует отметить, что начальники штабов фронтов в своем большинстве были людьми неординарными и выдающимися.

Наиболее видные из них заняли в годы войны высокие должности: генерал армии А.И. Антонов был начальником Генерального штаба; Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин, генералы армии И.Х. Баграмян, Н.Ф. Ватутин, Г.Ф. Захаров, И.Е. Петров, М.М. Попов, М.А. Пуркаев, В.Д. Соколовский командовали фронтами.

В послевоенные годы С.С. Бирюзов, М.В. Захаров и В.Д. Соколовский возглавляли Генеральный штаб и были удостоены звания Маршала Советского Союза, а еще трое из них — генералы армии С.П. Иванов, Г.К. Маландин и М.С. Малинин являлись первыми заместителями начальника Генерального штаба.

Опыт деятельности командующих и начальников фронтовых штабов бесценен. Некоторые методы их работы по планированию, организации операций и руководству войсками не потеряли своего значения и поныне. Их надо изучать и использовать командующим и штабам оперативных объединений в практической работе.

В современных условиях в связи с оснащением Вооруженных сил ракетно-ядерным и высокоточным оружием деятельность штабов оперативных объединений становится более многогранной и сложной. Внедряются автоматизированные системы управления войсками и оружием, электронно-вычислительная и навигационная техника нового поколения. В соответствии с этим совершенствуются прежние методы работы, организационная структура штабов, предъявляются повышенные требования к слаженности в работе и уровню профессиональной оперативной и технической подготовки генералов и офицеров.

Наш долг — помнить великих тружеников войны, знать имена выдающихся военачальников, возглавлявших фронтовые штабы в годы Великой Отечественной. Они вместе с командующими фронтами, видными советскими полководцами, руководили войсками фронтов в тяжелую военную пору и внесли свою лепту в разгром вермахта.

*Генерал-лейтенант в отставке
Е.И. МАЛАШЕНКО
(Москва)*

Редакция журнала и автор публикации выражают благодарность за подбор иллюстративного материала начальнику Архивной службы ВС РФ полковнику С.А. Ильенкову, сотруднику Главного управления кадров МО РФ подполковнику С.В. Кваскову, а также сотруднику Центрального архива МО РФ В.В. Черепановой и Н.И. Шестопалу.

Начальники штабов фронтов в годы Великой Отечественной войны

Воинское звание (высшее)	Фамилия, имя, отчество	Годы жизни	С какого года в РККА. Участие в войнах	Военное образование	Должность и звание на 22 июня 1941 г.	Должность и звание до назначения начальником штаба фронта	Штаб какого фронта и в какой период возглавлял	Присвоение воинских званий	С какой должности и когда уволен из Вооруженных сил	
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10
Генерал-лейтенант	Иголкин Петр Иванович	1890—1970	1918	Академия Генерального штаба (1941)	Начальник отдела штаба округа. Полковник	Начальник оперативного отдела штаба фронта. Генерал-майор	Северо-Западный (11 ноября — 20 ноября 1943)	Генерал-лейтенант (1954)	Зам. начальника Военно-научного управления Генерального штаба. Уволен в 1961 г.	
Генерал армии	Казаков Михаил Ильич	1901—1979	1920, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Брянский (17 января — 19 июля 1942); Воронежский (20 июля 1942 — 2 февраля 1943)	Генерал-лейтенант (1943); генерал-полковник (1944); генерал армии (1955). Герой Советского Союза (1978)	Начальник штаба ОВС госуларств-участников Варшавского договора (1965—1968)	
Генерал-майор	Кацнельсон Анатолий Анисимович	1904—1977	1921	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Начальник отдела штаба армии. Полковник	Начальник оперативного отдела штаба фронта. Полковник	Капининский (26 ноября — 31 декабря 1941)	Генерал-майор (1942)	Начальник штаба армии	
Генерал-лейтенант	Кленов Петр Семенович	1892—1942	1918, Гражданская	Академия Генерального штаба (1939)	Начальник штаба округа. Генерал-лейтенант	Начальник штаба Прибалтийского Особого ВО. Генерал-лейтенант	Северо-Западный (22 июня — 1 июля 1941)		Арестован и расстрелян в 1942 г. Реабилитирован в 1956 г.	
Генерал-майор	Климовских Владимир Ефимович	1895—1941	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе; Академия Генерального штаба (1938)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба Западного Особого ВО. Генерал-майор	Западный (22 июня — 30 июня 1941)		Арестован и расстрелян в 1941 г. Реабилитирован в 1957 г.	
Генерал-лейтенант	Коваленко Кирилл Алексеевич	1891—1980	1920, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе	Командир стрелковой дивизии. Генерал-майор	Командующий ударной группой Сталинградского фронта. Генерал-майор	Сталинградский (10—30 сентября 1942)	Генерал-лейтенант (1944)	Начальник управления Главного штаба СВ (1947)	
Генерал армии	Коллачки Владимир Яковлевич	1897—1961	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1928)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба, и.о. командующего армией. Генерал-майор	Брянский (24 декабря 1941 — 17 января 1942); 2-й Белорусский (24 февраля — 5 апреля 1944)	Генерал-лейтенант (1943); генерал-полковник (1944); генерал армии (1961)	Начальник Главного управления боевой подготовки СВ. Погиб в 1961 г. в авиакатастрофе	

1	Генерал-лейтенант	1899—1972	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931)	Начальник оперативного отдела штаба округа. Полковник	Начальник оперативного отдела штаба Южного фронта. Полковник	Южный (30 июня — 17 июля 1941); Воронежский (22 марта — 30 мая 1943); Юго-Западный (31 мая — 20 октября 1943); 3-й Украинский (20 октября 1943 — 15 мая 1944); 4-й Украинский (5 августа 1944 — 2 апреля 1945)	Генерал-майор (1942); генерал-лейтенант (1943)	Начальник штаба округа. На преподавательской работе в Военной академии Генерального штаба
2	Корженевич Феодосий Константинович	1895—1949	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932); Академия Генерального штаба (1938)	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Командующий армией. Генерал-лейтенант	Карельский (1 сентября — 15 ноября 1944); Приморская группа войск (15 апреля — 4 августа 1945); 1-й Дальневосточный (5 августа — 1 октября 1945)	Генерал-лейтенант (1943)	Начальник управления ВУЗов МО (1946—1948)
3	Кудряшов Александр Иванович	1901—1962	1919, Гражданская		Начальник оперативной группы Московского ВО. Генерал-майор	Начальник оперативной группы Московского ВО. Генерал-майор	Фронт Можайской линии (18—30 августа 1941); Московская зона обороны (3 декабря 1941 — 1 июля 1943)	Генерал-лейтенант (1945)	Начальник управления Генштаба
4	Курасов Владимир Васильевич	1897—1973	1918, Первая мировая, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932); Академия Генерального штаба (1938)	Начальник отдела оперативного управления Генштаба. Полковник	Командующий армией. Генерал-лейтенант	Калининский (9 апреля — 20 октября 1943); 1-й Прибалтийский (20 октября 1943 — 24 февраля 1945)	Генерал-лейтенант (1942); генерал-полковник (1944); генерал армии (1948). Герой Советского Союза (1965)	Начальник Высшей военной академии (с 1958 г. — ВАГШ) (1949—1956; 1961—1963)
5	Ласкин Иван Андреевич	1901—1988	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934)	Начальник штаба дивизии. Полковник	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Северо-Кавказский (13 мая — 20 ноября 1943)	Генерал-лейтенант	Арестован в декабре 1943 г. Освобожден в мае 1953 г. Старший преподаватель Военной академии Генерального штаба
6	Любарский Степан Иванович	1896—1945	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932); Академия Генерального штаба (1938)	Начальник оперативного отдела штаба ВО. Комбриг	Начальник штаба армии. Генерал-лейтенант	2-й Белорусский (24 апреля — 5 мая 1944)	Генерал-майор (1942); генерал-лейтенант (1944)	Потреб в бою 16 апреля 1945 г.
7	Ляпин Петр Иванович	1894—1954	1918, Первая мировая, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931)	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Фронт резервных армий (17—25 июля 1941); Резервный (30 июля — 10 августа 1941)	Генерал-лейтенант (1944)	Начальник штаба округа

Генерал армии	Маладин Герман Капитонович	1894—1961	1918, Первая мировая, Гражданская	Курсы при Военной академии имени М.В. Фрунзе (1926); Академия Генерального штаба (1936)	Начальник Оперативного управления Генерал-лейтенант	Начальник Оперативного управления Генерал-лейтенант	Западный (1—21 июля 1941)	Генерал-полковник (1945); генерал армии (1948)	Начальник Главного штаба СВ. Начальник Военной академии Генерального штаба
Генерал армии	Малинин Михаил Сергеевич	1899—1960	1919	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931)	Начальник штаба механизированного корпуса. Полковник	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Брянский (20 июля — 27 сентября 1942); Донской (30 сентября 1942 — 15 февраля 1943); Центральный (15 февраля — 20 октября 1943); Белорусский (20 октября 1943 — 25 февраля 1944) и (6—15 апреля 1944); 1-й Белорусский (25 февраля — 5 апреля 1944) и (16 апреля 1944 — 10 июня 1945)	Генерал-майор (1941); генерал-лейтенант (1942); генерал-полковник (1943); генерал армии (1953). Герой Советского Союза (1945)	Первый заместитель начальника Генерального штаба
Генерал-лейтенант	Минюк Леонид Федорович	1918, Гражданская, советско-финляндская	1918, Гражданская	Порученец наркомата обороны. Генерал-майор	Начальник штаба армии. Генерал-лейтенант	Начальник штаба армии. Генерал-лейтенант	Закавказский (26 июня 1944 — 25 августа 1945)	Генерал-лейтенант (1943)	В 1947 г. арестован. В 1953 г. реабилитирован
Генерал-майор	Никишов Дмитрий Никитович	1898—1974	1918, Первая мировая, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1927)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба Ленинградского военного округа. Генерал-майор	Северный (24 июня — 23 августа 1941); Сталинградский (24 июля — 8 сентября 1942)	Начальник кафедры Военной академии имени М.В. Фрунзе	
Генерал-лейтенант	Озеров Федор Петрович	1899—1971	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932); Академия Генерального штаба (1938)	Командир стрелковой дивизии. Полковник	Командующий армией. Генерал-майор	Волховский (26 июня 1943 — 15 февраля 1944)	Генерал-лейтенант (1943)	Начальник штаба ВО. Заместитель и начальник кафедры Военной академии Генерального штаба (1946—1954)
Генерал армии	Петров Иван Ефимович	1896—1958	1918, Первая мировая, Гражданская	Курсы усовершенствования состава (1926 и 1931)	Командир дивизии. Генерал-майор	Командующий Черноморской группой войск. Генерал-лейтенант	Северо-Кавказский (16 марта — 15 мая 1943); 1-й Украинский (9 апреля — 10 июня 1945)	Генерал-лейтенант (1942); генерал-полковник (1943); генерал армии (1943, 1944). Герой Советского Союза (1945)	Начальник Главного управления боевой подготовки, 1-й заместитель главнокомандующего СВ; главный инспектор Министерства обороны (1956—1957)
Генерал-полковник	Пигаревич Борис Алексеевич	1898—1961	1918, Первая мировая, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1926); Академия Генерального штаба (1941)	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Начальник штаба армии. Генерал-лейтенант	Карельский (16 октября 1943 — 27 августа 1944) (отстранен от должности)	Генерал-лейтенант (1943); генерал-полковник (1955)	Заместитель начальника Генерального штаба Войска Польского

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Генерал-майор	Пилипенко Антон Петрович	1903—1944	1922	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1939)	Полковник	И.о. начальника штаба округа	Воронежский (2 февраля — 23 марта 1943)	Генерал-майор (1943)	Погиб в авиакатастрофе в марте 1943 г. будучи начальником штаба 38-й армии
Генерал-полковник	Покровский Александр Петрович	1898—1979	1919, Первая мировая, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1926); Академия Генерального штаба (1938)	Заместитель начальника штаба округа. Генерал-майор	Начальник оперативного отдела штаба фронта. Генерал-майор	Юго-Западный (30 сентября — 13 октября 1941); Западный (27 февраля 1943 — 24 апреля 1944); 3-й Белорусский (24 апреля 1944 — 15 августа 1945)	Генерал-майор (1941); генерал-лейтенант (1943); генерал-полковник (1944)	Начальник Главного военно-научного управления Генерального штаба до 1961 г.
Генерал армии	Попов Маркиан Михайлович	1902—1969	1920, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Командующий войсками округа. Генерал-лейтенант	Командующий фронтом. Генерал-полковник	Ленинградский (28 апреля 1944 — 24 июля 1945); 2-й Прибалтийский (21—31 марта 1945)	Генерал-полковник (1943); генерал армии (1943 и 1953). Герой Советского Союза (1965)	Начальник Главного штаба СВ (1956—1962)
Генерал армии	Пуркаев Максим Алексеевич	1894—1953	1918, Первая мировая, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Начальник штаба округа. Генерал-лейтенант	Начальник штаба Кисевского Особого ВО. Генерал-лейтенант	Юго-Западный (22 июня — 28 июля 1941)	Генерал-полковник (1942); генерал армии (1944)	Начальник Главного управления ВУЗов МО (1952—1953)
Генерал-лейтенант	Рождественский Серафим Евгеньевич	1904—1963	1920, советско-финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936)	Заместитель начальника штаба округа. Полковник	Начальник оперативного отдела штаба фронта. Генерал-майор	Закавказский (28 октября — 21 ноября 1942 и 16 декабря 1942 — 21 ноября 1943)	Генерал-майор (1942); генерал-лейтенант (1949)	Начальник штаба ВДВ
Генерал-майор	Романов Федор Николаевич	1900—1966	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1929)		Начальник штаба армии	Южный (17 июля — 30 августа 1941)		Арестован в 1942 г. Освобожден в 1953 г.
Генерал-полковник	Сандалов Леонид Михайлович	1900—1987	1919, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934); Академия Генерального штаба (1938)	Начальник штаба армии. Полковник	Начальник штаба армии. Полковник	Центральный (26 июля — 22 августа 1941); Брянский (14 октября — 10 ноября 1941) и (28 сентября 1942 — 12 марта 1943); Резервный (12—28 марта 1943); Брянский (28 марта — 10 октября 1943); 2-й Прибалтийский (20 октября 1943 — 21 марта 1945); 4-й Украинский (2 апреля — 31 июля 1945)	Генерал-майор (1942); генерал-лейтенант (1943); генерал-полковник (1944)	Начальник штаба округа
Генерал-лейтенант	Скворский Лев Соломонович	1903—1978	1920, Гражданская, советско-финляндская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1935)	Начальник штаба армии. Полковник	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Карельский (9 ноября 1941 — 18 мая 1943)	Генерал-майор (1941); генерал-лейтенант (1944)	Заместитель начальника кафедры Военной академии Генерального штаба
Генерал-полковник	Смординов Иван Васильевич	1894—1953	1918, Гражданская, советско-финляндская		Помощник начальника штаба. Генерал-лейтенант	Помощник начальника штаба. Генерал-полковник	Дальневосточный (14 января 1941 — 18 июня 1943)	Генерал-полковник (1941)	Начальник Организационно-мобилизационного управления Генерального штаба до 1953 г.
Генерал-лейтенант	Соколов Григорий Григорьевич	1904—1973	1921		Начальник Главного управления погранвойск. Генерал-лейтенант	Начальник Главного управления погранвойск. Генерал-лейтенант	Центральный (22—25 августа 1941)	Генерал-лейтенант (1940)	Начальник управления ВУЗов МВД (1946—1949)

Маршал Советского Союза	Соколовский Василий Данилович	1897—1968	1918, Гражданская	Военная академия РККА (1921)	Заместитель начальника Генерального штаба. Генерал-лейтенант	Заместитель начальника Генерального штаба. Генерал-лейтенант	Западный (27 июля 1941 — 25 января 1942) и (5 мая 1942 — 2 февраля 1943); 1-й Украинский (24 апреля 1944 — 9 апреля 1945)	Генерал-полковник (1943); генерал армии (1943); Маршал Советского Союза (1946). Герой Советского Союза (1945)	Начальник Генерального штаба (1952—1960)
Генерал-майор	Стельмах Григорий Давыдович	1900—1942	1919, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1926)	Преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе. Комбриг	Преподаватель Военной академии имени М.В. Фрунзе. Комбриг	Волховский (28 ноября 1941 — 23 апреля 1942) и (8 июня — 5 октября 1942); Юго-Западный (25 октября — 10 декабря 1942)	Генерал-майор (1941)	Погиб в декабре 1942 г.
Генерал-майор	Субботин Алексей Иванович	1899—1953	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1930); Академия Генерального штаба (1938)	Командующий Ленинградского народного ополчения	Командующий Ленинградского народного ополчения			Заместитель начальника кафедры Военной академии Генерального штаба
Маршал Советского Союза	Толбухин Федор Иванович	1894—1949	1918, Первая мировая, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба Закавказского военного округа. Генерал-майор	Закавказский (23 августа — 30 декабря 1941); Кавказский (30 декабря 1941 — 28 января 1942). Крымский (28 января — 10 марта 1942)	Генерал-лейтенант (1943); генерал-полковник (1943); генерал армии (1943); Маршал Советского Союза (1944)	Командующий войсками Закавказского военного округа
Генерал-полковник	Троценко Ефим Григорьевич	1901—1972	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1931)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба Забайкальского военного округа. Генерал-майор	Забайкальский (15 ноября 1941 — 12 июля 1945)	Генерал-майор (1940); генерал-лейтенант (1943); генерал-полковник (1954)	Заместитель начальника Главного управления кадров (1957—1966)
Генерал-майор	Тупиков Владимир Иванович	1901—1941	1922	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1933)	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Юго-Западный (29 июля — 20 сентября 1941)		Погиб в бою 20 сентября 1941 г.
Генерал-полковник	Хозин Михаил Семенович	1896—1979	1918, Первая мировая, Гражданская	Курсы при Военной академии имени М.В. Фрунзе (1925)	Начальник Военной академии имени М.В. Фрунзе. Генерал-лейтенант	Начальник штаба тыла фронта резервных армий. Генерал-лейтенант	Ленинградский (13 сентября — 9 октября 1941)	Генерал-полковник (1943)	Начальник Высших академических курсов при Военной академии имени М.В. Фрунзе до 1963 г.
Генерал-полковник	Шарохин Михаил Николаевич	1898—1974	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1936); Академия Генерального штаба (1939)	Начальник отдела оперативного управления Генштаба. Генерал-майор	Начальник штаба армии. Генерал-лейтенант	Северо-Западный (5 августа — 5 октября 1942); Волховский (5 октября 1942 — 25 августа 1943)	Генерал-лейтенант (1942); генерал-полковник (1945). Герой Советского Союза (1945)	Начальник управления ВУЗов МО до 1960 г.
Генерал-лейтенант	Шерченко Федор Иванович	1900—1982	1918	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1934)	Начальник отдела Генштаба. Полковник	Начальник штаба округа. Генерал-майор	Воронежский (9—20 июля 1942); Дальневосточный (18 июня 1943 — 4 августа 1945); 1-й Дальневосточный (5 августа — 1 октября 1945)	Генерал-майор (1941); генерал-лейтенант (1944)	
Генерал-майор	Шишенин Гавриил Данилович	1897—1941	1919, Гражданская		Начальник штаба округа. Генерал-майор	Начальник штаба Московского ВО. Генерал-майор	Южный (25—30 июня 1941)		Начальник штаба Приморской армии. Погиб в бою в ноябре 1941 г.
Генерал-лейтенант	Шлемин Иван Тимофеевич	1898—1969	1918, Гражданская	Военная академия имени М.В. Фрунзе (1932)	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Начальник штаба армии. Генерал-майор	Северо-Западный (15 мая — 5 августа 1942)	Генерал-лейтенант (1943). Герой Советского Союза (1945)	Заместитель начальника кафедры Военной академии Генерального штаба до 1962 г.

Примечание. Таблица составлена на основе данных Главного управления кадров МО РФ и Центрального архива МО РФ.

«БУДЕМ ДРАТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО, А ПОСЛЕДНИЙ – ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ...»

**Майкопский
десант
в невероятно
сложных условиях
поставленную
задачу выполнил**

К СЕРЕДИНЕ октября 1942 года обстановка на Северном Кавказе, особенно на туапсинском направлении, достигла крайнего напряжения. Остановив врага на подступах к портовому городу, советские войска вели ожесточенные бои с яростно рвавшимися к Черноморскому побережью гитлеровцами. Чрезмерную активность проявляла и вражеская авиация, имевшая 3—5-кратное превосходство над нашей, с большим трудом и недостаточной эффективностью прикрывавшей базы, аэродромы, оборонительные позиции, корабли, морские коммуникации.

По данным разведки, основным местом базирования вражеских самолетов был аэродром в Майкопе, на котором находилось в среднем от 30 до 50 боевых машин, преимущественно «мессершмиттов» и «юнкерсов», управляемых опытными летчиками. Неоднократные попытки советского командования организовать и осуществить по нему удары с воздуха успеха не имели из-за его надежной защищенности. После этого и было принято решение уничтожить это беспокойное «осиное гнездо» силами отряда парашютистов-десантников, выброшенных ночью с транспортных самолетов.

В соответствии с планом, разработанным штабом ВВС ЧФ и утвержденным военным советом флота 13 октября 1942 года, эта трудная и весьма опасная задача была возложена на боевую группу из 40 опытных моряков-черноморцев парашютно-десантной роты капитана М.А. Орлова с соответствующим обеспечением².

Десантный отряд подразделялся на три группы: диверсионную — 20 человек, прикрытия — 15 человек и управления — 3 человека³. Каждая группа в свою очередь состояла из пятерок, которые возглавляли сержанты Михаил Типер,

Представленная вниманию читателей статья освещает на первый взгляд незначительный эпизод обороны Кавказа в ходе Великой Отечественной войны — рейд бойцов парашютно-десантной роты ВВС Черноморского флота на туапсинском направлении. И действительно, это событие настолько теряется в обширном перечне ему подобных, что в официальных источниках и в работах различных исследователей ему отводится, как правило, несколько строк. Объяснение тут довольно простое: во-первых, в 1941—1945 гг. в тыл противника было выброшено свыше 50 тыс. воздушных десантов различного состава и предназначения; во-вторых, так называемый майкопский десант имел лишь тактическое значение, что умаляло его значимость в глазах отдельных исследователей. Вместе с тем подробное описание всех перипетий этого «незначительного эпизода», хранившееся невостребованным в архиве¹, дает основание утверждать, что действия майкопского десанта явились оригинальными по замыслу и смелыми до дерзости при выполнении.

Василий Бережной, Павел Скибенко и Иван Грунский, младшие сержанты Яков Фрумин и Николай Безгубенко, старший краснофлотец Анатолий Терещук. Командовал отрядом участник боев за Севастополь старшина Павел Соловьев, а его заместителем был младший сержант Георгий Чмыга.

После решения организационных вопросов участники операции сразу же начали усиленно готовиться к ее выполнению. Подготовка шла по строго разработанному плану днем и ночью. Десантники отработывали приемы самбо и рукопашного боя, учились снимать часовых, совершенствовались в стрельбе из различных положений и метании ручных гранат. Изучали план аэродрома и размещение на нем самолетов, осваивали наиболее эффективные способы вывода из строя боевой техники с помощью специальных зажигательных средств, совершали марш-броски протяженностью до 50 км по пересеченной местности с преодолением водных преград на подручных средствах. Все десантники, в том числе и партизаны-проводники, совершили по 5—7 дневных и по 2 ночных прыжка с парашютом каждый. Уточнялись персональные задания для всех летчиков.

ПРЕДМЕТОМ особой заботы командование считало экипировку десантников, максимально обеспечивающую выполнение поставленной задачи. Бойцы были одеты в комбинезоны и шлемы, имели при себе ранцы, компасы, карманные фонарики,

по 12 плиток шоколада, одной пачке печенья, флягу со спиртом, по 2 индивидуальных пакета с йодом, по 5 пачек папирос и по 2 коробка спичек. Каждый был вооружен пистолетом, автоматом с двумя дисками патронов, кинжалом, пятью ручными гранатами⁴.

Большое внимание подготовке операции уделяли командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член военного совета флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков. Они не раз посещали отряд, подробно знакомились с ходом его подготовки, беседовали с десантниками, интересовались их настроением, вооружением, снаряжением.

Одной из особенностей подготовительной работы являлось то, что в целях достижения внезапности план проведения операции держался в строжайшем секрете. Он был доведен лишь до ограниченного круга лиц, включая капитана М.А. Орлова, и десантники, тренируясь, не знали, когда, на какой аэродром и каким образом будет осуществлена их выброска. С графиком базирования и схемой размещения вражеских самолетов на неизвестном им пока аэродроме они знакомились по наглядным пособиям, изготовленным на основе данных аэрофотосъемки, которые ежедневно доставляла воздушная разведка.

Первоначально выброска десанта планировалась на 18 октября, но из-за погодных условий она была перенесена на 23 октября, в ночь на субботу. К 18 ч 00 мин этого дня по данным воздушной раз-

ведки стало известно, что на майкопском аэродроме базируется 28 МЕ-109, 4 Ю-88, 3 Ю-52 и 4 самолета связи, расположенных преимущественно в северной и северо-западной частях аэродрома.

За 4 часа до вылета на задание генерал-майор В.В. Ермаченков собрал на аэродроме Бабушеры десантников и, доведя до них план десантирования, поставил конкретные задачи, рассчитанные по целям, времени и месту с точностью до минуты.

Перед вылетом десантники заверили командование ВВС о своей готовности пойти на самопожертвование для выполнения поставленной задачи и приняли клятву, в которой говорилось: «Идя на выполнение боевого задания, мы, моряки-черноморцы, клянемся тебе, Родина, что с честью выполним порученное нам дело. Клянемся стойко и мужественно драться с ненавистным врагом, беспощадно уничтожать фашистских гадов и их технику. Каждый из нас горит благородным желанием мести. Мы будем мстить за отцов, матерей, братьев, сестер, за сиротские слезы, за поруганных жен и любимых девушек, за все злодеяния, учиненные гитлеровскими палачами. Никто из нас не дрогнет, как бы тяжело нам не пришлось. Будем драться до последнего, а последний — до последней капли крови, но задание выполним!».

В 21 ч 19 мин с аэродрома Бабушеры в воздух начала подниматься первая авиагруппа из 4 бомбардировщиков ТБ-3, затем еще 5 ТБ-3 и 2 СБ, а в 2 ч 50 мин с аэродрома Лазаревская 2 И-15 — все курсом на майкопский аэродром.

Согласно плану и расчету времени отряд десантников вылетел на задание на двух самолетах в 21 ч 35 мин. Первым шел ПС-84, ведомый капитаном П.И. Малиновским, на котором вместе с капитаном М.А. Орловым, руководившим выброской десанта, находились группа управления и группа прикрытия в количестве 18 человек. Диверсионная группа и партизаны-проводники летели на втором самолете — ТБ-3. Его пилотировал старший лейтенант С.П. Гаврилов, имевший богатый опыт полетов в тыл противника, награжденный, как и командир первой машины, орденом Красного Знамени, а за высадку десантников отвечал начальник парашютно-десантной службы 63-й авиабригады мастер парашютного спорта капитан А.П. Десятников.

В 22 ч 45 мин в точном соответствии с планом операции к майкопскому аэродрому подошла первая группа бомбардировщиков. Встреченная огнем 10—12 вражеских зенитных автоматических пушек, 5—6 зенитных пулеметов и освещаемая 6—8 прожекторами, она начала бомбардиров-

ку аэродрома, подготавливая условия для высадки десанта. В течение 40 мин, сделав в условиях сплошной огневой завесы 20 заходов, она сбросила с высоты 2100—3000 м 40 100-кг бомб на северную, северо-западную и юго-западную части аэродрома и частично по центру. За это время было уничтожено 2 самолета, 1 прожектор и вызвано несколько очагов пожара.

ПОСЛЕ удара бомбардировщиков в 23 ч 23 мин подошли два ночных истребителя И-15 бис под командованием капитана Алексея Фурлетова и на бреющем полете с высоты 400 м пулеметным огнем и бомбами стали штурмовать огневые средства и прожекторные установки противника. Они произвели 18 атак, сбросив четыре 25-кг бомбы, огнем пулеметов и пушек подавили 4—5 прожекторов, несколько огневых точек. За 5 мин до выброски десанта самолеты СБ с исключительной точностью по месту и времени сбросили с малых высот на железнодорожный вокзал, что в полутора километрах южнее аэродрома, и мебельную фабрику 328 мелких зажигательных бомб, образовав ряд очагов пожара, которые осветили всю округу и стали световым ориентиром для выхода на аэродром самолетов с десантом на борту.

К сожалению, не все огневые и осветительные средства противника оказались подавленными, а поэтому машины с десантом при подходе к аэродрому были схвачены лучами уцелевших прожекторов и встречены сильным огнем зенитной артиллерии и пулеметов. Парашютисты опускались, можно сказать, в самое пекло, что, однако, не помешало им приземлиться в центре аэродрома. Освободившись от парашютов и расчищая себе путь автоматами, десантники с ПС-84 занимали заранее намеченные рубежи. Под руководством старшины П.М. Соловьева они вступили в бой, отсекая гитлеровцев от самолетов и отвлекая их внимание на себя, пока другие бойцы находились еще в воздухе.

Второму самолету (ТБ-3) не повезло: он вышел к аэродрому с опозданием на 1,5—2 мин и на высоте 600 м сразу же был схвачен лучами четырех прожекторов. На громадную машину обрушился шквальный огонь, и три снаряда угодили в ее хвостовую часть. Именно в это время по команде капитана А.П. Десятникова началась выброска, и когда самолет находился над центром аэродрома, от прямого попадания снаряда взорвался бензобак. ТБ-3 загорелся, многих десантников обдало пламенем вспыхнувшего бензина. Сильные ожоги получили сержанты Вови Гульник, Сергей Львов, младшие сержанты Иван

Касьянов, Александр Процаев, старший краснофлотец Петр Павленко и некоторые другие.

Невероятным усилием воли старший лейтенант С.П. Гаврилов, пилотировавший ТБ-3, несмотря на полученные ожоги лица и рук, продолжал полет, мастерски удерживая машину в горизонтальном положении и обеспечивая высадку десанта до тех пор, пока объятый пламенем самолет не решил на резкое снижение. При падении самолета в числе погибших оказались партизаны-проводники, несколько бойцов десанта и 7 членов экипажа. Чудом удалось спастись командиру С.П. Гаврилову, который, присоединившись к десантникам, героически сражался в их рядах⁶.

Во время выброски парашютистов и их действий на земле над аэродромом появились пять наших ТБ-3, которые в течение 40 мин с высоты 2800—3400 м непрерывно бомбили район железнодорожного вокзала. Им удалось взорвать склад с горючим, повредить дорогу, идущую из города к аэродрому, и подавить средства ПВО противника на южной окраине аэродрома, препятствуя выдвигению его резервов и обеспечивая отход десантников. За это время бомбардировщики произвели 21 заход, сбросив на цели 50 100-кг бомб и вызвав три очага пожара. Всего же наблюдалось 11 точек возгорания.

Приземлившись, десантники диверсионной группы стали забрасывать немецкие самолеты гранатами и бутылками с горючей смесью, закладывали термитные бомбы через пробитые топориками отверстия в фюзеляже или крыльях. Особенно смело и напористо действовали сержанты Вови Гульник, Сергей Львов, Михаил Типер, младшие сержанты Дмитрий Голод, Иван Касьянов, Василий Муравьев, Яков Фрумин, старшие краснофлотцы Петр Павленко, Александр Процаев. Вскоре в различных секторах аэродрома раздались взрывы, в небо стали взлетать горящие обломки самолетов. Поднявшуюся дымовую завесу не могли пробить даже прожекторы, которые постоянно освещали летное поле.

В то же время в различных концах аэродрома велась ожесточенная перестрелка. Десантники группы прикрытия, возглавляемые младшим сержантом Г.Ф. Чмыгой, огнем пулеметов и автоматов умело отсекали от самолетов солдаты охраны, которые отвечали им также яростным огнем, но вступить в рукопашный бой не решились.

БОЕВЫЕ действия десантников на аэродроме продолжались всего лишь 40 минут. Но за это короткое время, как сообщалось в сводке Совинформбюро вечером 11 ноября, они сожгли 13 и серьезно повредили 10 немец-

ких самолетов, уничтожив при этом до сорока гитлеровцев и три огневых точки противника.

В 00 ч 10 мин 24 октября в ночное небо взвились две зеленые ракеты. Это был условный сигнал старшины П.М. Соловьева на отход отряда. Последней покидала объект группа прикрытия. Однако аэродром уже успели оцепить немецкие мотоциклисты с собаками и прибывшие на автомашинах солдаты. Десантники вынуждены были прорываться группами и поодиночке, оставшись к тому же без партизан-проводников. Продвигались лесом и в основном ночью, ориентируясь по компасу, в направлении Даховская, Хамышки. Днем же, опасаясь преследования, устраивали засады, нередко вступая в перестрелки с гитлеровскими разъездами и патрулями. В результате этих стычек были уничтожены 4 вражеские пулеметные точки, 23 гитлеровца и 12 казаков-предателей, а также на пути следования разрушены десять линий проводной связи и кабель. Большую помощь десанникам оказывали местные жители, которые снабжали их продуктами и указывали наиболее безопасное направление.

На девятые сутки скитаний по горам и лесам в Хамышки, где размещался майкопский партизанский отряд «Народные мстители», прибыла первая группа парашютистов в количестве 12 человек во главе со старшиной П.М. Соловьевым. Через 22 дня, проявив исключительное мужество, выдержку и выносливость, в Хамышки добрались еще 9 парашютистов, которых привел капитан А.П. Десятников. Последний пробыл в партизанский лагерь оставший от всех младший сержант И.М. Касьянов.

Как вспоминал впоследствии бывший командир партизанского отряда С.Я. Козлов, голодные, израненные, изможденные долгими скитаниями десантники были тепло приняты партизанами. Особенно много пришлось потрудиться врачу отряда Г.Г. Годизову и его коллегам. Вскоре окрепшие 22 моряка-черноморца были переправлены самолетами в Бабушеры, где их командир старшина П.М. Соловьев доложил командованию о выполнении поставленной задачи. Аэродром в Майкопе надолго был выведен из строя и уже не представлял серьезной угрозы нашим войскам на туапсинском направлении.

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский высоко оценил боевые действия десантников и в своем приказе № 0704 от 19 ноября 1942 года, подводя итоги парашютно-десантной операции, поставил смелость, отвагу и дерзость ее участников в пример всему личному составу флота. 22 десантника

были награждены орденом Красного Знамени, двое — орденом Отечественной войны I степени.

На северной окраине Майкопа, там, где высадился десант, находится братская могила 13 моряков-черноморцев, 7 членов экипажа самолета и 2 партизан-проводников, погибших в памятную октябрьскую ночь 1942 года. На мраморной плите возвышающегося над могилой обелиска золотом выбиты их имена. Как символ немеркнувшей славы павших героев, здесь горит вечный огонь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 1080. Оп. 115. Д. 1. Краткий отчет по выполнению парашютно-десантной операции № 2 ВВС ЧФ по уничтожению самолетов противника на центральном аэродроме г. Майкопа.

² Обеспечение выброски десанта, а также прикрытия действий парашютистов на вражеском аэродроме и при их последующем отходе предполагало использование авиационного отряда (21 самолет), разделенного на четыре группы: транспортную (ПС-84, ТБ-3), бомбардировочную (ТБ-3, СБ), истребительную для уничтожения прожекторов (И-15 бис), разведывательную для уточнения состояния погоды и контроля за результатами выполнения боевой задачи. Общее руководство операцией с командного пункта Бабушеры (вблизи г. Сухуми) осуществлял командующий ВВС ЧФ генерал-майор авиации В.В. Ермаченков.

³ Вместе с десантом находились проводники — майкопские партизаны Г.Н. Суханов и В.А. Терещенко, которые после уничтожения вражеской авиационной базы должны были вывести парашютистов в район населенных пунктов Даховская, Хамышки, где действовал их отряд «Народные мстители».

⁴ Помимо индивидуальных средств боя, предусмотренных для всех десантников, каждый боец диверсионной группы дополнительно получил специальный топорик, 3 термитные бомбы и 2 бутылки с горючей смесью, а группа прикрытия была вооружена 3 ручными пулеметами.

⁵ Из краткого отчета по выполнению парашютно-десантной операции известно, что из группы десантников, покинувших ТБ-3 в воздухе, у двоих загорелись парашюты, и они погибли (личность одного из них установлена — младший сержант М.Н. Мальцев). Те, что приземлились, оказались на время в безопасности. По воспоминаниям участника десанта В.Л. Гульника, в последствии жителя Майкопа, начальника цеха станкостроительного завода, это случилось потому, что парашютистам удалось приблизиться к вражеским самолетам, и немцы, боясь поджечь собственные истребители, не стреляли в этом направлении.

**Полковник в отставке
Х.И. СИДЖАХ,
кандидат исторических наук
(г. Майкоп Краснодарского края)**

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

КНИГИ, ПОДАРЕННЫЕ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Антошкевич А.В. История морского картографического производства в России (конец XIX — начало XX вв.). СПб.: ЦКП ВМФ, 2003. 312 с., ил.

*Передана автором
(Санкт-Петербург)*

Клявин Н.П. Нарвская, Краснознаменная. Димитровград: ИЧФ «Время», 1997. 216 с., ил.

*Передана автором
(г. Ульяновск)*

Афганские уроки. Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М.: Военный ун-т, Русский путь, 2003. 896 с., ил.

*Передана начальником Военного университета МО РФ генерал-полковником В.И. Марченковым
(Москва)*

Шатров М.Ф. Так победим! Шесть пьес о Ленине. М.: Искусство, 1985. 333 с.

*Передана автором
(Москва)*

Жилин В.А. Герои-танкисты 44-го... Кн. 1. М.: б/и, 2003. 540 с.

*Передана автором
(Москва)*

«Варяг». Столетие подвига 1904—2004 / Сост. и науч. ред. В.И. Катаев, В.В. Лобыцын. М.: Согласие, 2004. 180 с., ил.

*Передана руководителем программы «Согласие» В.В. Михальским и попечителем издания В.А. Гудовым
(Москва)*

И калужане там стояли насмерть... Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2002. 115 с.

*Передана полковником в отставке В.К. Мурзинцевым
(г. Калуга)*

Комаров Н.Я., Куманев Г.А. Блокада Ленинграда: 900 героических дней 1941—1944. Исторический дневник. Комментарии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 576 с., ил.

*Передана членом редакционного совета «Военно-исторического журнала», доктором исторических наук, профессором Г.А. Куманевым
(Москва)*

Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма 1941—1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.

*Передана автором
(Москва)*

**Генерал-лейтенант
авиации в отставке
Н.Н. Остроумов
2002 г.**

В МАРТЕ 44-го Я БЫЛ ПРИВЛЕЧЕН К ОБОБЩЕНИЮ ОПЫТА ВОЙНЫ ДЛЯ ЕГО БОЕВОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

АВТОРУ настоящей публикации, генерал-лейтенанту в отставке Николаю Николаевичу Остроумову, 11 июня 2004 года исполнилось 90 лет. Но он преисполнен бодрости и творческих замыслов, что всегда было свойственно его ищущей и энергичной натуре: во время службы на различных командных должностях в авиационных частях и соединениях в предвоенную пору, в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период.

В 1949 году после окончания с золотой медалью Военной академии Генерального штаба Н.Н. Остроумов получил звание полковника и назначение на должность заместителя начальника оперативного управления Главного штаба ВВС. Затем был начальником штаба — первым заместителем командующих 30-й и 24-й воздушных армий, начальником оперативного управления — заместителем начальника Главного штаба ВВС, начальником кафедры оперативного искусства ВВС Военной академии Генерального штаба. Уйдя в конце 1979 года в отставку, стал консультантом — старшим научным сотрудником Института военной истории, где трудился около 10 лет. Написал и опубликовал более 100 научных работ и статей, являлся научным руководителем и автором отдельных глав при подготовке учебников по оперативному искусству ВВС для основного и специального факультетов Военной академии Генерального штаба, входил в состав редколлегии журналов «Военная мысль», «Вестник воздушного флота», «Авиация и космонавтика». За многолетнюю службу удостоился 9 орденов и 19 медалей СССР и РФ, имеет награды иностранных государств.

Впрочем, о наиболее памятных вехах своей боевой биографии Николай Николаевич поведает сам, сопроводив рассказ фотоснимками из собственного архива.

НАЧНУ с того, что в марте 44-го я был привлечен к работе по обобщению опыта войны для его боевого использования. Конечно же, мне далеко не единственному из числа военных летчиков доверялось такое ответственное дело, да и тот факт, что подобная исследовательская работа разворачивалась в разгар боевых действий, тоже не был случайным. Это стало возможным благодаря явному стратегическому преимуществу, переходившему Красной армией у вооруженных сил противника, а что касается авиационного противоборства, то наша авиация к тому времени прочно завладела инициативой и господством в воздухе.

Переменам же непосредственно в моей службе предшествовали следующие события.

На фронт я прибыл в январе 1944-го с Дальнего Востока. Служил там летчиком-истребителем, а по окончании командного факультета Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского командиром эскадрильи, начальником штаба и заместителем командира истребительного полка, старшим помощником начальника оперативного отдела, начальником отдела боевой подготовки штаба воздушной армии. Все это время настойчиво просил направить меня в действующие войска, чего наконец-то добился, получив назначение на должность заместителя начальника оперативного отдела штаба 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта.

Выполнение основных обязанностей приходилось совмещать с не менее ответственными — дежурством по командному пункту командарма, которое я нес поочередно со своим непосредственным начальником подполковником Степаном Наумовичем Гречко. В мои обязанности входило ежедневно к 18 ч 00 мин докладывать командующему воздушной армией предложения о задачах авиасоединений на следующие сутки. Эти предложения я составлял в соответствии с планом действий 5 ВА на ту или иную операцию, общей текущей обстановкой и состоянием дел в наших соединениях и частях, а также на основе полученных во время дежурства указаний от собственного командования и запросов из армий фронта на авиационную поддержку. За всем этим необходимо было постоянно следить, во все глубоко и своевременно вникать, все досконально помнить и знать.

Свои наработки обычно я предварительно докладывал начальнику отдела подполковнику С.Н. Гречко, а иногда непосредственно командующему армией генерал-лейтенанту авиации С.К. Горюнову, который, сделав необходимые поправки, доводил наши предложения до командующего фронтом. Утвержденные последним, они затем через меня незамедлительно передавались в авиасоединения и во второй эшелон штаба и служб армии (его возглавлял начальник штаба 5 ВА генерал-лейтенант

авиации Н.Г. Селезнев). От меня требовалось также подготовить боевое донесение о результатах боевых действий армии за прошедший день, утверждаемое С.К. Горюновым и передаваемое шифром в штабы фронта и ВВС Красной армии.

Врезалась в память подготовка в начале 1944 года к Корсунь-Шевченковской операции и разработка плана соответствующего авиационного наступления. Особенностью последней являлось то, что нам предстояло тесно взаимодействовать со 2-й воздушной армией 1-го Украинского фронта, совместно с которым 2-й Украинский должен был осуществить намечаемую операцию по окружению крупной группировки вражеских войск. Основную роль в разработке плана играл Степан Наумович Гречко, остальные же офицеры командного пункта 5 ВА готовили оперативные расчеты и другие данные для него. По завершении работы над планом с ним знакомились, ставя свои подписи под ним, начальник штаба армии и командарм, а затем он утверждался командованием фронта. В последующем, в ходе развития операции, в него вносились изменения с учетом складывавшейся обстановки.

Например, вечером 27 января воздушные разведчики обнаружили крупное сосредоточение танков и пехоты противника. Об этом было доложено командующему фронтом генералу армии И.С. Ко-

Н.Н. Остроумов (в центре) с сослуживцами-дальневосточниками 1942 г.

Н.Н. Остроумов 1944 г.

Офицеры штаба 2-й воздушной армии (крайний справа в верхнем ряду — Н.Н. Остроумов) Германия, 7 мая 1945 г.

неву. Последний приказал все силы 5-й воздушной армии направить на уничтожение танковой группировки противника в районе Лебедин, Толмач, Искреннее, боевые вылеты начать с 8 ч 20 мин без доразведки.

На основании этого приказа на нашем командном пункте был разработан план-график действий штурмового и бомбардировочного авиакорпусов. После его утверждения С.К. Горюновым я, будучи ответственным дежурным, передал в авиасоединения задачи и выписки из этого документа. С рассветом, т.е. с началом боевых вылетов, нужно было осуществлять контроль за каждой группой самолетов, постоянно докладывать обстановку командующему армией, а он в свою очередь делал соответствующие доклады командующему фронтом.

1 февраля по указанию И.С. Конева силы 5 ВА были сосредоточены для уничтожения окруженной группировки противника как на внешней линии ее обороны, так и внутри нее. Когда же в районе населенного пункта Крымки неприятель оттеснил 53-ю армию на 5 км, весь 1-й гвардейский штурмовой авиакорпус был направлен на восстановление положения этой армии.

ОСТРАЯ ситуация, возникающая то там, то тут, требовала в кратчайший срок передавать и контролировать ход выполнения соответствующих указаний, а также докладывать командованию результаты боевых действий. 8 февраля мне пришлось передать задачу командованию 312-й ночной бомбардировочной дивизии о скрытном сбросе над окруженной группировкой противника листовок с предложением о прекращении сопротивления. За-

дача была выполнена, правда без желательных для нас результатов: враг ультиматум не принял.

17 февраля И.С. Конев попросил С.К. Горюнова обратиться к летчикам той же 312 нбад выделить добровольцев для выполнения неотложной задачи по сбросу с самолетов По-2 осветительных и зажигательных бомб. Этим самым оказывалось содействие нашей артиллерии в уничтожении вытесняемых в открытое поле из населенного пункта Шендеровка значительных сил противника. Вылеты же надлежало осуществить в пургу, снегопад и при сильном ветре.

В ответ на обращение командующего 5 ВА вызвались выполнить рискованную задачу 18 экипажей. Первыми полетели капитан В.А. Заевский (командир) со штурманом младшим лейтенантом В.П. Локоташом, поднимавшиеся в воздух дважды. Им впоследствии были присвоены звания Героев Советского Союза. Остальные летчики-добровольцы удостоились различных боевых орденов. Подчиненные генерал-лейтенанта авиации С.К. Горюнова были отмечены и в приказе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 18 февраля 1944 года, посвященном завершению уничтожения окруженных немецко-фа-

шистских войск в районе Корсунь-Шевченковского.

Запомнилось и участие 5 ВА в Уманско-Ботошанской операции, во время подготовки которой на командный пункт нашего командарма прилетел командующий ВВС Красной армии главный маршал авиации А.А. Новиков.

Сперва начало наступления планировалось на 6 марта 1944 года, но затем было перенесено на день раньше, в связи с чем уточнялись и задачи для авиасоединений. Внесла свои поправки и погода, изобиловавшая сплошными туманами, из-за чего армия три дня фактически не вела запланированные вылеты, за исключением одиночных разведывательных, производившихся наиболее подготовленными летчиками. Мешало также то, что из-за весенней распутицы вышли из строя многие грунтовые аэродромы.

К 8 марта, когда погода несколь-

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов вручает полковнику Н.Н. Остроумову орден Красного Знамени
1954 г.

Герой Советского Союза генерал-полковник авиации М.М. Громов, бывший командующий 1-й воздушной армией, вручает генерал-лейтенанту авиации Н.Н. Остроумову памятный знак ветерана 1 ВА

ко улучшилась, последовал приказ И.С. Конева сосредоточить силы армии для ударов по скоплению танков в районе станции Поташ. Согласно разработанному графику, переданному в соединения ответственными дежурными, т.е. С.Н. Гречко и мною, были своевременно поставлены соответствующие задачи штурмовой и бомбардировочной авиации. Она же совершила только за 8 марта 723 самолетовылета. Удары по противнику наносились и в последующие ночь и день. После освобождения станции Поташ в ее районе осталось кроме брошенных 200 исправных вражеских танков еще и около 300 поврежденных — результат удачных действий наших войск и авиации.

9 марта начались бои на подступах к городу Умани, превращенному немцами в мощный опорный оборонительный узел. Мне было поручено подготовить и передать приказ командования армии с определением задач для авиасоединений по поддержке и прикрытию на поле боя войск 2-й и 5-й гвардейских танковых и 52-й армий в ходе наступления на Умань.

На следующий день в 6 ч утра важный стратегический пункт был взят, и в 10 ч по приказу С.К. Горюнова я уже летел на По-2 по направлению к стационарному аэродрому, что на окраине города, для определения возможности его использования.

Взлетно-посадочная полоса, за исключением небольших участков, оказалась поврежденной. Взорвали немцы при отступлении также ангары и другие строения.

Уцелела, к удивлению, одна большая емкость с бензином да остались на рулежных дорожках не успевшие взлететь самолеты — несколько боевых и один транспортный (ФВ-200).

По указанию командующего 52-й армией саперы приступили к спешному ремонту взлетно-посадочной полосы и разминированию оставшихся целыми зданий. Мы же начали перебазировать наш командный пункт в освобожденный город, что по непролазной грязи оказалось сложным и затяжным делом.

12 марта на имя И.С. Конева и С.К. Горюнова поступила шифротелеграмма от командующего ВВС РККА, находившегося на 1-м Украинском фронте. В ней сообщалось, что через железнодорожный узел Вапнярка, находящийся в полосе наступления 2-го Украинского фронта, идет непрерывный поток эшелонов с резервами противника. А.А. Новиков считал весьма целесообразным в интересах двух фронтов силами 5-й воздушной армии нанести удары по указанному пункту.

Командующий 2-м Украинским фронтом, согласившись с этим, приказал организовать такие удары, в связи с чем командарм направил меня на аэродром в г. Белая Церковь, где базировалась авиадивизия 2-го гвардейского бомбардировочного корпуса, которым командовал генерал Н.С. Полбин. Мне поручалось осуществлять контроль за выполнением столь ответственной задачи. Учитывая сложные метеоусловия, ко-

мандир дивизии организовывал почти непрерывные действия мелких групп самолетов Пе-2 по железнодорожному узлу. Во многом используя результаты такого воздушного воздействия на неприятеля, войска 2-го Украинского фронта сумели сломить его сопротивление и на 15 марта 1944 года овладеть Вапняркой.

Днем раньше я вновь дежурил на КП. Подготовив предложения о задачах авиасоединений на следующие сутки, доложил их Сергею Кондратьевичу Горюнову. Он утвердил мои наметки, за исключением содержания задачи в интересах 5-го гвардейского кавалерийского корпуса, введенного в бой накануне на левом фланге 4-й гвардейской армии. Я посчитал, что для прикрытия последней достаточно одного истребительного авиакорпуса, но командующий решил для большей безопасности кавкорпуса прикрыть его еще и силами истребительной авиадивизии. Свои соображения, по его же словам, он строил на том, что прикрываемым предстоит переправляться через Южный Буг. «Не дай Бог, кавалерия понесет при этом потери от немецкой авиации. Думаю, Семен Михайлович Буденный нас за это не поблагодарит», — заметил Семен Кондратьевич не столько в шутку, сколько всерьез. Я понял, что иногда надо учитывать «некоторые особые обстоятельства».

ВЕЧЕРОМ 14 марта в районе переправы через Южный Буг была обстреляна немецким самолетом машина И.С. Конева. Сам командующий фронтом не по-

страдал, хотя, надо полагать, чудом остался невредим, поскольку в кузове машины оказалось много пробоев. После этого он потребовал от С.К. Горюнова улучшения прикрытия войск на переправах через реки. Одной из принятых мер являлась проверка состояния дел в дежурных звеньях истребителей, находящихся в составе авиационных засад и действовавших вблизи линии фронта. С целью контроля их боеготовности я и отправился по местам базирования этих подразделений. На обратном пути По-2, на котором я летел, был атакован немецким истребителем. Однако мой летчик умело произвел маневр на встречном курсе и на малой высоте.

После того как 26 марта 1944 года войска 2-го Украинского фронта вышли на довоенную государственную границу СССР, предоставляя наступление, меня по представлению командующего 5 ВА наградили боевым орденом. Тогда же было приказано явиться в штаб ВВС РККА, в составе которого я и остался на должности старшего помощника начальника отдела по использованию опыта войны. Выполняя эту ответственную работу, участвовал в различных операциях: Белорусской на 3-м Белорусском фронте (при штабах 1-й воздушной армии и 3-го штурмового авиакорпуса), в Ясско-Кишиневской на 2-м Украинском (при штабе 3-го гвардейского авиакорпуса), в Восточно-Прусской снова на 3-м Белорусском (при штабах 1-й воздушной армии и 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии), Берлинской и Пражской на 1-м Украинском (при штабе 2-й воздушной армии).

Участвуя в работе оперативных отделов авиаобъединений и соединений, изучая и обобщая опыт использования авиации в различных погодных, временных и географических условиях, я по горячим следам широкомасштабных боевых действий подготовил и опубликовал в военных изданиях такие работы, как «Взаимодействие штурмовиков с танками», «Штурмовой авиакорпус при прорыве обороны», «Взаимодействие авиации с артиллерией», «Действия 1-й гвардейской штурмовой авиадивизии в Восточно-Прусской операции», «ВВС 1-го Украинского фронта в Берлинской операции» и другие. Участвовал также в составлении обзоров боевых действий 1-й и 2-й воздушных армий в проводимых операциях.

**Генерал-лейтенант авиации
в отставке
Н.Н. ОСТРОУМОВ,
кандидат военных наук, доцент
(Москва)**

• ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

В Кургане помнят подвиги славных сыновей и дочерей Зауралья

Акция «"Военно-исторический журнал" — в каждое образовательное учреждение России!» нашла широкую поддержку в кругах патриотически настроенной общественности страны

Уважаемая редакция!

Хочу рассказать об одном мероприятии, прошедшем в г. Кургане, в техникуме железнодорожного транспорта, и организованном по инициативе военного комиссариата города — тематическом вечере «Солдат всегда солдат».

В актовом зале техникума собрались ветераны Великой Отечественной войны и локальных конфликтов, кадеты средних школ № 23 и 75, студенты, преподаватели Основ военной службы учебных заведений столицы Зауралья, родители военнослужащих, проходящих службу по призыву.

Внимание собравшихся организаторы представили обширную и продуктивную программу, познакомившую присутствующих со страницами военной истории страны, подвигами славных сыновей и дочерей Зауралья, которые с достоинством и честью выполняли и выполняют свой воинский долг.

Начавшись со стихов зауральского поэта майора запаса В. Филимонова о далеком прошлом нашей Родины, встреча продолжилась выступлением полковника Б. Болотина и рассказами подполковников С. Васильева, Ю. Судакова, майоров В. Болева, В. Трефилова, Э. Бритаева, капитана А. Суского о воинах-зауральцах трех поколений. Прозвучали фамилии ветеранов Великой Отечественной войны Д. Бурмантова, М. Обухова, Ф. Рясова, В. Троицкого; ветеранов военной службы А. Ходорича, Н. Егорова, И. Иванова, А. Попова, И. Розова, Б. Хомякова; воинов-афганцев С. Паянова, М. Гончаренко, А. Петрова; участников боевых действий в Чечне А. Маркова, награжденного двумя орденами Мужества, М. Кобякова, Д. Юзеева, П. Белобородова, С. Журавлева, Н. Захарцева, В. Березина, М. Шмакова, Е. и А. Гладышевых — кавалеров боевых наград.

Военком г. Кургана вручил ветерану войны младшему лейтенанту медицинской службы в отставке Евгению Косовой орден Красной Звезды, которой она была награждена еще в 1944 году, и только сейчас награда нашла свою героиню.

В Кургане есть и династия защитников Отечества. Например, семья Шейко. Старший из рода — Константин встретил войну в 19-летнем возрасте, активно участвовал в ней, прослужил Отчизне три десятилетия; его сын Анатолий, старший прапорщик, 27 лет в строю; сын Владимир — подполковник запаса; сын Анатолия Александр — подполковник, в армии уже второй десяток лет.

Громом аплодисментов встретили присутствующие фамилии преподавателей Основ военной службы школ города: капитана запаса В. Шаталова, заслуженного учителя России, — более ста его выпускников стали офицерами Вооруженных сил; майора запаса Н. Григорьева, учеником которого являлся кавалер двух орденов Мужества и двух медалей «За отвагу» А. Шараборин, имя которого присвоено школе № 53; подполковника запаса Ю. Сучкова, офицера в четвертом поколении, так как его прадед еще в 1914 году был награжден Георгиевскими крестами двух степеней и золотым самоваром, подаренным самим великим князем Михаилом; полковника запаса Н. Ковалю, преподавателя высшей категории, бережно хранящего сотни и сотни благодарственных писем в адрес своих выпускников из воинских частей; преподавателей кадетских классов подполковника запаса В. Антонова и майора запаса С. Тарабрина.

Напряженная тишина стояла в зале, когда Г. Жданова, убежденная сторонница патриотического воспитания молодежи, рассказала о судьбе зауральца-солдата С. Радионова, отказавшегося принять ислам в чеченском плену и поплатившегося за это жизнью, канонизированного Русской православной церковью.

Проникновенно и по-матерински ласково прозвучало напутственное слово Н. Ивановой к будущим защитникам Отечества: «Дорогие ребята! Скоро вы наденете военную форму. Будьте дисциплинированы, любознательны в военном деле. Относитесь по-человечески к товарищам. Пусть мы, матери, испытаем лишь гордость и радость за вас!»

На вечере звучали замечательные стихи поэта Н. Покидышева и песни в честь русского воинства.

Зауральская земля — особая земля. Статус пограничного края, накопленные боевые и трудовые традиции, умело организованная военно-патриотическая работа исторически воспитывали и продолжают воспитывать не просто «человека с ружьем», а тысячи и тысячи настоящих защитников своего Отечества. Большую помощь в этом оказывают публикации «Военно-исторического журнала». Потому и высок авторитет земляков-курганцев, солдат, сержантов, офицеров, во всех видах и родах войск Вооруженных сил России.

Майор А. БУЛЫЧЕВСКИЙ
(г. Курган)

ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Инженерные войска Вооруженных сил Российской Федерации прошли большой и славный боевой путь. Участвуя в сражениях по защите Отечества, они во многом способствовали победам русского оружия. Сложным и важным в истории инженерных войск был период накануне Великой Отечественной войны, который связан с коренным изменением состава и организационно-штатной структуры частей и подразделений, созданием и совершенствованием средств инженерного вооружения.

Переправа танка на пароме из десантных складных лодок

К ИЮНЮ 1941 года инженерные войска Красной армии состояли из войсковых, армейских частей и подразделений и резерва Главного Командования (РГК). При реорганизации инженерных войск особое внимание было уделено повышению возможностей частей и подразделений войскового звена. Так, в стрелковый полк с июня 1940 года была введена саперная рота численностью 96 человек. Стрелковая дивизия имела в своем составе отдельный саперный батальон численностью 521 человек. Саперные подразделения включались также в состав артиллерийских, гаубичных полков и полков большой мощности РГК, что позволило общее количество саперов в стрелковой дивизии иметь в пределах 4,1 проц. от общего количества личного состава¹.

В штат артиллерийской противотанковой бригады вводился отдельный минно-саперный батальон. В горно-стрелковый полк и дивизию включались саперная рота и саперный батальон соответственно. В кавалерийской дивизии имелся саперный эскадрон, а в полку — саперный взвод.

Инженерные подразделения включались и в состав воздушно-десантных войск: воздушно-десантная бригада имела саперно-подрывную роту, а парашютно-десантный батальон — такой же взвод².

По мере развертывания бронетанковых войск в их состав включались инженерные подразделения и части. В танковую дивизию входил моторизованный понтон-

но-мостовой батальон, а в моторизованную — легкий инженерный батальон.

Таким образом, саперные и инженерные части и подразделения предусматривалось иметь в соединениях и частях всех родов войск. Достаточно многочисленными и технически оснащенными, они могли обеспечить их самостоятельность в инженерном отношении при ведении боевых действий в различных физико-географических условиях.

Принимались конкретные меры по увеличению количества инженерных частей армейских и РГК и повышению качества их специальной подготовки. Генеральным штабом и Главным военно-инженерным управлением (ГВИУ) был разработан комплект инженерных частей общевойсковой армии военного времени. В него включались: отдельный моторизованный инженерный батальон, отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон и отдельные роты: гидротехническая, полевого водоснабжения, маскировочная, электротехническая, отряд глубокого бурения, отдельный резервный парк Н2П, запасной инженерный полк, запасная рота особой техники. Такой комплект был рассчитан на инженерное обеспечение армейской операции и лишь при действии армии на главном направлении фронта или в особо трудных условиях ей могло потребоваться усиление инженерными частями РГК.

В стрелковом и механизированном корпусах предусматривалось иметь отдельный саперный ба-

тальон и отдельный моторизованный инженерный батальон соответственно. В составе кавалерийского корпуса инженерные подразделения не предусматривались.

В ФЕВРАЛЕ—АПРЕЛЕ 1941 года была проведена очередная реорганизация инженерных частей окружного подчинения. Для повышения качества боевой и специальной подготовки подчиненных военным округам инженерных частей, а также создания базы их мобилизационного развертывания вместо отдельных инженерных и понтонно-мостовых батальонов создавались аналогичные полки РГК численностью до 1000 человек каждый. В мирное время основное назначение таких полков состояло в том, чтобы готовить хорошо обученные инженерные батальоны и специальные роты армейского и окружного подчинения. В военное время полки должны были развертывать отдельные инженерные батальоны и специальные роты, а также запасной инженерный полк фронта.

К началу Великой Отечественной войны было сформировано 18 инженерных и 16 понтонно-мостовых полков РГК, переданных в подчинение военным округам. На базе этих полков предусматривалось развернуть 206 формирований (табл. 1). На их развертывание отводилось до 10 суток. Кроме них в РГК имелись 2 отдельных батальона (маскировочный и пон-

тонно-мостовой) и 2 роты (гидротехническая и полевого водоснабжения)³.

Большое внимание уделялось развитию понтонных частей. Еще в 1929 году на Дальнем Востоке было развернуто два понтонных полка. Перед войной они получили на вооружение тяжелые паркы СП-19.

БОЛЬШИНСТВО инженерных частей находилось в приграничных, главным образом западных округах: в Ленинградском, Одесском, Прибалтийском Особом, Западном Особом, Киевском Особом военных округах. Значительное количество инженерных частей было на Дальневосточном фронте и в Забайкальском военном округе (табл. 2).

Всего к началу войны в Красной армии насчитывалось 398 отдельных саперных, инженерных, понтонных батальонов (эскадронов), дивизий и корпусов. Основной организационной единицей инженерных войск считался батальон.

До весны 1941 года отдельные саперные батальоны стрелковых

соединений и корпусов содержались по штатам мирного времени. Их укомплектованность в приграничных военных округах офицерами составляла 40—65 проц., а сержантами 60—80 проц. Среди командного состава имеющих высшее образование было всего 4,6 проц.⁴.

Непосредственно накануне войны по решению правительства все дивизионные и корпусные саперные батальоны приграничных округов (160 батальонов) и ряда внутренних округов (41 батальон) были развернуты по штатам военного времени по при-

чине направления их на строительство укрепленных районов на западной границе Союза ССР. Отрыв саперных батальонов стрел-

Таблица 1

Состав и количество формируемых инженерных подразделений с объявлением мобилизации

Наименование подразделений	Количество
Инженерные батальоны	27
Моторизованные инженерные батальоны	20
Понтонно-мостовые батальоны	43
Отдельные маскировочные роты	18
Электротехнические роты	18
Роты полевого водоснабжения	4
Гидротехнические роты	19
Отдельные понтонные роты	5
Отряды глубокого бурения	7
Взводы техники особого назначения	23
Инженерно-строительные батальоны	25
Управления военно-инженерного строительства	7
Всего формирований	206

Таблица 2

Количество и распределение по округам инженерных войск по мобилизационному плану 1941 года (МП-41)

Наименование подразделений	Округа														Всего
	Ленинградский ВО	Прибалтийский ОВО	Западный ОВО	Киевский ОВО	Одесский ВО	Московский ВО	Уральский ВО	Сибирский ВО	Забайкальский ВО	Дальневосточный фронт	Закавказский ВО	Среднеазиатский ВО	Приволжский ВО	Архангельский ВО	
1. Отд. инженерные батальоны	4	2	6	5	2	2	1	1	1	3	1	1			29
2. Отд. моторизованные инж. батальоны	2	1	3	4	1	1	1	1	1	2	1	2			20
3. Тяж. понтонно-мостовые полки										2					2
4. Отд. понтонно-мостовые батальоны	3	6	6	12	3				2	9					41
5. Отд. маскировочные батальоны						2									2
6. Отд. гидротехнические роты	2	1	3	3	1	1	1	1	1	2	1	2			19
7. Отд. роты по водоснабжению							1	2	1						4
8. Отд. маскировочные роты	2	1	3	3	1	1	1	1	1	2	1	1			18
9. Отд. электротехнические роты	2	1	3	3	1	1	1	1	1	2	1	1			18
10. Отд. понтонные роты	1		1	2						1					5
11. Отряды глубокого бурения	1		1	1		1	1		1	1					7
12. Взводы спецназначения	2	3	4	5	2	1	1	1	1	2	1				23
13. Легкие переправочные паркы А-3	3		4	5	3		2	3	2	4	2	4	2	1	35
14. Резервные армейские паркы Н2П	1		1	1						2					5
15. Гидротехнические станции												1			1
16. Управления военно-инж. строительства	2		2	2	1										7
17. Отд. инж.-строит. батальоны	3		4	4	2				3	5	2	2			25

Таблица составлена по: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974. Т. 3.

А.Ф. Хренов

Д.М. Карбышев

К.И. Величко

ковых дивизий и корпусов от своих соединений отрицательно сказывался на инженерной подготовке последних, на их боеготовности.

Инженерные части механизированных, воздушно-десантных корпусов и дивизий, противотанковых артиллерийских бригад находились в различной степени укомплектованности, и к началу войны ни одна инженерная часть этой категории не была развернута по полному штату.

Советское командование недооценило роль инженерных войск накануне войны. Боевая подготовка инженерных частей и подразделений была на низком уровне, а из-за того что инженерные части ряда военных округов из года в год привлекались на оборонительное строительство, они, по существу, превратились в рабочие команды. Это крайне осложнило выполнение задач инженерного обеспечения первых операций Советских Вооруженных сил, прежде всего минирование местности, разрушение мостов и путепроводов в приграничной полосе на направлениях главных ударов противника.

В предвоенные годы совершенствовались и органы управления. В 1935 году Управление инженеров РККА реорганизуется в Инженерное управление РККА, которое стало единым органом Наркомата обороны СССР по обеспечению Красной армии средствами инженерного вооружения, руководству инженерной подготовкой родов войск, а также оборонительным строительством.

В СВЯЗИ с возрастанием объемов работ по теоретическому обоснованию новых средств инженерного вооружения на базе Научно-исследовательского инженерно-технического полигона создается Научно-исследовательский институт инженерной техники РККА.

В июле 1940 года принимается постановление о преобразовании Инженерного управления РККА в Главное военно-инженерное уп-

равление (ГВИУ) РККА. Начальник ГВИУ являлся и начальником инженерных войск Красной армии⁵. ГВИУ имело три управления: военно-инженерной подготовки, оборонительного строительства, инженерного вооружения и заводов, а также технический совет.

Контроль за боевой и специальной подготовкой инженерных войск и инженерной подготовкой родов войск осуществляла военно-инженерная инспекция во главе с генерал-инспектором инженерных войск, входящая в состав Главной инспекции РККА. Генерал-инспектором инженерных войск был назначен генерал-майор М.П. Воробьев. Начальниками ГВИУ являлись: с июля 1940 по март 1941 года комбриг А.Ф. Хренов, с 20 марта 1941 года — генерал-майор инженерных войск Л.З. Котляр.

В войсках управление осуществляли начальники инженерных войск армий, корпусные, дивизионные инженеры и начальники инженерных служб бригад, полков. Необходимо отметить, что структура центральных, окружных и армейских органов военного управления строилась применительно к условиям мирного времени и не обеспечивала устойчивое руководство боевой деятельностью инженерных войск. Вопросы инженерного обеспечения боя и операции, руководство инженерными войсками возлагались на общевойсковые штабы и полевые управления оперативных объединений.

В межвоенный период большое внимание уделялось реорганизации высшего военно-инженерного образования. В соответствии с приказом Реввоенсовета № 039 от 3 мая 1932 года на базе инженерного факультета Военно-технической академии и Московского высшего инженерно-строительного училища была развернута Военно-инженерная академия РККА с дислокацией в Москве. Перед войной в ее составе были: командно-инженерный, инженерного вооружения, фор-

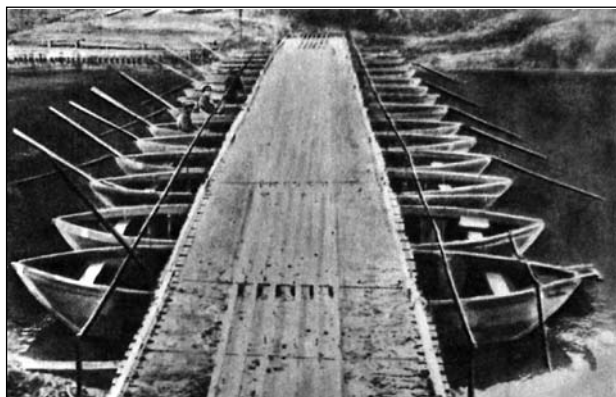
тификационно-строительный и геодезический факультеты⁶.

Подготовка общевоинских командиров проводилась в Военной академии имени М.В. Фрунзе, Военной артиллерийской академии, Военной Академии механизации и моторизации и в Академии Генерального штаба РККА. При этом необходимо отметить, что офицеров-специалистов в академии принималось ограниченное количество. Так, до начала Великой Отечественной войны Академией Генерального штаба закончили всего 14 офицеров инженерных войск, что безусловно сказалось на организации инженерного обеспечения операций начальнo-го периода войны.

Должное внимание в этот период уделялось подготовке командиров среднего звена. Была развернута подготовка офицеров запаса в системе гражданских учебных заведений. Кроме того, велась подготовка офицеров запаса из числа лиц, имевших высшее и среднее техническое образование. В 1932 году Ленинградская и Московская школы объединяются в одну Ленинградскую военно-инженерную школу, которая стала единственным в стране крупным военно-учебным заведением, готовившим специалистов среднего звена для инженерных войск. В военных округах были созданы военно-инженерные курсы для подготовки командиров саперных взводов из младших командиров сверхсрочной службы⁷.

Объединение двух школ в одну в условиях количественного роста личного состава Красной армии, расширение оборонительного строительства привело к образованию в инженерных войсках большого некомплекта среднего командного состава. В марте 1937 года Ленинградская школа была преобразована в Военно-инженерное училище. В сентябре этого же года открывается Московское военно-инженерное училище с трехлетним сроком обучения, готовившее командиров взводов саперных и понтонных частей. В 1940 году были развернуты еще два военно-инженерных училища — Борисовское и Черниговское, а в мае 1941 года — Златоустовское.

В ПЕРИОД между Гражданской и Великой Отечественной войной осуществлялось дальнейшее развитие теории инженерного обеспечения боевых действий и боевого применения инженерных войск. Это было время творческого поиска решения проблем, возникших перед военно-инженерным искусством в связи с изменением взглядов на характер будущей войны. К началу 30-х годов XX века термин «инженерное обеспечение» становится в военной печати официальным.

Наплавной мост из принятого на вооружение в 1932 году нового понтонного парка НЛП

Роторный траншейный экскаватор

Накануне войны под инженерным обеспечением понимался комплекс задач, осуществляемых всеми видами и родами войск при подготовке и ведении всех операций (боевых действий). Основу теории инженерного обеспечения операций разработал Д.М. Карбышев, который с 1932 года преподавал военно-инженерное дело, будучи помощником начальника кафедры тактики высших соединений по инженерным войскам в Академии Генерального штаба РККА.

Ему принадлежат первые научные труды по теории инженерного обеспечения боя и операции, тактики инженерных войск. Исследования, статьи и пособия Д.М. Карбышева по вопросам инженерного обеспечения боевых действий стрелковой дивизии, стрелкового корпуса⁸ являлись до Великой Отечественной войны основными материалами при подготовке офицеров как в военных академиях, так и войсках. Широко известен его труд, состоящий из двух частей: «Инженерное обеспечение наступления» и «Инженерное обеспечение обороны». В нем Д.М. Карбышев с большой полнотой определил круг задач инженерного обеспечения боевых действий стрелковых соединений. Этот труд также отличается четким методическим построением, комплексным решением задач инженерного обеспечения с учетом применения инженерной техники. Вопросы инженерного обеспечения армейской операции изложены в двух статьях «Инженерное обеспечение наступательной операции» и «Инженерное обеспечение оборонительной операции». При этом автор особое значение придавал вопросам инженерного обеспечения форсирования водных преград.

В своих статьях, научных разработках Д.М. Карбышев много внимания уделяет вопросам фортификации. Опираясь на передовые

идеи выдающихся русских фортификаторов А.З. Теляковского, К.И. Величко и творчески развивая их, он писал о том, что фактором, существенно влияющим на фортификационные формы, является тактика борьбы, а фортификация сводится к окапыванию боевых порядков, определяемых тактикой.

В капитальном труде Д.М. Карбышева «Разрушения и заграждения» сформулированы основные вопросы применения заграждений в условиях маневренной войны, установлена классификация заграждений и разрушений, а также нормативы по организации работ⁹. Основными заграждениями считались минные поля. Против танков также рекомендовалось использовать рвы, надолбы, лесные завалы и др.

Большой вклад в развитие теории инженерного обеспечения внесли труды профессорско-преподавательского состава Военно-инженерной академии: Г.Г. Невского «Инженерное обеспечение боя и операции»; Е.В. Александрова «Работа дивизионного и корпусного инженера», «Инженерное обеспечение боевых действий стрелковой дивизии».

Необходимо отметить, что их выводы и рекомендации в значительной мере были использованы в годы Великой Отечественной войны.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ разработки нашли применение в Полевом уставе (ПУ-39), в котором указывалось, что инженерное обеспечение наступления должно было создавать условия для беспрепятственного и стремительного продвижения войск и их свободного маневрирования в ходе операции, а также внезапности удара на избранном направлении. В ходе наступательной операции особое внимание уделялось обеспечению преодоления войсками инженерных заграждений, прорыва укрепленных районов, организации форсирования водных пре-

град. В целях глубокого и детального изучения опыта прорыва укрепленных районов для слушателей Академии Генерального штаба РККА была организована полевая поездка на Карельский перешеек к «линии Маннергейма».

При инженерном обеспечении наступательного боя обращалось серьезное внимание на оборудование исходного плацдарма и оказание помощи войскам, в первую очередь танкам и артиллерии, в их продвижении вперед. Были разработаны мероприятия по инженерному оборудованию колонных путей для обеспечения выхода танков на рубежи атаки, по вводу их в сражение, устройству проходов в заграждениях. Исходя из опыта, было закреплено положение о создании штурмовых групп с включением в их состав саперов.

Важное значение в ходе наступления придавалось разведке и быстрому преодолению заграждений, особенно минно-взрывных. Велись разработки способов разведки минных полей и проделывания проходов в них.

В 1940 году начались опыты по использованию собак для поиска взрывчатых веществ и мин. Испытывался способ преодоления минных полей при помощи танков с трапами. Отрабатывалось применение артиллерии для проделывания проходов в минных полях. Детально были отработаны способы преодоления противотанковых препятствий (рвов, эскарпов и т.д.).

Сложной и ответственной задачей инженерных войск в наступательной операции считалось обеспечение преодоления рек. В качестве основного рассматривался способ форсирования с планомерной подготовкой. Успех форсирования зависел от степени внезапности наведения переправ, а она могла быть достигнута безукоризненной маскировкой подготовительных мероприятий, тщательной разведкой водной преграды и пе-

Материальная часть понтонного парка Н2Р на марше

Танковый минный трал ПТ-3

репер, скрытым выдвиганием к реке переправочных средств, демонстрацией ложных переправ. На участке форсирования дивизии предполагалось организовывать не менее 2—3 переправ, в полосе наступления армии — 10—15, из них не менее 2 мостовых.

Прорабатывались вопросы по усилению соединений инженерными частями. Стрелковому корпусу в наступлении могли быть приданы инженерный, понтонный батальоны, 1—2 мостовых парка на лодках А-3, 1—2 роты полевого водоснабжения; стрелковой дивизии — 1—2 саперные роты, 1—2 парка на лодках А-3. Общая потребность армии в инженерных частях в операции определялась следующим образом: одна саперная рота на 1 км фронта наступления; на главных направлениях плотность удваивалась.

СООТВЕТСТВУЮЩЕ внимание в этот период уделялось фортификационному оборудованию позиций, районов и рубежей при переходе войск к обороне. Как считалось, оборона должна была быть противотанковой. В соответствии с этими требованиями Главное военно-инженерное управление Красной армии издало инструкцию об укреплении полевых позиций. Вся система обороны армии в инженерном отношении должна была представлять собой ряд оборонительных полос, состоящих из хорошо укрепленных районов обороны.

В позиционной обороне намечалось создание более высокой плотности фортификационных сооружений, устройств траншей и ходов сообщений, повышение удельного веса закрытых сооружений для огневых средств. Основным элементом позиции являлся батальонный район обороны, состоящий из взводных и ротных опорных пунктов. Были разработаны рекомендации войскам по применению на позициях монолитных железобетонных сооружений, блоков и т.п.

Фортификационное оборудование занимаемых полос и рубежей предусматривалось осуществлять личным составом соединений и частей родов войск и служб. Особое значение придавалось механизации инженерных работ с тем, чтобы сократить сроки их выполнения и повысить устойчивость и активность обороны.

Большое развитие при подготовке обороны получили инженерные заграждения, которые по месту их расположения делились на тактические и оперативные.

Характер заграждений и их цели в оперативной зоне обороны армии (фронта) определялись исходя из требования способствовать уничтожению прорвавшихся танковых группировок и прикрытию элементов оперативного построения от атаки танков противника. Заграждения устраивались в глубину до 200 км и включали как обычные взрывные и невзрывные заграждения, так и массовые разрушения всех важных промышленных объектов. План заграждений в оперативной глубине утверждался командующим армией (фронтом).

В руководящих документах впервые рекомендовалось для устройства заграждений создавать временные отряды заграждений и привлекать к этому инженерные подразделения, входящие в состав полковых и дивизионных артиллерийско-противотанковых резервов. Эти подразделения предусматривалось использовать не только для обеспечения действий противотанковых орудий, но и для постановки заграждений по указанию командиров полков и дивизий.

К началу Великой Отечественной войны была закончена и официально оформлена в виде инструкций разработка схем устройства противотанковых и противопехотных минных полей. После проведения теоретических исследований и практических испытаний

было рекомендовано многорядное минное поле и начата разработка средств механизированной установки противотанковых мин.

ВХОДЕ решения проблемы обеспечения войск водой были разработаны положения по организации полевого водоснабжения в различных природных условиях. К началу войны было подготовлено первое наставление, в котором четко распределены обязанности войсковых инженеров, служб медицинской и химической, тыла в обеспечении войск водой, установлено взаимодействие между ними, даны практические рекомендации по работам, выполняемым частями полевого водоснабжения.

Внедрялись в войска и более совершенные приемы маскировки с помощью табельных и подручных средств. Проводились исследования по устройству ложных сооружений, предназначенных для имитации жилых кварталов, населенных пунктов, складов, мостов и т.п. Были разработаны приемы использования звукопередающих установок для передачи звуков и шумов, характерных для проведения инженерных работ, движения танков и другой техники. Все эти разработки нашли обобщение в Наставлении по маскировке 1939 года.

Таким образом, перед войной теория инженерного обеспечения и применения инженерных войск была разработана в достаточной степени. Часть положений предвоенной теории была подтверждена последующей боевой практикой.

Однако процесс развития теоретических взглядов был относительно противоречив. Это было связано с тем, что основные положения оперативного искусства и тактики в этот драматичный период для военных и научных кадров были подвергнуты сомнению, а новые, разработанные накануне войны, не были внедрены в войска.

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ теоретических исследований и боевого опыта был сделан обоснованный вывод о том, что повышение боевых возможностей инженерных войск невозможно без оснащения их более совершенными средствами инженерного вооружения.

В предвоенные годы велась разработка новых средств инженерного вооружения: минно-подрывных, разведки и преодоления заграждений, переправочных средств и понтонно-мостовых парков; совершенствовались средства механизации и электрификации инженерных работ; проводились испытания машин и механизмов, прежде всего дорожных и строительных, применяемых в народном хозяйстве, с целью отбора лучших образцов для массового использования в инженерных войсках¹⁰.

С учетом опыта советско-финляндской войны 1939—1940 гг. велись работы над новыми образцами мин, прежде всего противотанковых, так как бронетанковые войска стали превращаться в главную ударную силу.

В 1935 году была создана противотанковая мина ТМ-35 с квадратным металлическим корпусом (общая масса 5,3 кг, заряд взрывчатого вещества — тротил — 2,8 кг). Перед войной эта мина являлась основным противотанковым инженерным боеприпасом, находившимся на вооружении инженерных войск. С появлением в армии вероятных противников более тяжелых танков мина ТМ-35 подверглась модернизации (получила наименование ТМ-35М). Одновременно началась разработка новых типов противотанковых мин с улучшенными поражающими свойствами, таких, как ТМ-39 с массой заряда 3,6 кг и ТМД-40 с деревянным корпусом. Процесс развития противопехотных мин был менее интенсивен. Основной упор делался не на заводские конструкции, а на самодельные мины (фугасы), изготавливаемые в войсках с использованием взрывателей, подрывных шашек, ручных гранат и артиллерийских снарядов. Наряду с инженерными минами в 30-е годы XX века инженерные войска получили и новые средства взрывания.

По мере внедрения в войска все более тяжелых образцов бронетанковой техники и артиллерии совершенствовались переправочно-мостовые средства. Были испытаны и приняты на вооружение три типа висячих мостов для обеспечения действий в горных условиях, новые десантные лодки, понтонный парк Н2П, с помощью которого можно было наводить мосты под грузы до 60 т и собирать паромы грузоподъемностью

50 т. Основными его элементами были металлические полупонтоны открытого типа, металлические прогоны и деревянные настилочные щиты. Парк перевозился на 85 машинах ЗИС-5.

В 1939 году принимается на вооружение тяжелый парк СП-19, предназначенный для наводки железнодорожных и двухпутных транспортных мостов максимальной грузоподъемностью до 20 т. Для моторизации новых понтонных парков создается буксирно-моторный катер БМК-70 с двигателем мощностью 70 л.с.

ВЕЛИСЬ разработки по средствам механизации дорожных и фортификационных работ. Опыт прокладки и содержания дорог в ходе боевых действий 1938—1940 гг. показал, что дорожные машины, применяемые в народном хозяйстве, не в полной мере отвечали условиям работы в боевой обстановке. Требовались специальные машины, более универсальные и быстроходные. Появились автогрейдеры, моторизованные бульдозеры и некоторые другие дорожные машины. Для механизации фортификационных работ были созданы образцы роторно-ковшовых траншеекопателей, но окончательная доработка их не была завершена. Проблема механизации фортификационных работ к началу войны осталась нерешенной, преобладающим по-прежнему был ручной труд.

Интенсивно проводилась разработка электротехнических средств, таких, как передвижная зарядно-осветительная станция АЭС-1 мощностью 3 кВт, использовавшаяся для освещения штабов и других войсковых объектов, АЭС-3 трехфазового переменного тока мощностью 12 кВт для электрификации инженерных работ. Электризация проволочных заграждений осуществлялась электростанциями высокого напряжения мощностью 27 кВт и напряжением до 1000 В.

В эти годы интенсивно разрабатываются маскировочные средства и материалы. Для разведчиков и снайперов изготавливаются маскировочные костюмы для различных фонов местности. В качестве основных табельных средств в войска стали поступать маскировочные сети и покрытия для скрытия военной техники, вооружения и оборонительных сооружений.

Создавались и средства полевого водоснабжения. Были приняты на снабжение войск ручные насосы для подъема воды с глубины до 6 м. В качестве легких буровых средств были разработаны мелкий и глубокий трубчатые колодцы, обеспечивающие подъем воды с глубины 7 и 30 м соответственно. С 1940 года был запущен в серийное производст-

во агрегат вращательного бурения скважин глубиной до 100 м, смонтированный на двух автомашинах. В это время войска получили фильтровальную станцию АФС-5000 производительностью 5000 литров в час. Средства хранения и транспортирования воды были представлены резервуарами из прорезиненной ткани различной емкости.

ВМЕСТЕ с тем в техническом оснащении войск имелись существенные недостатки. Парк инженерных машин изобилывал большим количеством базовых машин и различных дополнительных рабочих органов к ним. Инженерные машины имели низкие транспортные характеристики, что значительно затрудняло их использование, особенно в условиях высокоманевренных боевых действий. Ряд образцов инженерной техники было сложно использовать в зимних условиях.

Новая техника только начала поступать в войска, причем многие наиболее совершенные средства не были еще поставлены на серийное производство. Поэтому к моменту нападения фашисткой Германии на СССР в инженерных войсках не хватало переправочных, лесозаготовительных средств, дорожных машин, практически отсутствовали средства механизации земляных работ, противопехотные мины. Так, обеспеченность понтонными парками Н2П составляла 53 проц., парками НЛП — 48 проц., электростанциями — 28—36 проц., лесопильными рамами и станками — 36 проц., грейдерами — 35 проц., компрессорными станциями — 46 проц., буровыми станками — 18 проц. табельной потребности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Инженерные войска Советской Армии 1918—1945 гг. М., 1985. С. 175.

² Там же. С. 176, 177.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Инженерные войска Советской Армии (Основные этапы развития и боевого применения). М., 1959. С. 92.

⁶ Там же. С. 93, 94.

⁷ Инженерные войска России. Исторический очерк. М., 2001. С. 188.

⁸ Карбышев Д.М. Избранные научные труды. М., 1952. С. 35, 37, 38.

⁹ Карбышев Д.М. Разрушение и заграждения. М., 1931. С. 29.

¹⁰ Инженерные войска. М., 1982. С. 136, 137, 139.

*Генерал-майор запаса
А.С. МОЙСЕЕВ,
кандидат военных наук,
профессор;
полковник Ю.И. БЕЗИК
(Москва)*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

● Очередной, седьмой, номер «Военно-исторического журнала» — юбилейный: изданию исполняется 65 лет. О создании журнала и творческом пути, пройденном редакцией, можно будет прочитать в статье генерал-лейтенанта в отставке Ю.А. Хворостьянова и воспоминаниях доктора исторических и кандидата военных наук, профессора генерал-майора Е.А. Болтина, стоявшего у истоков популярного издания. Полковник В.Л. Герасимов в статье «Символика "Военно-исторического журнала"» знакомит читателей с историей создания герба, памятного знака, вымпела журнала. В этом же номере публикуются краткие биографические сведения и фотографии членов редакционной коллегии и редсовета «Военно-исторического журнала».

● Значительная часть материалов очередного номера посвящена Второй мировой войне. Это статьи: «На Брянщине» — об оборонительных и наступательных действиях советских сухопутных войск на территории нынешней Брянской области; «Высшие русские командиры за последний год провели ряд больших операций» — об освобождении Белоруссии (автор — доктор исторических наук полковник в отставке А.С. Орлов); «Забайкальцы в Маньчжурской стратегической наступательной операции» (авторы — доктор исторических наук, профессор Н.В. Гордеев, Н.Н. Жданова, генерал-лейтенант В.И. Бугреев).

● Под рубрикой «Безопасность России: в прошлом, настоящем и будущем» со статьей «Почему Япония в ходе Второй мировой войны не желала безоглядно следовать курсом фашистской Германии» выступает доктор исторических наук, профессор капитан 1 ранга запаса В.П. Зимонин. Будет опубликована статья кандидата исторических наук М.Ю. Крысина «Политика, инициированная Петром Великим, заключающаяся в проникновении в теплые воды, не изменилась», в которой автор рассматривает проблемы Кашмира в тесной связи с безопасностью России.

● Читатели, интересующиеся историей ВМФ, найдут для себя много полезного в статье кандидата исторических наук капитана 1 ранга в отставке В.Г. Симоненко «Морской Генштаб России», охватывающей период деятельности последнего в 1906—1917 гг.

● Сохраняются традиционные материалы номера: криптограмма «К 65-летию победы на реке Халхин-Гол», отзывы о ряде новых книг; хронограф, письма наших читателей.

«ДИВИЗИЯ ВОЕВАЛА УСПЕШНО...»

ПРОЧИТАЛ в № 12 «Военно-исторического журнала» за 2003 год статью С.Е. Чуева о так называемой бригаде Родионова (Гиль). Привлекла мое внимание эта содержательная публикация не только как малоизвестное событие Великой Отечественной войны, но и адресностью. Дело в том, что В.В. Гиль до того, как начать службу у немцев, являлся начальником штаба 229 сд, судьба которой мне близка. Дивизия формировалась с весны 1941 года в Хамовниках. На фронт (Западный, в состав 20 А) она убыла в конце июля из Буньковских лагерей (вблизи Ногинска), в бой вступила примерно 6 июля, действуя в направлении Сенно вместе с 5-м и 7-м мехкорпусами.

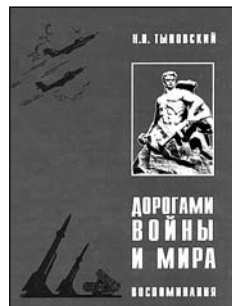
Я, как председатель совета ветеранов этого соединения (с 1978 г.), лично знаком с участниками тех памятных событий, и все, с кем беседовал, с кем вел переписку, говорили о том, что Гиль не просто попал в плен, а сдался добровольно в первые недели боев. Так, начальник химической службы дивизии Е.П. Пономарев утверждал, что В.В. Гиль уехал в сторону немцев на мотоцикле.

О дальнейшей судьбе бывшего начштаба 229 сд мы узнали из книг Р.Н. Мачульского. Особенно не ясна его участь после того, как он принял решение снова перейти на нашу сторону. Поскольку не известны обстоятельства его ранения при этом, то появилась версия, что он ликвидирован советскими спецслужбами. Бывшие белорусские партизаны во время встречи с нами в г. Владимире тоже не исключали подобной версии.

Так уж случилось, что начальник штаба 229 сд второго формирования подполковник М.К. Мелешкевич тоже оказался в плену. Попал он к немцам в августе 1942 года при окружении остатков 6 советских дивизий в междуречье Чира и Дона (устье р. Чир). В 1943-м вступил в так называемую власовскую армию, в 1945-м сам перебрался из союзнической зоны в советскую, добровольно сдавшись нашим оккупационным властям. Был осужден, отбыл 10-летнее заключение в исправительных лагерях.

Соединению исключительно повезло с комдивом. Генерал-майор М.Н. Кольцов (1895—1958) — смоленский крестьянин, унтер-офицер в Первую мировую, беспартийный — командовал талантливо, дивизия воевала успешно, о чем сообщалось, например, в сводке Совинформбюро за 5 сентября 1941 года, а также писал в статьях М.И. Шолохов. Бойцы о своем командире отзывались только с похвалой и восхищением, а когда он под Вязмой был тяжело ранен, они вынесли его на руках.

Помню время, когда в нашем совете насчитывалось 750 ветеранов 229 сд, в 2002-м оставалось уже 299, поскольку связи между остальными, рассыпанными по бывшим республикам СССР, почти совсем прервались. Можно сказать, что сохранились лишь душевные связи. Назову некоторых ветеранов, встретивших вместе с 229 сд первый день войны в июне 1941 года: капитан А.В. Акимов (1912—1981, г. Владимир); подполковник С.А. Бейнарович (1903—1993, г. Смоленск); старшина В.В. Бриллиантов (1921—2004, г. Москва); сержант М.С. Вознов (1909—1993, г. Смоленск); политрук Н.Д. Голубин (1905—1997, г. Москва); полковник М.М. Журавлев (1908—1980-е годы, г. Горький); полковник Д.Н. Лахман (1903—1992, г. Москва); командир роты С.С. Моисеев (1906—1996, г. Москва); офицер разведотдела М.Ф. Ольшанский (?—1999, г. Раменское); подполковник Е.П. Пономаренко (1906—1983, г. Москва); старший лейтенант И.М. Саламов (1908—1991, г. Москва); майор В.И. Салбиева (1910—?, г. Москва); политрук П.П. Чопоров (1918—1984, г. Москва).

Передаю также в дар редакции книгу Н.П. Тыновского «Дорогами войны и мира». Я в свою очередь принял ее из рук автора — старшего товарища, фронтовика, земляка. С благодарностью хранил книгу у себя, но поскольку мне 83 года, то счел за лучшее передать ее журналу. Несколько слов об авторе — Николае Петровиче Тыновском. Он полковник в отставке, 1920 года рождения, кандидат исторических наук, бывший политработник (комсорг полка, лектор). Много лет преподавал во Владимирском пединституте; авторитетен в любой аудитории, интересный собеседник. Его книга проникнута патриотизмом, теплотой и душевностью, прелюбием перед боевым товариществом.

Полковник в отставке А.М. КУЛИКОВСКИЙ,
участник Великой Отечественной войны
(г. Владимир)

«МНОГО УЗНАЛ ИЗ ВАШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВНИМАТЕЛЬНО и с удовлетворением знакомлюсь с публикациями контр-адмирала в отставке Р.А. Зубкова о Таллинском прорыве сил Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны и через журнал хочу ему сказать: «Много узнал из ваших исследований». Они, на мой взгляд, очень интересны и для читателей, и для других исследователей.

Как следует из этих публикаций, их автор досконально изучил вахтенные журналы различных кораблей и судов, участвовавших в прорыве. Думаю, он мог бы по имеющимся данным составить таблицу погоды на каждый час в период с 27 по 30 августа 1941 года. Ведь в разных изданиях по исследуемой теме состояние моря и погодные условия на маршруте перехода из Таллина в Кронштадт описываются по-разному — от штиля до шторма. Вместе с тем погода, в том числе направление и сила ветра, волнение моря, облачность, время восхода и захода солнца и другие явления природы, влияли как на составление заранее обдуманых приказов, так и на принятие вынужденных решений.

Хотелось бы узнать более подробно о действиях вражеской авиации (германской, финской): где она находилась и в каком составе участвовала в налетах на наши караваны. Также интересны подробности об авиационном прикрытии последних.

Почти совсем исследователи не писали о составе и действиях отряда Святова, участвовавшего в переходе из Таллина в Кронштадт. Можно ли восполнить этот пробел, как и многие другие малоизвестные факты этой трагической и героической истории?

В.А. БУШУЕВ
(г. Ангарск)

И.В. Сталин: «Правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом»

ПРОБЛЕМА организации Восточного фронта против гитлеровской агрессии стояла перед советской внешней политикой и после заключения Советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года, что нашло отражение и в отношениях с Прибалтийскими государствами. В результате непростых переговоров 28 сентября 1939 года был подписан Пакт о взаимопомощи с Эстонией, 5 октября — с Латвией, 10 октября — с Литвой. Эти пакты кроме обязательств взаимопомощи предоставляли СССР военно-морские и военно-воздушные базы на территории Прибалтийских республик, а Литва, кроме того, получала Вильнюс и Вильнюсскую область. Однако, несмотря на заключенные договоры, правящие круги Эстонии, Латвии и Литвы продолжали вести враждебную СССР политику, пока из состава их правительств в результате дипломатических усилий СССР не были удалены враждебные Советскому Союзу деятели. Положение кардинально изменилось лишь в июле 1940 года, когда состоялись демократические выборы в сеймы Литвы и Латвии и в Государственную думу Эстонии. Затем, как известно, в этих республиках была провозглашена советская власть.

В сентябре 2004 года исполняется 65 лет со дня заключения между Эстонией и СССР Пакта о взаимопомощи, согласно которому на территорию Эстонии был введен ограниченный контингент Красной армии и сил Балтийского флота. В последнее время теме ввода советских войск в Прибалтику и ее последующей «советизации» посвящено немало исследований как в России, так и в Эстонии, Латвии и Литве, но, учитывая, что не все авторы имели доступ к секретным архивным документам, ряд вопросов остался непроясненным. Автор данной статьи, опираясь на документы, а также используя материалы открытой печати предвоенного и постсоветского периода, делает попытку на конкретных примерах рассмотреть ситуацию, сложившуюся в ходе переговоров между Эстонией и СССР, а также проблемы, связанные с размещением и обустройством советских войск на территории Эстонии.

Политические и правовые особенности ввода войск СССР в Прибалтику в 1939 году

23 АВГУСТА 1939 года между Советским Союзом и Германией был подписан договор о ненападении с приложенным к нему секретным протоколом, согласно которому разграничивались сферы интересов двух стран. Граница между ними на случай территориальных и политических изменений в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве устанавливалась по северной границе Литвы, а в Польше — по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Кроме того, Советскому Союзу предоставлялось реализовать свои интересы в отношении Бессарабии. 17 сентября советские войска (Украинский и Белорусский фронты) перешли польскую границу и, продвигаясь почти без сопротивления, к началу октября вышли на демаркационную линию Львов—Брест—Белосток. 28 сентября между СССР и Германией был подписан договор о дружбе и границе, опять же с приложением секретных протоколов и карты. При этом территория Литвы попала в сферу интересов Советского Союза, а к Германии отходили Люблинское воеводство и часть Варшавского.

Заключенные с Германией договоры позволили СССР начать урегулирование территориальных проблем с Финляндией и Прибалтийскими государствами. Предполагалось, что, если они останутся глухи к доводам дипломатов, вопрос придется решать военным путем.

Были ли в тот период у И.В. Сталина «имперские замыслы», как утверждал в своем докладе на II съезде народных депутатов СССР 23 декабря 1989 года А.Н. Яковлев, сказать трудно, по крайней мере, документального подтверждения тому нет, но и тогда, и се-

годня прагматизм этого внешнеполитического курса — вынести на запад стратегический фронт путем воссоединения с СССР территорий, отторгнутых у России в результате событий 1917—1920 гг., и при этом упрочить безопасность страны на период до неизбежного вступления ее в мировую войну — не вызывает сомнений.

Пакт о взаимопомощи с Эстонией, а также с Латвией и Литвой в то время все понимали именно как меру предосторожности против возможной германской агрессии. В СССР с полным на то основанием опасались, что правительством Прибалтийских стран под давлением немцев «добровольно» разрешат германским войскам оккупацию своих государств. Такой сценарий, получивший название «косвенная агрессия», подробно обсуждался на переговорах СССР с представителями Англии и Франции летом 1939 года. Западные державы, к стати не только Англия и Франция, проявляли понимание озабоченностей Советского Союза.

Надо сказать, что у советской стороны имелись все основания для столь жесткого решения: Эстония и Латвия уже давно рассматривались Финляндией, а также и Германией в качестве ближайших союзников. Так, еще в конце 1931 года между финским и эстонским генеральными штабами были установлены тесные отношения, согласованы цели и задачи военного сотрудничества. По их мнению, объединенные ресурсы Финляндии, Эстонии и Латвии могли бы достаточно долгое время обеспечивать ведение боевых действий в случае нападения Советского Союза на эти государства одновременно¹. Летом 1939 года командованиями обоих государств были

подготовлены два секретных плана действий по отпору советскому Балтийскому флоту и его блокированию в Финском заливе. Значение объединенных действий Финляндии и Эстонии понимали все, в первую очередь советское правительство. Так, немецкое военно-морское командование, заявляя о своих планах относительно Балтийского моря, подчеркивало, что стратегически лучшее место для борьбы против советского флота — устье Финского залива. Такой же интерес проявляли французские и британские военные к финско-эстонскому сотрудничеству. Например, британский военный атташе К. Силлари Вал сообщал в Лондон, что финское правительство перестраивает свои батареи защиты побережья таким способом, что во взаимодействии с эстонскими батареями у Таллина весь судоходный проход в Финском заливе может быть закрыт для неприятельских, т.е. советских, перевозок, и в таком случае даже мощный [советский] флот в Балтийском море окажется бесполезен, так как у него нет гавани, свободной зимой ото льда². Чтобы не допустить столь опасного развития событий, упредить вермахт, не дать немцам возможности захватить южный берег Финского залива, а это создавало бы прямую угрозу Кронштадту и Ленинграду, СССР принял меры к созданию на границах с Эстонией и Латвией военной группировки. Так, в Ленинградском военном округе (ЛВО) была сформирована Новгородская армейская группа, преобразованная затем в 8-ю армию, а в Калининском (КалВО) развернута 7-я армия, переданная в сентябре в оперативное подчинение военному совету ЛВО. 25 сентября войска 7-й армии приступили к сосредоточению на латвийской границе³. Между Финским заливом и Чудским озером начал развертывание отдельный Кингисеппский стрелковый корпус, южнее — войска 8-й армии, а в районе Себеж, Юхневици, Клястицы — соединения 7-й армии.

В этих условиях главнокомандующий эстонскими вооруженными силами (до июня 1940 г.) генерал Й. Лайдонер (1884—1953) уже не считал возможным объявлять всеобщую мобилизацию, однако переговоры с СССР шли довольно трудно: эстонская сторона всячески оттягивала достижение соглашений о времени ввода советских войск, их количестве и местах дислокации. Здесь надо вспомнить, что Эстония, Латвия и Литва заключили между собой договор о

взаимопомощи сроком на 10 лет в сентябре 1934 года (еще раньше, в ноябре 1923 г., был заключен договор о взаимной обороне), и между правительствами трех стран негласно продолжались контакты в этом направлении. СССР, зная о том, что после разгрома Польши в Берлине всерьез думали о броске на северо-восток, в частности в Литву, форсировал события: приезд в Москву 24 сентября 1939 года главы МИД Эстонии К. Сельтера по вопросу заключения торгового договора был использован для обсуждения вопроса о заключении договора о взаимной безопасности.

К. Сельтер пытался уклониться от обсуждения этих вопросов, ссылаясь на нейтралитет, но Молотов заявил: «Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море. Если вы не пожелаете заключить с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется искать для гарантирования своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, может быть, более сложные. Прошу вас, не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии»⁴.

В ответ на замечание К. Сельтера о том, что возможно недовольство Германии и необходимо информировать правительство и парламент, Молотов заявил: «Это дело срочное. Советую вам пойти навстречу пожеланиям Советского Союза, чтобы избежать худшего. Не принуждайте Советский Союз применять силу, для того чтобы достичь своих целей. Рассматривая наши предложения, не возлагайте надежд на Англию и Германию. Англия не в состоянии что-либо предпринять на Балтийском море, а Германия связана войной на Западе. Сейчас все надежды на внешнюю помощь были бы иллюзиями. Так что вы можете быть уверены, что Советский Союз так или иначе обеспечит свою безопасность»⁵. Вскоре эстонская делегация получила уже готовый проект договора о взаимопомощи, а подписание договора о торговле было отложено до следующего приезда К. Сельтера в Москву с ответом на советское предложение. Вернувшись 25 сентября в Таллин, К. Сельтер информировал о советских предложениях германского посланника и попытался получить поддержку Финляндии и Латвии. Последние решили не вмешиваться, а Германия посоветовала удовлетворить советские требования⁶. Вместе с тем эстонская сторона, понимая, что Прибалтийские государства рассматривались Моск-

вой прежде всего как плацдарм для нападения со стороны вооруженных сил иных стран, все же провела ряд военных мероприятий, завершив к 27 сентября предмобилизационные приготовления своих вооруженных сил. И все же, оказавшись перед дилеммой «договор или война», эстонское руководство сделало выбор в пользу договора. 27 сентября в газете «Известия» появилась официальная информация о советско-эстонских переговорах, а 28-го «Правда» опубликовала сообщение о потоплении в Финском заливе неизвестной подводной лодкой советского судна «Металлист». В ходе начавшихся в 20 ч 30 мин 27 сентября переговоров Молотов, ссылаясь на потопление «Металлиста», выдвинул требование о размещении в Эстонии «в течение нынешней войны в Европе»⁷ 35-тысячного гарнизона советских войск. Эстонская делегация отказалась, и тогда в переговорах принял участие И.В. Сталин, который назвал цифру в 25 тыс. человек минимально необходимой, используя якобы в качестве аргумента следующее соображение: «Не должно быть слишком мало войск — окружите и уничтожьте»⁸. В ответ К. Сельтер, отстаивавший цифру в 15 тыс. человек, заявил: «Это оскорбительно. Мы заключаем союзный договор, а вы говорите так, будто мы злейшие враги, которые все время должны опасаться нападения друг друга»⁹.

Выработка текста договора и споры о местах базирования советского флота продолжились и на следующий день. Лишь поздно вечером 28 сентября договор (пакт) о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод на территорию Эстонии 25-тысячного контингента советских войск, удалось согласовать и подписать.

ПАКТ о взаимопомощи между СССР и Эстонией зарегистрировала Лига Наций, о чем было выдано соответствующее свидетельство, в котором говорилось: «Настоящим удостоверяется, что по просьбе министра иностранных дел Эстонии Пакт о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонской Республикой, подписанный в Москве 28 сентября 1939 г., зарегистрирован 13 октября 1939 г. [за] № 4643 в Официальном Регистре договоров Секретариата в соответствии со ст. 18 Устава Лиги Наций».

Вместе с пактом было подписано Соглашение о торговле обороте между СССР и Эстонией на период с 1 октября 1939 до 31 декабря 1940 года. И.В. Сталин, как бы

подытоживая проделанную работу, сказал К. Сельтеру: «Могу вам сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом»¹⁰. Впрочем, это понимали и сами эстонцы. Так, в январе 1940 года генерал Й. Лайдонер, характеризуя значение подписания пакта между СССР и Эстонией, отмечал: «Необходимо признать, что, вступив в конфликт с Советским Союзом, мы остались бы в полном одиночестве, т.к. после катастрофы с Польшей весь мир охватила тревога и страх, были забыты все обещания и моральные обязательства. Мы избрали этот путь договоренности о взаимной помощи и сотрудничестве с Советским Союзом, и я убежден в мудрости нашего поступка»¹¹.

25 октября 1939 года И.В. Сталин сказал секретарю ИККИ Г. Димитрову: «Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия и Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдерживать — строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают!»¹².

Однако даже в высших эшелонах власти далеко не все хотели ждать, когда «придет время», о чем свидетельствует телеграмма В.М. Молотова от 23 октября 1939 года полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину: «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским Пактом [о] взаимопомощи Вы не поняли... в особенности... об особых торжествах и речах в день 7 ноября, а также о встречах и приемах военных моряков рабочими организациями Таллина... Вас ветром понесло по линии настроений «советизации» Эстонии, что в корне противоречит нашей политике... Вы должны заботиться только о том, чтобы наши люди, и в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт [о] взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии, и обеспечить такое же отношение к пакту со стороны Эстонии... Главное, о чем Вы должны помнить, — это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»¹³.

Любопытно, что параллельно с проведением советско-эстонских переговоров в Москве шли и переговоры с Германией, на которых затрагивались и прибалтийские проблемы. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, зная

от германского посланника в Таллине о советских предложениях Эстонии и полагая, что «это, очевидно, следует понимать как первый шаг для реализации прибалтийского вопроса», просил советское правительство сообщить, как и когда оно собирается решить весь комплекс этих вопросов. Выслушав заявление И.В. Сталина о намерении СССР создать военные базы в Эстонии, Риббентроп спросил, предполагает ли тем самым советское правительство осуществить медленное проникновение в Эстонию, а возможно и в Латвию. И.В. Сталин ответил положительно, добавив, что тем не менее временно будут оставлены нынешняя правительственная система в Эстонии, министерства и так далее. Что касается Латвии, он заявил, что советское правительство предполагает сделать ей аналогичные предложения. По Литве И.В. Сталин высказал мнение, что решение вопроса будет зависеть от достижения соответствующего соглашения с Германией об «обмене территорией». Оценивая позицию стран Прибалтики, Сталин полагал, что «с их стороны в настоящее время не предвидятся никакие эскапады»¹⁴.

И ВСЕ ЖЕ реализация договоров, в частности с Эстонией, шла не очень гладко, особенно в вопросах размещения советских войск и строительства военных баз. В договоре указывалось, что Советский Союз может построить базы и аэродромы на островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт) и для их охраны держать соответствующие контингенты войск, численность которых (25 тыс. человек) подлежала утверждению особым соглашением. Участки земли, отводимые под базы и аэродромы, оставались территорией Эстонской Республики. Предусматривалось также, что до отстройки базы в городе Палдиски советские военные суда могут заходить в Таллинский порт для стоянки и снабжения провиантом и топливом.

Полагая, что договор с СССР может вызвать в обществе определенные вопросы, президент Эстонии К. Пятс (1874—1956) выступил 29 сентября по радио с речью¹⁵, которая была также опубликована в газетах. «Эстония, — заявил К. Пятс, — имеет твердое желание не вмешиваться в споры и борьбу между большими государствами. Она объявила о своем строгом нейтралитете, и мы должны обращать особое внимание на те обязательства, которые налагаются этим нейтралитетом».

Касаясь пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией, К. Пятс сказал: «Пакт о взаимопомощи не задевает наших суверенных прав. Наше государство остается самостоятельным, таким, каким оно было и до сих пор. Заключение пакта означает, что Советский Союз проявляет по отношению к нам свою доброжелательность и оказывает нам свою поддержку как в экономическом, так и в военном деле. Я думаю, что подобное решение при нынешнем военном положении в Европе дает лучшие доказательства того, чтобы договаривающиеся государства сумели решить напряженные вопросы так, чтобы не пролить ни капли крови. В требовании СССР не было ничего необычного. Учитывая историю нашего государства и наше географическое и политическое положение, становится ясным, что мы должны были вступить в соглашение с СССР. В качестве прибрежного государства мы всегда были посредниками между Западом и Востоком. Эта роль придавала особую окраску всей нашей культуре и национальным начинаниям. Переговоры эти закончились подписанием пакта о взаимопомощи и были подлинно равными переговорами, в которых выслушивались и учитывались мнения и предложения обеих сторон». В конце своей речи президент подчеркнул, что советско-эстонский пакт является важнейшим средством, обеспечивающим мирное сотрудничество эстонского народа и народов СССР.

ПОДПИСАНИЕ пакта широко обсуждалось в дипломатических кругах и на страницах мировой печати. Так, начальник канцелярии министерства иностранных дел Италии Ф. Анфузо в своем письме от 1 октября послу Италии в СССР А. Россо отмечал, что «территориальные уступки, достигнутые в трех Балтийских государствах, не могут в строгом смысле расцениваться как истинные проявления настоящей экспансионистской политики, так как это, по существу, восстановление ранее существовавшего российского единства. Следует также признать, что требования о морских базах в Латвии, Эстонии и Финляндии частично оправданы реальными требованиями военной безопасности и географическими соображениями»¹⁶. Между тем бывший посол Эстонской республики в Москве А. Рей в своих воспоминаниях подчеркивал, что эстонская армия не смогла бы противостоять Красной армии и «нескольких недель, если не дней»¹⁷.

Посланник США в Эстонии и Латвии Дж. К. Уайли, оценивая геостратегическое значение подписанного договора, подчеркивал важность создания военных баз СССР на территории Эстонии: «Обращаю внимание государственного департамента и на то, что порт Палдиски, а также острова Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго) стратегически доминируют в Рижском и Финском заливах, а также угрожают Ботническому»¹⁸.

Подписанием с Эстонией Пакта о взаимопомощи был снят вопрос о возможном нанесении удара силами 7-й и 8-й армий. Теперь для ввода группировки советских войск и сил флота на территорию республики была заложена правовая база.

30 сентября военному совету Ленинградского военного округа была направлена директива наркома обороны СССР¹⁹, в которой предписывалось совместно с эстонской стороной установить пункты размещения частей Красной армии на эстонской территории и обсудить вопросы их обустройства.

Этими проблемами занялась комиссия под председательством командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 2 ранга К.А. Мерецкова совместно с представителями правительства Эстонской Республики²⁰. Следовало осмотреть выделяемые казармы и здания, отвести земельные участки под аэродромы и танкодромы, подготовить планы и сметы на строительство. В директиве начальника Генерального штаба от 30 сентября 1939 года указывалось: «Личный состав вводимых в Эстонию войск тщательно проверить, выделить для этого лучший рядовой состав, обеспечить самым подготовленным начальствующим составом, особенно комиссарским и политическим, снабдить части табельным вооружением и имуществом. Войска хорошо обмундировать, обратив должное внимание на качество и пригонку»²¹. Подготовку войск для ввода на территорию Эстонской Республики требовалось закончить к 4 октября 1939 года. Аналогичные указания поступили командующему Краснознаменным Балтийским флотом флагману 2 ранга В.Ф. Трибуцу, который должен был, согласовывая свои действия с К.А. Мерецковым, совместно с представителями эстонского правительства определить места базирования кораблей флота и установки береговых батарей, позиции железнодорожной артиллерии, а также аэродромы и территории, необхо-

димые для расквартирования перемещаемых в Эстонию частей РККФ.

Основными пунктами базирования флота были названы Таллин, порты Палдиски и Роукюла (Роггекюль)²². Комиссия должна была установить на месте потребность в необходимом количестве средств охраны водных районов в этих портах, а также возможности ремонта кораблей и получения складских помещений. Предстояло осмотреть на месте казармы и здания, определить размеры первоочередного строительства. Работу флотской комиссии надлежало закончить 10 октября 1939 года.

Смешанная советско-эстонская военная комиссия должна была решить ряд конкретных вопросов, наиболее сложными из которых оставались вопросы размещения войск и их численность. И хотя на обеде, данном советским полпредством, эстонская сторона весьма одобрительно отзывалась о заключенном договоре²³, все же в ответ на предложение советской делегации о размещении войск дополнительно к пакту в населенных пунктах Хаапсалу (Гапсаль), Лихула, Рапла, Пайде и Валга (Валк)²⁴ эстонцы выступили с заявлением, в котором давалась отрицательная оценка новым советским инициативам. В заявлении подчеркивалось, что «вооруженные силы СССР должны быть расположены на участках, отведенных под базы и аэродромы, т.е. на островах Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго) и в районе города Палдиски», и их дополнительное размещение в других районах неприемлемо²⁵. Эстонское правительство одобрило эту точку зрения и предписало твердо «держаться указанных начал и не выходить из пределов пакта, заключенного правительствами и ратифицированного конституционными органами Эстонии и СССР»²⁶. Вместе с тем эстонцы согласились на размещение советских войск на всей территории островов Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго) и в районе города Палдиски, однако не более чем на два года.

Чтобы не усиливать возникшие разногласия, В.М. Молотов направил полпреду СССР в Эстонии К.Н. Никитину телеграмму, в которой рекомендовалось «ограничиться как местами размещения наших войск прибрежными районами, островами и [райо]ном Балтийского порта»²⁷. Однако, видимо, взвесив все обстоятельства, эстонская сторона пошла на некоторые уступки и все же разрешила «исходя из соображений и

удобств дислокации... войскам расположиться и в районе Хаапсалу (Гапсаль)»²⁸, но также на срок не более двух лет.

В конце концов было решено, что в районе Палдиски будет дислоцироваться стрелковый полк, артиллерийский дивизион, танковый батальон, истребительный авиационный и бомбардировочный авиационные полки, а в районе Хаапсалу — управленческие структуры, штабы, стрелковый и артиллерийский полки и танковая бригада, а также ряд других частей, в том числе бомбардировочный авиаполк.

На островах Сааремаа (Эзель) и Хийумаа (Даго) предполагалось разместить стрелковые, артиллерийские и авиационные части. Было определено также, что кроме районов, отведенных для базовых аэродромов, эстонцы предоставят участки за их пределами под оперативно-учебные аэродромы, оборудование которых планировалось производить одновременно с базовыми. Для размещения авиации и ее тыловых баз предоставлялись участки в имениях Куусику и Кехтна с учетом возможности их быстрого дооборудования под аэродромы.

НАЧАЛО ввода войск в установленные районы было намечено на 18 октября 1939 года; переброска могла производиться как железнодорожным, так и автомобильным транспортом по графикам, составленным по обоюдному соглашению. Охрану путей и дорог обеспечивало правительство Эстонии, охрана же войск, перебрасываемых на острова, возлагалась на флот СССР. Было оговорено, что для строительства казарм и аэродромов эстонская сторона окажет содействие в наборе рабочей силы, а также в приобретении строительных материалов и механизмов, что, конечно, не было выполнено. Запретные зоны для полетов военных самолетов СССР над территорией Эстонской Республики устанавливались штабом эстонской армии. Условия отвода участков для строительства морских баз были определены особым протоколом.

11 октября 1939 года был подписан протокол соглашения между советским и эстонским военным командованием относительно базирования сил флота СССР на островах Хийумаа (Даго) и Сааремаа (Эзель)²⁹. При этом оговаривалось, что объекты ВМФ будут обслуживаться и охраняться соответствующим штатным составом, а для защиты районов бази-

рования от нападения с моря и с воздуха предоставлялось право установки береговых зенитных батарей любых калибров, постов наблюдения и связи, прожекторов, причем в непосредственной близости от гаваней и рейдов, указанных в соглашении³⁰. Точные границы отводимых участков и акваторий под базы и береговые артиллерийские батареи для определения арендной платы должны были устанавливаться после производства соответствующих изысканий и рекогносцировок. Ряд объектов, необходимых для жизнедеятельности флота, разрешалось покупать или брать в аренду. Было также оговорено, что эстонские торговые корабли могут беспрепятственно заходить на все рейды и в гавани, кроме Кыйгусте, а легкие силы Балтийского флота до возведения необходимой инфраструктуры на островах Сааремаа и Хийумаа базироваться в порту Рохукюла (Роггекюль).

Что касалось Палдиски (Балтийский порт), то здесь для базирования советских военных кораблей отводился участок полуострова Пакри (Пакерорт) и островов Вяике-Пакри и Суур-Пакри (Большой и Малый Рогге) с прилегающей акваторией. На отводимом участке и акватории разрешалось строительство портовых гидротехнических сооружений и причалов, складов и станций, служебных и жилых помещений, железных и грунтовых дорог, а также установка любых артиллерийских батарей и постройка необходимых сооружений для базирования гидроавиации. Советскому командованию предоставлялось право на участке и акватории, отводимым для базирования флота, устанавливать режим плавания, полетов, передвижения и охраны водного района, иметь посты службы наблюдения и связи. Однако маячная служба оставалась в ведении эстонских властей, которые также брали на себя обязательство обеспечивать базы электроэнергией. Важно подчеркнуть, что земли и водное пространство переходили в пользование советского командования на арендных началах с оплатой по особому соглашению.

Была достигнута договоренность и по вопросу временной стоянки советских военных кораблей в Таллине³¹. При этом эстонская сторона брала на себя обязательство снабжать корабли паром, электроэнергией и пресной водой, осуществлять их ремонт, предоставлять им буксиры и ледоколы. Подъездные пути в

пределах участков стоянок кораблей ВМФ СССР должны были находиться в состоянии полной исправности, а необходимые дома и склады, имеющиеся там, предоставлялись советской стороне. Эстонское командование обязывалось также оказывать содействие в организации охраны стоящих в Таллине советских военных кораблей. Передача объектов, оговоренных в протоколе соглашения, должна была производиться на основе аренды по особым договорам. Стороны подписали также протокол³² о порядке следования транспортов под советским военным (портовым) флагом для связи между портами СССР и пунктами базирования советских морских сил в Эстонии. При этом транспорты освобождались от таможенных, санитарных и других сборов и дозмов и пользовались правом свободного плавания в эстонских водах и захода в эстонские порты. Были также решены вопросы производства гидрографических работ, порядка посещения эстонских портов военными и торговыми кораблями третьих держав³³, сохранения обеими сторонами военной тайны³⁴.

О том, как непросто достигались все эти соглашения, свидетельствует доклад К.А. Мерецкова К.Е. Ворошилову: «Представляю 2 экз[емпляра] протокола заседаний делегаций Союза Советских Социалистических Республик с представителями Эстонской Республики от 10 октября 1939 г. <...> Докладываем: в начале нашей работы встречали со стороны эстонской делегации в целом и министра иностранных дел К. Сельтера, в частности, упорное нежелание принять наши войска. Они принимали все меры к тому, чтобы вообще не допустить наших войска, а когда им не удалось этого добиться, ставили вопрос о сокращении численности войска и особенно настаивали не вводить технические войска — танки»³⁵.

Любопытно, что при этом К.А. Мерецков сетовал, что в комиссии с советской стороны не оказалось ни юриста, ни представителя НКВД, да и с переводчиками было туго, а посему он предлагал наркомом «более тщательно проверить эстонский текст, так как мы на месте и в округе не имели возможности [этого] сделать ввиду отсутствия опытных переводчиков»³⁶.

О подписании протоколов соглашений пресса сообщала скупом. Так, газета «Советская Балтика» опубликовала сообщение под заголовком «Соглашение о разме-

щении советских войск в Эстонии». В нем со ссылкой на информацию ТАСС из Таллина 11 октября говорилось: «Вчера поздно вечером военными делегациями СССР и Эстонии был подписан протокол по вопросу о размещении в Эстонии наземных и воздушных советских войск. Достигнуто также соглашение по морским вопросам. Сегодня будет подписан соответствующий протокол»³⁷.

Уже на следующий день после подписания соглашений в Таллин с визитом вежливости прибыли три советских военных корабля: лидер «Минск» и миноносцы «Гордый» и «Сметливый». Они были тепло встречены собравшейся в порту публикой.

Видимо, с неизбежностью ввода в страну советских войск смирилось и эстонское правительство. Так, оценивая достигнутые соглашения по реализации Пакта о взаимопомощи, главнокомандующий эстонской армией Й. Лайдонер отмечал, что работа проводилась в атмосфере взаимного доверия и понимания и он надеется, что население встретит войска Советского Союза спокойно и все отношения будут строиться на взаимном доверии.

В заключение хотелось бы привести полностью несколько фраз из его выступления: «Мы связали судьбу своего государства и народа, в некотором смысле, с Пактом о взаимопомощи с Советским Союзом, который в связи с этим вновь подчеркнул неизменность своей мирной политики и желание продолжать ее. Это большой положительный фактор для будущего нашего государства, нашего народа... Мы хотим прямо и откровенно выполнять этот пакт и уверены, что его также выполнит и Советский Союз. Мы осознаем, что война разоряет воюющие страны и отрицательно сказывается на нейтральных государствах. Мы знаем, что косвенные трудности войны все же легче переносить, чем ужасы и убытки на непосредственном поле брани. Весь народ должен быть готов нести жертвы, и понятно, что большую часть придется понести зажиточным слоям. Пойдем единодушно навстречу будущему, продолжая работу на благо своего государства, народа и отечества»³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Jari Leskinen (Finland)*. The Silenced Bridge of Finland. Secret mil-

itary cooperation between Finland and Estonia against the Soviet Union? 1930—1939 // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.: Европейский дом; Toros Verlag. Vaduz-Liechtenstein. 1997. С. 116.

² Там же. С. 127.

³ На чаше весов: Эстония и Советский Союз. 1940 год и его последствия. Таллин, 1999. С. 36.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ От пакта Молотова-Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. Таллин, 1990. С. 135, 137—138, 139—140.

⁷ На чаше весов... С. 39.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 52—53.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Свободная мысль. 1995. № 2. С. 16—17.

¹³ Полпреды сообщают. М.: Международные отношения, 1940. С. 144.

¹⁴ Международная жизнь. 1991. № 7. С. 131, 133, 135—136.

¹⁵ Известия. 1939. 2 октября; См. также: Полпреды сообщают. М.: Международные отношения, 1940. С. 74.

¹⁶ На чаше весов... С. 66.

¹⁷ Там же. С. 252—253.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1258. Л. 59—61.

²⁰ Войска должны были разместиться примерно в следующих районах: управление стрелкового корпуса, управление стрелковой дивизии, стрелковый и гаубичный полки, танковый батальон и спецчасти дивизии — в районе Балтийский порт — Таллин; стрелковый полк с артиллерийским дивизионом на о. Эзель и Даго, при этом на о. Даго — один стрелковый батальон, стрелковый и артиллерийский полки (без одного дивизиона) — в районе Хаапсала—Таллин; отдельная кавалерийская бригада в составе двух кавалерийских полков, танкового полка и арtdивизиона — в районе Вильянди и Валк; танковая бригада в составе четырех танковых и одного стрелково-пулеметного батальона — в районе Тюри и северо-западнее от этого пункта; истребительный авиационный полк — на о. Эзель, Даго; истребительный полк — в районе Вильянди, Валк; полк СБ — в районе Пайде.

²¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1258. Л. 59—61.

²² Состав сил для базирования в этих пунктах определялся так:

1. Флот: линкор «Марат», крейсер «Киров», 2 лидера эсминцев, 4 но-

вых эсминца, смешанная бригада подлодок (3 «С», 8 «Ш», 6 «М») вместе с плавучими базами, 6 дизельных тральщиков, 1 минный заградитель, 1 дивизион торпедных катеров РУ, охрана водного района баз флота.

II. Береговая оборона: выбрать районы для установки береговых батарей (1 — 160-мм башенная батарея на полуострове Церель; 1 — 180-мм башенная батарея на полуострове Симпернес; 2 — 120-мм открытые батареи в районе порта Палдиски, 1 — 130-мм на острове Сааремаа; 1 — 130-мм на острове Хийумаа; выбрать районы позиций для 180-мм железнодорожной батареи в районе порта Палдиски и для зенитной артиллерии.

III. Авиация: выбрать места для размещения по одной морской разведэскадрилье в Таллине, Палдиски и Аренсбурге; в перспективе разместить один полк СБ и один полк истребительной авиации в районе Таллин — Палдиски.

IV. Сухопутные силы: один железнодорожный батальон для обеспечения железнодорожной артиллерии и караульные части для обеспечения мест стоянок флота, аэродромов и складов.

²³ В своей речи министр иностранных дел К. Сельтер заявил: «Советская Россия и Эстонская Республика еще в 1920 году заключили мирный договор. Дружественные отношения между обеими странами получили дальнейшее развитие. Эстонское правительство обеспечит правильную реализацию Пакта о взаимопомощи. Советская армия, авиация и морской флот могущественны, и эта армия — наша союзница. Я поднимаю тост за Советскую армию». Главнокомандующий эстонской армией генерал Й. Лайдонер добавил к этому: «Мы знаем, что невозможно великой советской державе находиться в углу Финского залива. СССР должен иметь выход в Балтийское море. Мы решаем историческую задачу. Говорят, что великая и маленькая страна не могут дружить. Но мы видим, что эта дружба между нами и Советским Союзом осуществляется. Из истории известно, что такие вопросы решаются годами. А мы в течение трех дней решили в основном все вопросы. В этом особенно нам помог вожь народов СССР Сталин. Я поднимаю тост за Сталина» (См.: Советская Балтика. 1939. 8 октября).

²⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1258. Л. 117—118.

²⁵ Там же. Ф. 25888. Оп. 13. Д. 20. Л. 37, 38.

²⁶ Там же.

²⁷ Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939—август 1940 г. М., 1990. С. 84.

²⁸ РГВА. Ф. 25888. Оп. 13. Д. 20. Л. 6—9, 11.

²⁹ Для возведения гидротехнических сооружений, гаваней, молов, причалов, жилых, складских и служебных помещений, мастерских, радиостанций, железных и грунтовых дорог, производства дноуглубительных работ и постройки прочих сооружений, обеспечивающих базирование флота, правительство Эстонии предоставило следующие рейды и гавани: Кярдла (Картель) на о. Хийумаа (Даго); Кыйгусте на о. Сааремаа (Эзель); Курессаарелахт (Аренсбург) на о. Сааремаа (Эзель); Мьенту (Менто) на о. Сааремаа (Эзель); Кихельконна-лахт (Кильконд) на о. Сааремаа (Эзель); Тагалахт на о. Сааремаа (Эзель); Кюдемалахт на о. Сааремаа (Эзель).

³⁰ Кроме того, было оговорено оборудование батарей и постов наблюдения в районах п-ов: Сырве (Сворбе) на о. Сааремаа; Харилайд на о. Сааремаа (Эзель); Нина на о. Сааремаа (Эзель); Паммана (Паммерорт) на о. Сааремаа (Эзель); Сыру (Серро) на о. Хийумаа (Даго); Кыпу (Дагерорт) на о. Хийумаа (Даго); Тахкона (Симпернес) на о. Хийумаа (Даго); Сяре на о. Хийумаа (Даго).

³¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 1. П. 21. Д. 234. Л. 22.

³² Там же. Л. 10.

³³ Разрешение на посещение портов — баз военных кораблей СССР военными кораблями третьих держав эстонское правительство могло давать только после предварительного согласия советского правительства.

³⁴ В этих целях устанавливалась цензура, действующая как в отношении публикаций в СССР, так и в Эстонии. При этом запрещалось разглашать сведения о дислокации, передвижениях и перемещениях войсковых частей, кораблей, авиации и частей береговой обороны советского и эстонского флотов. За нарушение пунктов соглашения или передачу военных секретов третьей стороне предусматривалась ответственность в соответствии с законами СССР (по отношению к гражданам СССР) и Эстонской Республики (по отношению к гражданам Эстонской Республики).

³⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1258. Л. 117—118.

³⁶ Там же.

³⁷ Советская Балтика. 1939. 12 октября.

³⁸ Известия. 1939. 16 октября.

Полковник С.Н. КОВАЛЕВ,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербург)

«НАШЕ ДЕЛО ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ МЫ НЕ ТОЛЬКО ЗНАЛИ, НО И ЛЮБИЛИ СЛУЖБУ... ИНЫЕ ОФИЦЕРЫ МНЕ НЕ НУЖНЫ»

О проблемах взаимоотношений начальников и подчиненных в конце XIX — начале XX века

ОКАЗЫВАЮЩИЕ глубокое влияние на состояние дисциплины и боеспособность войск вопросы формирования взаимоотношений между начальниками и подчиненными находились в центре внимания органов государственного и военного управления Российской империи. Однако прусская и русская системы военного обучения и воспитания, утвердившиеся в армии, предлагали разные пути решения этой проблемы. Для первой характерными были подмена воспитания муштрой и ставка на «палку капрала», которой солдат должен был бояться больше, чем пули противника. Командиры даже полкового и ротного звена, ориентировавшиеся на эту систему, предпочитали только командовать, предоставив воспитание и обучение солдат старослуживым (дядькам), фельдфебелям и унтер-офицерам. Русская же система, напротив, требовала от начальников быть ближе к подчиненным, щадить самолюбие и уважать личное достоинство офицеров и нижних чинов, отдавала первенство нравственному воспитанию военнослужащих, заботе об их нуждах. Она предполагала личное участие командиров в воспитании и обучении солдат.

Поражение России в Крымской войне 1853—1856 гг. и последовавшие за ним демократические реформы стимулировали очередной поворот от прусской к русской системе воспитания. Падение крепостного права и введение всеобщей воинской повинности ослабили силу крепостнических традиций в армии, когда личность ценилась преимущественно в лицах знатного происхождения. На взаимоотношения военнослужащих также повлияла возрастающая потребность в инициативном и самостоятельном солдате, входившая в противоречие с грубым

обращением начальников с подчиненными. Рукоприкладство со стороны офицеров, использование ими в унизительных формах нижних чинов в роли денщиков, личное обогащение за счет средств подчиненных — все это, как и многое другое, вступало в противоречие с новыми реалиями посткрепостнической России. Нуждались в корректировке и отношения между офицерами. «Обращение старших к младшим в строю и по службе было грубое»¹, — вспоминал впоследствии об обидах офицерской юности военный министр генерал от инфантерии А.Ф. Редигер. Иностранцев поражало то спокойствие, с каким русские офицеры переносили оскорбления старших по чину². Однако это спокойствие было внешним. Понятие «офицерская честь» не являлось пустым звуком, побуждая оскорбленных офицеров к различным формам протеста.

Издержки традиционных взаимоотношений в офицерской среде военное руководство остро ощутило, когда выявилось участие молодых офицеров в революционной деятельности. В циркулярном письме № 341 от 22 мая 1884 года военного министра генерала от инфантерии П.С. Ванновского о методах борьбы с революционной пропагандой в армии внимание акцентировалось не только на особенностях возрастной психологии офицерской молодежи, облегчавших внушение вредных идей. В нем, по сути, констатировался и факт появления в армии конфликта поколений. Предписывая отвлечь офицеров от «сообщества с вредными слоями городского населения», П.С. Ванновский признал, что в армии недооценивалась роль старших офицеров как духовных наставников молодежи, в отношениях между поколениями офицеров было мало доверительности, что шло

вразрез с интересами службы. Он обратил внимание старших офицеров на важность искренней заботы об офицерской молодежи, сопровождаемой нравственным влиянием на подчиненных. Главным условием успеха работы с молодыми офицерами министр назвал формирование доверительных отношений в офицерской среде³. Одной из наиболее удачных организационных форм реализации этой идеи руководитель военного ведомства признал офицерское собрание. В годы военной реформы 60—70-х годов XIX века они обрели вторую жизнь и в 1874 году были открыты почти во всех дивизиях и бригадах.

В служебных отношениях в звене офицер — солдат с точки зрения формальной логики ситуация должна была меняться к духовно-нравственному сближению по объективным причинам, поскольку со второй половины XIX века социальный состав офицеров существенно демократизировался за счет выходцев из податных сословий. Если в 1864 году потомственные дворяне в армии составляли 55,8 проц., то спустя четыре десятилетия этот показатель опустился до 37 проц.⁴ Однако на практике отношения между офицерами и солдатами складывались в духе устоявшихся традиций, которые мешали сближению. «Офицеры в огромном большинстве случаев держались вдали от солдат, не имея на них никакого нравственного влияния»⁵, — утверждал известный военный теоретик генерал-майор Е.И. Мартынов. Начальники часто стремились воздействовать на подчиненных средствами жесткого психологического давления: постановкой под ружье, нарядом вне очереди на службу, переводом в разряд штрафованных, поркой и др.⁶ На то были и объективные причины. Солдат, призванный из сельской глубинки или городского трущоб, где о правопорядке говорить не приходилось, бывало, воспринимал интеллигентное обращение как признак слабости офицера. Кроме того, объективно дух

военной службы обуславливал твердость обращения и отношений. Требовался определенный уровень культуры управления, чтобы можно было определить грань между распушенностью, вежливостью, законностью и т.п. В русской же армии по-прежнему основная тяжесть обучения и воспитания нижних чинов лежала на унтер-офицерах. Грубый и почти столь же темный, как и простой солдат, унтер не мог стать носителем высокой культуры служебных взаимоотношений.

ОДНИМ из первых, кто осознал необходимость борьбы с прусской школой воспитания, был крупный военный деятель М.И. Драгомиров. Отсталость России в военном отношении он объяснял тем, что в русской армии суворовские традиции воспитания войск были заменены мертвыми формами муштры. Техническая отсталость армии, по его мнению, лишь усугубляла разрыв со славным военным прошлым России. М.И. Драгомиров горячо принялся за восстановление суворовских методов воспитания и обучения войск. Он пропагандировал их через печать, способствовал изданию забытой суворовской работы «Наука побеждать» и его же «Солдатской памятки», отстаивал свои воззрения сначала с кафедры, а затем будучи начальником Военной академии Генерального штаба, использовал возможности организаторской работы в войсках, когда был начальником дивизии и штаба округа, а с 1889 года — командующим Киевским военным округом⁷.

Требования М.И. Драгомирова к офицерам, определяющие их отношения с подчиненными, сводились к следующему: относиться к солдатам по-человечески, заботиться о них, понимая, что они «хорошие, но темные люди», которых надо развивать, привязывать к себе и от которых затем можно все требовать; воспитывать и учить солдат; в сомкнутом строю требовать беспрекословной дисциплины, но для работы в рассыпном готовить сознательных исполнителей; не муштровывать людей, превращая их в манекены и отбивая всякую способность соображать; в казармах и лагерях, вне занятий создавать приятную обстановку, поощрять землячество, не возбранять общение на родном языке; воспитание и обучение осуществлять самим, а не передавать в руки, унтер-офицеров и фельдфебелей⁸. Выполнение этих требований подвигало начальников всех степеней, включая командиров корпусов, к большой и кропотливой повседневной работе, а М.И. Драгомиров лично направлял и проверял ее состояние. За ошибки он не взыскивал,

но строго карал за обман, саботаж и другие сознательные нарушения отданных им приказов.

Необходимость повседневной работы с подчиненными не всем нравилась, а настойчивость и требовательность сурового и мудрого военачальника — вдвойне. Особенно много недовольных им было среди старшего командного состава, с которого командующий округом спрашивал в первую очередь. Он постоянно сталкивался с активным или пассивным сопротивлением, искажением своей точки зрения на тот или иной вопрос, что давало повод называть его ретроградом, не понимающим роли военно-технического прогресса⁹. В окружении царя М.И. Драгомирова откровенно считали чудачком¹⁰. «Жертвы» создавали легенды о грубом обращении М.И. Драгомирова с командным составом, подрыве их престижа, а следовательно — снижении дисциплины.

Осознанию политическим и военным руководством страны и большей частью военной интеллигенции необходимости решительных перемен в отношениях между начальниками и подчиненными способствовали русско-японская война и революция 1905—1907 гг. Война выявила педагогическую несостоятельность офицеров-фронтовиков, привыкших рассчитывать только на принуждение. Поскольку карцера не существовало, наказания в виде физических нагрузок на провинившихся угрожали боеспособности подразделений, телесные наказания были отменены. В этой ситуации лучше проявляли себя офицеры, пользовавшиеся нравственным авторитетом среди солдат.

НАЧАВШАЯСЯ революция не только обесценила, но и перередела в разряд опасных архаических традиций крепостничества во взаимоотношениях между военнослужащими. Сторонники поддержания прежних отношений оказались объектом жесткого психологического давления демократической общественности, возмущавшейся обращением офицеров с нижними чинами «не-человеческим образом», а кое-кто из офицеров даже поплатился жизнью за жесткий стиль в руководстве подчиненными. Революционная пропаганда и агитация, противопоставляя солдат офицерам, обостряла отношения между начальниками и подчиненными. Офицеры объявлялись палачами народа и бездельниками, растрачивающими народных денег¹¹. Примеры из жизни, когда отдельные генералы и офицеры уличались в грубом отношении к солдатам, аморальном поведении в личной жизни, придавали особую убедительность революционной

пропаганде. Революционеры не ограничивались этим. Военная организация партии эсеров, например, поставила задачу «разбить гипноз дисциплины» путем вовлечения солдат и матросов в «самостоятельный и инициативный отпор произволу начальства». Революционеры призывали к полному бойкоту низшего начальства, подбивали солдат умышленно недобросовестно относиться к делу (плохо стрелять, небрежно проводить саперные работы и т.п.), тем самым подводя своих командиров, подстрекали к военному террору, считая последний средством «эмансипации масс от гипноза дисциплины»¹². В этих условиях, по воспоминаниям военного министра А.Ф. Редигера, «хорошо держались лишь те части, где офицеры старались быть ближе к нижним чинам и имели над ними не только власть, но и влияние»¹³.

Когда стало ясно, что отсутствие живого интереса офицеров к солдатам приводит к падению дисциплины в войсках, в высших политических и военных кругах России заметно возросло стремление к демократизации во взаимоотношениях между офицерами и нижними чинами. Эту тенденцию закрепил царский манифест от 17 октября 1905 года. В литературе для войск, где разъяснялись его положения, отмечалось, что никто не смеет бить, притеснять военнослужащих, без суда сажать в тюрьму. «Все должно делаться по закону»¹⁴. В армии, как и в обществе, началось утверждение идеи правового государства.

Манифест объективно должен был поднять на новую высоту уровень борьбы с рукоприкладством и другими формами унижения солдат, ущемления их прав. Это было важно, поскольку в России эта борьба не отличалась особой интенсивностью и жесткостью по сравнению с армиями ведущих европейских стран. Например, в Германии за дурное обращение с солдатами в 1903 году было осуждено 773 человека, а в 1904-м — 609¹⁵.

Для жизни войск особое значение имело то обстоятельство, что тезис об умении начальников сблизиться с подчиненными стал постоянным атрибутом выступлений перед военной аудиторией «первого военного России» Николая II. Примечательно определенное смещение эмоциональных, а значит, и практических акцентов в постановке этой проблемы. В 1904 году Николай II требовал с любовью и вниманием относиться к подчиненным нижним чинам, с сердечностью вникать в их нужды и приближать к себе. В годы революции он уже подчеркивал важность неразрывной связи между офицерами и солдатами. Высту-

пая в ходе производства юнкеров в офицеры 14 июня 1907 года, император констатировал, что «те части крепки, где существует неразрывная связь между офицерами и нижними чинами». Такие части, по его словам, «доблестно и преданно служат и на войне и в мирное время»¹⁶. Стремился император и сам показывать пример нового отношения к военнослужащим. Вот характерный факт: в журнале прошений о материальной помощи, поданных на имя императора офицерами и членами их семей в 1907 году, нет резолюций с отказом, напротив, императором практически всем заявителям был увеличен размер испрашиваемого пособия, в среднем составившего около 250 руб.¹⁷

МЫСЛИ Николая II об отношении начальников к подчиненным и его личный пример не остались незамеченными. Профессор Военной академии Генерального штаба А.К. Баиов на страницах «Журнала Императорского русского военно-исторического общества» в книжке за 1913 год безапелляционно утверждал, что единение между массой армии и военными вождями, как результат взаимного доверия, является национальной чертой русской армии. Баиов подчеркивал стремление всех «венценосных вождей», от первого Романа до Николая II, следовать этой «чисто русской традиции», основу которой составляют установление в армии гуманного и доброжелательного отношения к нижним чинам, всесторонняя забота начальников о подчиненных¹⁸.

В духе высочайших указаний императора последовали приказы по войскам. По артиллерии такой приказ за подписью генерал-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича был отдан 7 января 1906 года. В нем обращалось внимание на отсутствие в некоторых частях должной связи и постоянного общения между офицерами и нижними чинами. Генерал-инспектор акцентировал внимание на том, что не только молодые офицеры, но и старослужащие, и даже начальники нередко не знают своих нижних чинов и относятся к ним совершенно формально¹⁹. Великий князь подчеркнул, что лично будет следить, как в войсках изживается этот недостаток, отметив при этом, что в ходе инспекций станут проверять знание всеми офицерами своих нижних чинов, в том числе их характер, способности и потребности, причем не только служебные, но и личные. Особый акцент он сделал на знании начальниками молодых солдат, умениями офицеров расположить их к себе, вникнуть во все мелочи солдатской жизни. Сам Сергей Ми-

хайлович хорошо знал профессиональные качества почти всего старшего командного состава артиллерии, а именно: результаты стрельб и другие показатели служебной деятельности, а также личностный потенциал этих начальников²⁰.

Руководящие указания, очевидно, сыграли свою роль, поскольку даже старшие офицеры обратились лицом к нижним чинам, а не стали переключать заботу о них на своих подчиненных. О том можно судить по донесению штаба Одесского военного округа от 12 марта 1907 года генерал-фельдцейхмейстеру русской армии об устранении недостатков в борьбе с антиправительственной пропагандой. Отчитываясь о выполнении указаний центрального аппарата военного ведомства, авторы документа докладывали, что офицеры теперь более чем когда-либо ранее непосредственно влияют на нижних чинов. Особо отмечалось значительное повышение в этой работе роли командиров полков, бригад, батарей и им равных по власти начальников²¹. Очевидно, что в жизни все обстояло не так благополучно, как на бумаге, потому что в течение нескольких месяцев невозможно сломать устоявшиеся традиции руководства подчиненными, к тому же очень трудно было найти золотую середину в отношениях с нижними чинами, чтобы у них не сложилось впечатление, что офицеры заискивают перед солдатами под влиянием беспорядков, охвативших ряд воинских частей. Однако первые шаги к новому стилю отношений с подчиненными были сделаны.

Одним из образцов технологии этого нового стиля могут служить указания начальника 35-й пехотной дивизии. По итогам внезапной проверки, произведенной в соединении в январе 1906 года, он обратился с письмом к офицерам, выказав недовольство тем, что они не посещают нижних чинов во внеслужебное время, особенно в ночные часы, а также в праздничные дни. В письме перечислялись следующие обязанности офицеров: «1. Посещать казармы и хозяйственные учреждения и во внеслужебное время. 2. Убеждаться, не распространяются ли среди нижних чинов противоправительственные издания. 3. Осматривать сундучки, вещи, книги нижних чинов. 4. Чаще убеждаться, нет ли претензий на что-либо, как-то: недополучение чего-либо, неправильные наряды и т.п. 5. Настойчиво, но спокойно требовать отдания чести и соблюдения нижними чинами присяги в своем присутствии. 6. Не допускать самовольных отлучек. 7. Озабочиваться времяпровождением

нижних чинов во внеслужебные часы, устраивая чтение, доставляя книги, журналы, доски для игры в шашки, шахматы, ящики с песком, тяжелые предметы для несложных гимнастических упражнений. 8. Вести умеренный образ жизни, как пример для нижних чинов. Не допускать появления офицеров в нетрезвом виде на улицах или вокзалах, игры ночами в карты. 9. Проникнуться сознанием, что мы служим. Наше дело требует, чтобы мы не только знали, но и любили службу, были ей преданы и способны положить ради ее интересов жизнь. Иные офицеры мне не нужны, что и прошу иметь в виду при аттестации»²².

ЛУЧШАЯ часть армейской интеллигенции поддержала новую идеологию отношений между военнослужащими. Немалую роль в этом сыграла популярность в армии книги М.С. Галкина «Новый путь современного офицера», изданной в 1906 году. Она пропагандировала русифицированный вариант идей, уже озвученных в демократической Франции. Одним из лейтмотивов труда стал призыв к офицерам возбудить к себе веру нижних чинов без фальшивого стремления стать старшим братом солдата. С пафосом М.С. Галкин утверждал, что братство всегда являлось одним из прочных стимулов внутренней связи между начальниками и подчиненными, источником откровенности солдата перед офицером²³. Автор не был одинок в своих взглядах. В военной периодике и литературе утверждалась мысль об особой важности для офицера постоянно изучать запросы солдат, знать их нужды, лично обучать и воспитывать подчиненных, поскольку организация воспитания по плечу только хорошо подготовленному офицеру, а унтер-офицер, в отличие от прошлых времен, может стать только его помощником²⁴.

В духе времени на страницах прессы развернулась дискуссия вокруг традиционного обращения офицера к солдату на «ты». Противники этой традиции утверждали: что естественно и закономерно для деревенского парня, никогда не слышавшего иного обращения, то может показаться странным и обидным человеку интеллигентному. Делать же здесь какую-то разницу недопустимо. Признавая неизбежную категоричность обращения к подчиненным, исходя из духа военной службы, они призывали делать различие между твердостью обращения, грубостью и распушенностью. По их мнению, офицерам следовало учиться быть вежливыми, сохраняя в то же время твердость и настойчивость.

Неожиданно позитивный эффект дал контроль над армией со

стороны Департамента полиции, военная агентура которого, следуя урокам солдатских выступлений, зачастую перераставших из экономических в политические из-за безразличия начальников к нуждам подчиненных, информировала о бытовых неурядицах в армии, об отсутствии контроля над личным составом, занятий по боевой подготовке и т.п. С этой информацией МВД знакомило армейское и флотское руководство, а также докладывало о ней императору. Как показали материалы последующих расследований, военное командование в ряде случаев действительно не имело полных и достоверных сведений о положении дел в подчиненных подразделениях, а командиры частей и подразделений не придавали должного значения своевременному информированию вышестоящего командования о трудностях и проблемах, которые они испытывали, организуя жизнь и быт нижних чинов. Генералитет был поставлен в неудобное положение перед императором.

МЕЖДУ двумя ведомствами разгорелась нешуточная борьба, развернувшаяся по двум направлениям. С одной стороны, каждый конкурент старался опередить соперника в оперативности информации, а с другой – уличить его в незнании истинного положения дел на местах. Вполне очевидно, что межведомственная борьба имела позитивные последствия: в войсках стали более серьезно относиться к информированию вышестоящего командования даже о незначительных проблемах жизни и быта нижних чинов. Характерен акцент резолюции, наложенной командующим войсками Виленского военного округа в конце июня 1905 года на итоговом документе расследования информации Департамента полиции о беспорядках в 1-м мортирном артиллерийском дивизионе. В первом пункте резолюции указывалось на необходимость «о подобных происшествиях докладывать немедленно, предупреждая поступление этих докладов со стороны»²⁵. Указания Департамента полиции на недостатки в материальном обеспечении солдат также активизировали работу старших начальников по контролю за состоянием дел в подчиненных частях и подразделениях. Были созданы специальные комиссии. В ряде случаев комиссии не подтверждали информацию из полицейских источников, но их деятельность не обходилась и без сознательного искажения подлинной ситуации, чем, впрочем, грешило и полицейское ведомство, пытаясь либо поднять свой авторитет, либо перестраховаться²⁶.

Убедением офицеров и генералов в необходимости быть ближе к подчиненным дело не ограничивалось. Проблемой занимались и специальные следственные комиссии, расследовавшие причины волнений в войсках. По итогам расследований офицеры, признанные не знающими настроений нижних чинов и не имеющими нравственного влияния на подчиненных, отстранялись от должности и по высочайшему повелению подвергались различного рода взысканиям вплоть до увольнения²⁷. Примечательны претензии, предъявленные «опальным» офицерам: часть из них обвинили в том, что они не имели сведений о беспорядках и не доложили о солдатских митингах, хотя по долгу службы должны были о них знать; другим ставили в вину невыполнение приказа об аресте военнослужащих-бунтовщиков. Объяснения типа «это невозможно было сделать в сложившихся обстоятельствах» в расчет не принимались. Наказаниям также подверглись офицеры, знавшие о тревожных настроениях среди солдат, не добившиеся выполнения собственных приказов и покинувшие казармы²⁸.

Благодаря комплексу организационных и разъяснительных мер среди офицерского состава, направленных на установление новых отношений между начальниками и подчиненными, к началу Первой мировой войны в этой области произошли позитивные перемены. Уже 14 августа 1908 года на подведении итогов маневров в Красном Селе Николай II заявил, что «рад отметить за последние 2 года подъем дисциплины»²⁹. М.Д. Бонч-Бруевич, командовавший в то время полком, впоследствии писал, что даже запасные были солдаты как солдаты. По его оценке, из подобострастия взводного они называли не «вашбродием», а «вашгородием» и были покорны, послушны, на редкость удобны для полкового начальства³⁰. Этот вывод подтверждается официальными данными о динамике такого ранее наиболее распространенного вида преступлений, как нарушение воинского чинопочитания и подчиненности (см. табл.).

Количество нарушений воинского чинопочитания и подчиненности, на порядок превышавшее показатели других наиболее опасных преступлений в 1906—1907 гг., в 1909—1911-м резко сократилось и стало с ними вполне сравнимо. Понятия «наш командир» и «отец командир», казалось, начинают прочно утверждаться в солдатском лексиконе.

Однако подлинного переворота в отношении начальников к подчиненным совершить не удалось.

Более того, в военные годы в силу ряда причин многие офицеры вновь стали отдавать предпочтению жесткому психологическому давлению и физическому насилию над подчиненными. Примечательна оценка генерала от инфантерии В.Е. Флуга (его труд о высшем командном составе русской армии получил премию на конкурсе, проведенном учрежденным в эмиграции Обществом русских офицеров Генерального штаба). Отмечая, что довольно распространенным недостатком высшего командного состава являлось грубое обращение с подчиненными, он писал: «У нас были генералы, пользовавшиеся громкой известностью... не одержанными ими победами над врагами Родины, а своею легендарною грубостью, граничившей с хамством»³¹. Ряд офицеров среднего и низового звена недалеко ушли от своих начальников, о чем свидетельствуют письма, перехваченные военной цензурой. Несколько цитат из них: «Всего более угнетает, что нашими старыми солдатами командуют выскочки офицеры. Солдат они не понимают, ими помыкают, а заботы не видно»; «В нашей роте порядка никакого, полуротный — прапорщик из солдат — все время был в деревне и пьянствовал»; «Все начальство за мало-важные поступки морду бьет, вот же наша какая жизнь — хуже собаку»³² и др.

Сильным психологическим стимулом к развитию рукоприклад-

Таблица
Статистика судебных дел о нарушениях воинского чинопочитания и подчиненности в русской армии

Годы	Общее количество осужденных	Осужденные на 10 тыс. военнослужащих
1905	4856	45,6
1906	12778	167,0
1907	11907	134,9
1908	8730	64,4
1909	6453	47,7
1910	5904	43,6
1911	5982	43,4

Таблица составлена по: Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1909 г. Ч. 1. СПб.: Военная тип. Екатерины Великой, 1911. С. 69, 70; Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1911 г. (Отчет Главного военно-судного управления). СПб., 1913. С. 18, 19, 21; Голуб П.А. Большевики и армия в трёх революциях. М.: Политиздат, 1977. С. 18; *Бескровный* Л.Г. Армия и Флот России в начале XX в. М.: Наука, 1986. С. 10—14.

ства явилось официальное восстановление в армии наказания розгами, казалось бы, окончательно забытое после событий первой русской революции. Порке подвергались целые подразделения, даже за пустяки. Табу на физическое насилие над личностью оказалось официально размытым. Определенный импульс к рукоприкладству по той же причине могло дать и введение в январе 1915 года смертной казни на фронте. Однако оно предполагало применение репрессии как крайнюю меру, ориентируясь все-таки на патриотизм военнослужащих. Так, Ставка летом 1915 года разъясняла, что нежелательно превращать порку в систему, признавая ее допустимой только в отношении «особо порочных солдат»³³. Смертная казнь, как наказание за побег из района военных действий, являлась последней ступенькой в целой иерархии уровней кары за это преступление. Мера наказания определялась исходя из количества побегов, совершенных военнослужащим. Только третий побег карался казнью. Военнослужащим давали возможность одуматься. К тому же командиры получили право до окончания войны приостанавливать производство дел о первых побегах нижних чинов, которые своим поведением заслуживали подобного прощения³⁴.

МОЖНО утверждать, что в годы Первой мировой войны начальники обладали достаточно разнообразным официальным инструментарием воздействия на подчиненных. С учетом ситуации на фронте справедливо был расширен круг наказаний военнослужащих. Однако, столкнувшись с низким моральным духом подчиненных и массовыми нарушениями воинской дисциплины, отдельные офицеры растерялись и не сумели воспользоваться арсеналом законных методов восстановления уставного порядка. Следовать суворовским традициям также не всегда им оказывалось по силам. Какая-то часть офицеров и не могла по складу характера и воспитания, подобно А.В. Суворову, в непосредственной форме вести себя с подчиненными. Маршал А.М. Василевский в своей книге вспоминал, например, о «сердечной беседе» на фронте графа генерала от кавалерии Ф.А. Келлера с солдатами, которые почти открыто смеялись над ним³⁵.

Даже справедливо посчитав, исходя из конкретной ситуации в частях и подразделениях, что «нечего либерализовать», немало офицеров пошли по пути беззакония, превратив в систему рукоприкладство. У солдат скла-

дывалось убеждение, что зачастую их наказывают, не разобравшись в ситуации, в порыве раздражения или из каприза. Нарушение законов сверху, со стороны командования, трансформировалось в озлобление и ненависть у подчиненных. Примечательно содержание протоколов собраний, проведенных в воинских частях после свержения самодержавия, а также приветствий от имени солдат и офицеров, направленных в адрес Государственной думы в связи с победой Февральской революции 1917 года. В этих документах наиболее часто упоминалось об унижении самодержавием человеческого достоинства солдат. Члены Временного комитета Государственной думы, объехавшие 142 версты боевых позиций Северного фронта, неоднократно слышали от нижних чинов горькие слова: «В морду будут бить или не будут.» Вывод представителей Думы был неутешителен: «...рукоприкладство в армии настолько укоренилось, что многие не могут от него отстать»³⁶.

Отсутствие солидарности между начальниками и подчиненными сделало основной причиной отношения солдат к офицерам как к какой-то враждебной силе. Рукоприкладство только усугубило положение. Причиной реанимации застарелой болезни во взаимоотношениях начальников и подчиненных явились практическая гибель кадровой русской армии в сражениях 1914—1915 гг. и общий кризис государственного устройства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни: В 2 т. М.: «Канон-Пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. Т. 1. С. 88.

² Пайнс Р. Русская революция. В 2 ч. М.: Росспэн, 1994. Ч. 1. С. 88.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 55. Л. 1.

⁴ См.: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1996. С. 270.

⁵ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны // «...Хорошо забытое старое». М.: Воениздат, 1991. С. 30.

⁶ Для сравнения: в Японии офицеры зачастую проводили свободное время в обществе нижних чинов, даже обедали вместе с ними, что никак не подрывало воинской дисциплины.

⁷ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 105.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Там же.

¹⁰ Василевский А.М. О дисциплине и воинском воспитании. М.: Воениздат, 1987. С. 90.

¹¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1292. Оп. 5. Д. 98. Л. 236.

¹² Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М.: Росспэн, 1998. С. 330.

¹³ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 437.

¹⁴ Права русского народа по манифестам 6 августа, 17 октября, 3 ноября и указу 1 декабря 1905 г. СПб.: Изд-во «Тов-во Березовского», 1906. С. 36.

¹⁵ Заграничные известия // Разведчик. 1905. № 792. 30 дек. С. 978.

¹⁶ Полный послужной список Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича. Составлен по 15 авг. 1908 г. СПб., 1908. С. 90, 91, 101, 112, 116, 129, 131.

¹⁷ РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1557. Л. 7 об.

¹⁸ Баиов А. Национальные черты русского военного искусства в Романовский период нашей истории // Какая армия нужна России? Взгляд из истории. М.: Военный ун-т, Ассоциация «Армия и общество», 1995. С. 16, 17.

¹⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 98. Л. 44.

²⁰ См.: Барсуков Е. Русская артиллерия в мировую войну: В 2 т. М.: Госвоениздат, 1938. Т. 1. С. 92.

²¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМА ИВиВС). Ф. 6. Оп. 29. Д. 558. Л. 430.

²² РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 85. Л. 1—3.

²³ Галкин М.С. Новый путь современного офицера. М., 1906. С. 202.

²⁴ См.: Парский Д.П. Что нужно нашей армии? // О долге и чести воинской в Российской армии. Собр. мат., док. и статей. М., 1990. С. 251 (статья написана в 1908 г.).

²⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 29. Д. 217. Л. 283.

²⁶ Там же. Л. 227, 270.

²⁷ Там же. Д. 558. Л. 365; Д. 275. Л. 118.

²⁸ Там же. Л. 448 об., 468.

²⁹ Полный послужной список... СПб., 1908. С. 151.

³⁰ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М.: Воениздат, 1957. С. 57.

³¹ Флуг В. Высший командный состав // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М.: Военный университет; Русский путь, 1999. С. 304.

³² Цит. по: Хранилов Ю.П. «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто» // Воен.-истор. журнал. 1997. № 2. С. 25.

³³ Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. М., 1977. Т. 1. С. 423.

³⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 24. Оп. 97/12. Д. 1. Л. 42, 79, 237.

³⁵ Василевский А.М. Указ. соч. С. 13.

³⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 287.

Е.Г. ВАПИЛИН,
доктор исторических наук
(г. Всеволожск
Ленинградской обл.)

«ЗДЕСЬ, НА БОЕВОМ ПОЛЕ... БОДРИМ И ПООЩРЯЕМ НА СМЕРТЬ ЖИВЫХ, ЧТОБЫ ПОТОМ ОПЛАКИВАТЬ МЕРТВЫХ»

**Фронтовые
дневники
генерала
А.Е. Снесарева**

**А.Е. Снесарев (в центре)
в окопах
1916 г.**

15.11.[19]16 г[ода]. Наблюдательный пункт в окопах 15-й роты 3-го Перекопского полка или в штабе 4-го бат[альона] 3-го.

Утро прекрасное. Арт[иллерийская] подготовка начата в 8 ч 30 мин. Когда дело наладилось, я со всеми вернулся в штаб 4-й батареи. Мой нач[альник] артиллерии Николай Дмитриевич Невадовский, хотевший быть рядом со мною, предпочел обосноваться за скалой... Он хорошо сообразил: там была полная безопасность. На своем пути мы находим прижатых к отлогости окопа ребятам: одного тяжело раненного, а позднее на обратном пути — одного убитого... Их начинают подбирать только после моего личного приказа; все при таком огне цепенеет и теряется, люди прилипают к передней отлогости окопа. Я иду последним, остальные бегут впереди, японец* в своей теплой шубе спотыкается и падает. Артиллерийский огонь — это тот период, когда потери могут быть и невелики (они всегда, как правило, малы), но когда потрясается и понижается дух. Нужно видеть, что делается с людьми, и существенно необходимо, чтобы в это время офицеры и взводные командиры обходили людей, успокаива-

вали и намечали более безопасные места. Люди не всегда в этом разбираются.

[Несколько примечательных случаев]. Прапорщик Никол[аевского] (4-го) полка, тяжело раненный в ногу, руку и еще куда-то, скатился к проволоке противника. Видя, что ему не избежать плена, вынул револьвер и

К 90-летию Первой мировой войны

покончил с собой со словами «Братцы, прощайте». Прапорщик Елизаветградского (6-го) полка Рудь, раненный в ногу, был вынесен из огня и принесен к нам австрийцем; австриец сам был, кажется, ранен. Теперь эти «бывшие враги» все время вместе. Прапорщик 3-го полка Моисеев, раненный в лицо, не дал себя перевязать и покончил с собой по мотивам, что он обезображен... Это только на войне и увидишь.

Мы приходим к скале, где Невадовский, Полтанов, Шепель и некоторые ротные. Люди кланяются [снарядам], образуя спинами волнующуюся поверхность; я их успокаиваю и показываю направление и падение снаряда. Оказывается, наибольшее впечатление производит то, что я не кланяюсь. Здесь уже выясняются причины сравн[итель-

ной] неудачи на правом фланге: 1) малый подъем, вызванный кое-какими сомнениями Шепеля и особенно Подкосова; слабо ринулись вперед и замялись, а потому и много потеряли; 2) в верхнем проходе, возле «голового пупа»**, оторвались от николаевцев, а те почти не пошли; 3) сам Шепель, да и батальон Ржевицкого задержались сзади, не подняли людей, хотя Шепель убил троих, а Подкосов двоих, но это, по видимому, мало полезно и в 100 раз менее помогает, чем личный пример; 4) николаевские батальоны не пошли: а) Константинов правил с наблюдательного пункта и думал по-старому перейти на вранье, б) елизаветградцы оторвались; 5) Подкосов (команд[ир] 1-го батальона), а затем его заместитель были ранены в самом начале боя.

Начал накрапывать дождь, [стали] прибывать пленные; [высота] 1307, занятая нами, переходит из рук в руки. Шепель отказывается от помощи 1-го бат[альона] Аккерманского полка, не желая, [по словам капитана Соллогуба] (Сергея Ивановича), брать [на себя] лишней ответственности. Полтанов сидит у телефона, укрытый скалой, и «энергично» и деловито отдает распоряжения. Пленные три офицера тоже «кланяются». Смесь, укоряю их, а они отвечают: «Когда мы воевали, жизнью не дорожили, а раз в

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2003. № 8, 9, 10, 11; 2004. № 3, 4.

* Японский представитель союзных войск Куроки.

** Вершина высоты.

плени — она нам дорога». Рассуждение как раз обратное моему пониманию. Мы видим, как австрийцы расстреливают своих пленных, поднимающихся по тому склону, где мы так недавно разгуливали с Сергеем Ивановичем. Приказываю Константинову вести батальоны в атаку; он говорит, что ему далеко: он на наблюдательном пункте, а что он пошлет Петрова. Отрешаю [Константинова] от командования и поручаю [командовать батальоном] Петрову.

Надвигаются сумерки; мы, по-видимому, более ничего не сделаем. Приказываю закрепляться на старых местах, приводить в порядок и кормить людей.

16.11. [19]16 г[ода]. Штаб 4-го бат[альона] 3-го полка. Весь день туман с промозглостью. Ставлю задачу захватить [высоту] 1318 и овладеть «голым пупом». Люди истомлены, на помощь артиллерии рассчитывать нельзя. Чувствуется, что успеха не будет. Сначала ждем артиллерию, а потом пробуем почти обойтись без нее. На правом фланге неувязка, меня смущающая: Полтанов только распорядчик, Петров не оказался на высоте, Шепель собою недоволен. Сергей Иванович [им] бросил фразу: «Нач[альник] дивизии приказал вести батальон, иначе он придет и сам его поведет». Это помогло, но немного. Я решаюсь послать [с батальоном] Сергея Ивановича, свою последнюю ставку, за которой остаюсь только я. Он идет, и скоро мне говорят по телефону, что он организовал удар с трех сторон и что только ждут 2-й Николаевской роты (опять николаевцы!). Скоро мне сообщают, что немцы сбиты с «пупа» и бегут, а вскоре вслед за этим, что Сергей Иванович ранен. Меня кольнуло как укор, хотя на прощание я просил его не гордиться, а японец заметил, что он это предчувствовал. Операция, как и [должно] было [быть], застопорилась (2-я рота 5-го полка оказалась слишком впереди, далеко впереди), и я приказал всем возвратиться на свои места. Точно так же я приостановил операции против [высоты] 1318: не видно настроения, да и люди утомлены двухдневным боем при сырой и холодной погоде. Это все — дань приказу почти без шансов на успех. Сергей Иванович не выходит у меня из головы, а я получаю о нем разные слухи: туда и сюда ранен, тяжело или нет. Наконец, уже в темноте я говорю с ним по телефону и узнаю, что рана, по-видимому, не опасна, хотя вопрос о задетой брюшине еще не выяснен.

Потери за сегодня [16 ноября] и за 15—16 ноября [обобщены] [табл. 1].

Остаток вечера мы проводим в спорах. Невадовский (ушедший от меня за скалу) не согласен: рискуя зря, не будет управления и т.п. Японец согласен со мною: нужно [рисковать]. Михаил Александрович Стугин критикует с теоретической точки зрения, но со-

сторожно: если я обеспечил продолжение управления, [то риск возможен].

17 и 18 [ноября] 1916 г[ода]. Штаб 4-го бат[альона] 3-го полка. Оба дня стоят густые туманы, так что в 100 шагах ничего не видно. Операция 16-го не удалась и не хочется ее возобновлять. 3-й и 6-й полки измотаны и чувствуется потребность использовать 4-й и 5-й. Мысль выливается в желание взять «голый пуп» и прорвать ур[очище] Франца (Фрунца).

18 [ноября]. Только на полчаса светлеет, а потом — опять туман. У нас каплет с потолка. От железной печки то душно, то холодно; японец мерзнет и как сурок спит по целым дням. Иногда он нам говорит интересные вещи, особенно относительно самураев. Жена [для них] — раба; она изменить не смеет, всегда идет за мужем, просит у него разрешения пойти куда-либо и т.п., муж же может забавляться с гейшами. Дуэли [между самураями хотя официально запрещены, но [они] есть и всегда до смерти; оставшийся в живых делает себе харакири. Когда офицер [попадает] в плен, [его] жена требует развода, а возвратившийся из плена самурай делает харакири.

Куроки боится, что американские и английские идеи все изменят и [японские] офицеры потеряют свою силу. Борзяков [напоминает] ему [не без ехидства], что у него была контузия, и японец вспышивает. [Настаивает]: у них иначе нельзя, или на дуэли, или на [праве сделать] харакири. Спорим, объясняем, что он мешает контузию с конфузией, и, кажется, успокаиваем. Куроки вообразил, что я ушел с наблюдательного пункта (15 ч 11 мин) потому, что хотел его отвлечь, а сам потом возвратился. Это его очень огорчило. Узнав про самоубийство Невзорова, с пафосом заметил: «Это хорошо». Вообще он смесь дикаря с новыми веяниями и с впечатляющим отблеском гордого духа древних самураев. Интересны его характеристики Оямы, Нодзу [и других

видных соотечественников]. Он над ними любовно смеется, подчеркивая их воен[ную] отсталость, детскую наивность и странную, непонятную для него прозорливость. Да, это старые солдаты, умудренные опытом и знаниями военной жизни до прозорливости.

Бряза. 19.11. 1916 г[ода].

С утра хорошая погода, Невадовский нас будит в 4 ч 30 мин. Все готово рвать [оборону противника] у «голового пупа» и около ур[очища] Франца (Фрунца), и только мысль о том, продержится ли туман нужные два часа, заставляет нас отложить переходить к поискам и иду до штаба пешком (вместе с Куроки), а оттуда верхом домой. Куроки в открытых местах предлагает свертывать мой флаг.

Приезжает Зайончковский и знакомит меня с обстановкой. В 43-й дивизии осталось 2400 штыков, т.е. погибло 8 тыс. (много убитых), а всего погибло около 10 тыс. человек. Фон Нэрике говорит: люди были не кормлены, в полках по 4 пулемета, ружья запущены [так, что] не открыть затвор. [Словом], привели на убой. Каледин спрашивает, что думает комкор? Комкор: мог бы послать Снесарева. Каледин: не годится; тут будет незнающий Эрдели, там — незнающий Снесарев. Зайончковский предложил усилить мою группу, но Каледин сомневается: не исчерпаны, мол, резервы. Узнав, что осталось 2400 [штыков], соглашается, но только [чтоб] скорее.

В результате я получаю 22-й тяжелый дивизион (6—8 пушек) и 2-ю бригаду 37-й дивизии: 147-й Самарский (полк[овник] Финкстэн) и 148-й Каспийский (г[енерал]-м[айор] фон Нэрике) [полки] и, значит, у меня будут: 64-я пех[отная] дивизи-

Таблица 1

	За 16 ноября				Всего	За 15 и 16 ноября (всего)
	3-й полк	4-й полк	5-й полк	6-й полк		
Офицеров:						
Убито	—	1	—	—	1	7
Ранено	1	3	—	—	4	25
Контужено	—	1	—	—	1	8
Нижних чинов:						
Убито	30	25	13	5	73	329
Ранено	218	137	77	14	446	1515
Контужено	—	39	14	15	68	286
Пропавшие без вести	—	—	3	—	3	13
Больны	25	12	44	—	81	182

зия, 2 полка 37-й, 1 полк (Челябинский 336-й) 84-й. [Итого] 7 пех[отных] полков плюс 15-й Оренбургский казачий. [А еще легкие и тяжелые артиллерийские дивизионы], 4-я сап[ерная] рота, воздух[оплавательная] рота — 2 станции. Словом, целый корпус. Я буду заправлять в серьезной операции целым корпусом, а дать мне [в постоянное командование] дивизию не могут — молод. Страшно забавно,

Зайончковский не хочет меня ни в каком случае выпустить. У него, по видимому, есть план, так как он говорит: мы еще посмотрим.

Вечером мы беседем с Сергеем Ивановичем, к которому я захожу очень часто. Его рана оказывается совсем легкой.

Бряза. 20.11.[19]16 г[ода]. Инютин экстренно вызван: ему будет нагоняй. Он дает показание Сергею Ивановичу. С ним едет и Николай Александрович (Куроки). Он много сидит у Сергея Ивановича и беседует. Между прочим, он сказал, что у них иностранцы получают ордена редко, но он похлопочет (для меня и Сергея Ивановича), и, чтобы достигнуть [этого], готов довести дело до микадо. Мы их провожаем, и я пишу Покровскому письмо. После обеда прибывают офицеры 22-го тяжелого дивизиона: полк[овник] барон Майдель и 2 командира батареи. Я им рассказываю о своем плане, ориентирую [в обстановке] и за подробностями прошу обращаться к Невадовскому. Барон Майдель, оставшись со мною один, говорит мне, что он старше Невадовского и что ему трудно подчиняться; он все подготовит, а затем просит разрешения заняться хозяйством, которое запущено. Я [высказываю сомнение], сможет ли он за 2—3 дня усвоить то, на что мы с Невадовским потратили месяц? Он [отвечает, что на это] не претендует, [и, естественно,] не сможет, но ему трудно подчиняться.

Мы много разговариваем с Сергеем Ивановичем. Женка прислала мне открытку от 11.11, где говорит о получении [мною] «Георгия снизу» [от офицеров и солдат дивизии]; она переполнена чувством восторга. Я мою золотую женку понимаю.

Я ложусь спать и уже думаю заснуть, когда мне говорят о прибытии двух полк[овых] командиров: полк[овника] Финкстэна — 147-го Самарского полка и [генерал-майора] фон Нэрике — 148-го Каспийского. Я выхожу, и они меня поражают: они кислы, все критикуют, не верят в успех, не верят солдатам и т.п. Совпадение с типом немецких фамилий усугубляет дело. Я начинаю с ними спорить (другого пути вначале нет), вышучиваю, поддеваю, критикую пессимизм и понемногу сбиваю их с [вредных] позиций. Мы расходимся спать в 2 часа, и я от волнения и массы ожидающих меня хлопот долго не могу заснуть. Вот состав моего отряда с сегодняшнего дня, [представленный табл. 2].

Я думаю над тем, неужто Потапов прав, что у нас много потерявших на-

дежду? Положим, это «внутренние немцы». Таких то и надо выбрасывать.

Бряза. 21.11.[19]16 г[ода]. Вчера, видя, что автомобильные транспорты (ее величества и земский) работают дурно, а шоферы создают разные предлоги (поломка, нет бензина), чтобы улизнуть от дела, я послал князя и велел сказать: если мне к ночи или завтра к утру не вывезут всех раненых, то всех шоферов я перепорю нагайками, а наиболее злостного прикажу расстрелять. Сейчас же принялись за работу: все нашлось и пришло в порядок.

Я призываю командиров полков, знакомя их со своими планами и в конце концов прошу их забыть разговор вчера и проявить полную веру в успех. Если они не послушают, я оставлю за собой право принять все меры, какие найду нужными... до крайних включительно. Поняли и стали веселыми.

Пишу письмо женке, посылаю все карточки и 900 рублей денег. Прощаемся с Сергеем Ивановичем. Я иду с командирами полков в штаб 3-го, куда я вызвал Невадовского, Криштопенко, Полтанова, Лихачева и Стугина. Мы там все обсуждаем. Я вначале читаю мой благодарственный приказ Василию Васильевичу, а затем говорю речь, начиная ее указанием на веру в успех и необходимость настроения, а потом мы подробно обсуждаем план. Гости, по видимому, берут наш бодрый и веселый тон и уезжают.

Я возвращаюсь к началу сумерок и нахожу письмо Сергея Ивановича: «21 ноября. Ваше превосходительство, дорогой начальник и учитель. Уезжая с мест, где наши жизни и интересы шли, переплетаюсь друг с другом, я не могу не [сказать, что] эти одиннадцать недель будут самым лучшим моим воспоминанием. Спасибо Вам за все: за учение, за

расширение военного моего кругозора, за привитие мне принципов огневой тактики, за мое предствление. Дай Вам Бог успеха и да сохранит Вас Господь. Искренне Вам преданный и сердечно любящий Вас Сергей Соллогуб».

Вечером я составляю с Михаилом Александровичем приказы, заносу все в дневник и ложусь спать... Пора, в прошлую ночь я спал не больше 4 часов...

Бряза. 22.11. [19]16 г[ода]. В 10.30 приезжал корпусной командир, с которым мы говорили. Я ему передал мои впечатления от гостей. Фон Нэрике «уходит» по его приказу.

Встав ото сна, я всегда иду к телефонам и беседую поочередно с командирами. Первый вопрос, который я ставлю, [это о том], как люди себя чувствуют, каково их настроение? Задаю его потому, что это важно, потому, что заставляю думать. Второй вопрос: что люди ели и ели ли горячее? Ведь пища — основа всего духовного, телесного и военно-педагогического. Третий и следующие — тактика: о боевой обстановке, состоянии окопов, рекогносцировках и т.п.

Борзяков говорит, что раньше мы вели телефонную войну, что совершенно противно духу огневой тактики.

Сергеев был в юридической академии и теперь командует батальоном. Говорит, что 15.11 был первый раз в огневой обстановке и огорчен тем, что, когда он с ротным командиром Петровым бросился вперед, за ним пошло не больше 20 чел[овек], [остальные] начали подходить потом. Я [разъяснил]: опыт огневой тактики говорит [о том], что об этом нужно оповестить раньше, чтобы люди готовы были видеть впереди своего командира, иначе увидят только ближайшие. [Кроме

Таблица 2

Левый участок. Генерал-майор Снесарев

64-я пех[отная] дивизия	16 бат[альонов]
37-я пех[отная] дивизия (147-й и 148-й полки)	8 бат[альонов]
84-я пех[отная] дивизия (336-й Челябинский полк)	4 бат[альона]
Итого	28 бат[альонов]
37-я арт[иллерийская] бригада (1-й див[изион])	18 оруд[ий]
89-я арт[иллерийская] бригада (2-й див[изион])	18 оруд[ий]
3-й Сиб[ирский] горн[ый] арт[иллерийский] дивиз[ион]	16 оруд[ий]
18-й морт[ирный] арт[иллерийский] дивиз[ион]	8 оруд[ий]
22-й отд[ельный] тяж[елый] арт[иллерийский] дивиз[ион]	7 оруд[ий]
Осовецк[ий] тяж[елый] арт[иллерийский] дивиз[ион]	8 оруд[ий]
Итого	75 орудий
15-й Оренбург[ский] каз[ачий] полк	4 сотни
18-й саперн[ый] батал[ьон] (4-я рота)	1 рота
13-я воздухоплав[ательная] рота	2 станции

того], пример командира потянет за собой лишь имеющих прочное сердце и доступных боевому пафосу; есть другой сорт, для которого нужны другие приемы — окрик, палка, может быть, револьвер, и для посылки которого вперед [командиру] нужно быть позади. Только совокупность двух приемов может послать на движение под огнем максимум людей.

Мой отряд раздувается. Сегодня прибыл в мое распоряжение еще 7-й перед[овой] отряд Красного Креста, бывший в составе 37-й пехотной дивизии.

Бряза. 23.11. [19]16 г[ода]. Сегодня утром выезжал в окопы 4-го и 336-го полков. Утром беседуя с Инютиным (Матвей Васильевич), который прибыл из Черновиз для роли начальника штаба. Он много и долго докладывал командующему армией и начальнику штаба. Описал все: заботливость, подготовку и самый бой со всеми деталями. Командующий армией благодарил меня (в начале и конце своего слова) и командиров Перекопского и Елисаветградского полков.

Поехал в валенках и, переобувшись в сапоги в штабе 3-го полка, пошел к штабу 4-го. Там поговорили с командирами 3, 4 и 5-го и командиром ударного батальона — 4-го. Ник[олай] Филипп[ович] Перекрестов пошел по окопам левого фланга николаевцев и правого челябинцев. Понаблюдал места ударов, поговорил и вернулся к тому же блиндажу. Оттуда с Василием Васильевичем идем к штабу, обуваю валенки и верхом назад. Чувствуется какой-то темный, тяжелый туман, вроде фюга; солнце, пробиваясь сквозь него, дает желтую окраску своим лучам; у Савлаева и у меня головы тяжелы. Что это? Пожар ли недалеко или враги заразили воздух гадо-стью?... С них станется.

В Николаевском полку в ударе идет батальон Перекрестова. Я вижу сегодня четырех ротных командиров сего батальона — безусых мальчиков и, готовясь послать их почти на верную смерть, я внимательно всматриваюсь в их лица, как внимательно рассматривал вчера на панихиде лица пяти елисаветградцев, убитых в бою 15.11... Сегодня всматриваюсь в живых, завтра буду в мертвых всматриваться. И так всюду и везде. Здесь, на боевом поле, шагаем по трупам, бодрим и поощряем на смерть живых, чтобы потом оплакивать мертвых.

Бряза. 24.11. [19]16 г[ода]. В 8 ч утра, надев валенки, тронулся в окопы Самарского (147-го) полка, чтобы выслушать соображения и посоветовать, а также повидать офицеров и поговорить с унтер-офицерами двух ударных батальонов. Чувствую, что я должен буду говорить с чужим полком, т.е. более доказательно и сильно. Со мною едет Борзяков и, как обычно, Савлаев с 5 казаками и дивизионным флагом. Прекрасное свежее утро, в низинах морозный туман, земля покрыта густым инеем.

Приезжаю к штабу 3-го полка, где знакомлюсь со Смирновым (Иван Павлович). Здесь же ошибочно собраны выбранные к награждению великим князем (Георгий Михайлович) по 108 человек от 4-го и 5-го полков. Я пользуюсь случаем и говорю им на две темы: 1) не бояться своего артиллерийского огня и 2) в атаку надо идти быстро и неудержимо, всем и с громким «ура!». Говорю, что я и все офицеры будут с ними. Благодарю за ответ (хорошие глаза), вяжу начальнич[еским] словом и желаю всего хорошего.

Оттуда [тороплюсь] к скале, где между Шепелем (плюс Стугин) и Лихачевым начинаются пререкания. Шепель потрясен «неудачей», боится новой и... жаждет «красивого» дела. Я выслушиваю и говорю: 1) распределение сил вытекает из сложных и глубоких соображений; 2) надо хранить общую идею — работать общими флангами. А спорить не годится: это приказывает настроение. Затем раздаю кресты по общему приему, говорю коротко с унтер-офицерами ударных николаевских батальонов и иду к самарцам.

Подхожу к ним, знакомлюсь с офицерами, здороваюсь, а затем говорю с унтер-офицерами двух ударных батальонов. Говорю на те же темы [арт[иллерийский] огонь и бешеный ход в атаку], но с таким приподнятым настроением, как никогда (весь дрожу); очевидно, внутренний голос подсказывал мне, что я должен этих чужих людей и больше убедить, и сильнее согреть. По глазам видел, что достиг. Говорю с ротными командирами 4-го ударного батальона и ухожу.

Бряза. 25.11. [19]16 г[ода]. В 6 ч ком[андир] корпуса спрашивает: могу ли я атаковать, если возьмут у меня 3 полка? Отвечаю: если в ночь 25—26 возьмут, то 26-го мне не с чем будет атаковать, а если возьмут в ночь 26—27, то не с чем будет удержать завоеванное... В 8 ч: наступление отменяется, но [следует] помочь 26-му корпусу. Приказываю взять «голый пуп», а налево, по долине Валеа-Стыней, продемонстрировать [атаку] двумя ротами.

В эту войну дивизии играют самую крупную роль, как в японскую полки (так думает и Ханжин), поэтому роль начальников дивизий сугубо серьезна и подбор их — великое дело. Это объясняется тем, что дивизия — предельная, устойчивая единица, что полки из-за слабого состава командиров и скоропреходящей истории свелись на роль батальонов (даже рот) старого времени. Был полк, [но он] направлен на удар или попал на добрый огонь и — нет полка. Новые люди, новые ротные командиры, даже новые батальоны [и их] командиры... Единица случайная, условная, быстро умирающая. Значит, навыки, преемственность, тактическая боеспособность сохраняются в теперешней войне только за дивизией, отсюда ее значение и значение ее начальников. А между тем общий тон

последних крайне ненадежен: Жданко (64[-я дивизия]) уже месяца 3—4 — [живой] труп; Гнида (43-я) — старик, не могущий ездить верхом, никогда не бывающий даже в штабах полков; Ваденшерна (37-я) — тупая чухна, тактически неподготовленная, упрямая и бестактная, 5 месяцев не был в окопах, в офицерах Ген[ерального] штаба видит личных врагов, до 6 раз готов был быть оставленным, но спасался пересокком в другую армию; Бачинский (11-я) — нервная баба, со всеми ссорится и окисляет всякий порыв и надежду; Стрелок*** — пушторбех, фантазер и трус, еще может уложить дивизию, но не создаст новой; Козлов (84-я) — совсем ничтожная величина, ничего не смыслящая; Троцкий (65-я) — совсем больной человек; Добrorольский (78-я) — штабной фронт, ничего не разумеющий ни в строю, ни в военном воспитании; и многое множество лиц, совершенно ничего не дающих полкам и даже вредящих фактом своего стояния во главе дивизии. Что они должны делать в современный фазис войны? Только ли управлять, или иногда командовать? Что такое телефон (орудие связи, управления, осведомления, но ни воспитания, ни командования)? Наблюдательный пункт? Каков день начальника дивизии, какая работа на протяжении? О чем он должен спросить, подходя к телефону утром (настроение, пища и обстановка)? Все это вопросы неясные, нетронутые, все работают наугад, а многие и совсем не работают. Стрелок думает, что он тактический расходчик полученной силы, не больше; другие — что они старые помещики, власть имеющие и живущие по настроению или по капризу (Жданко не любил френча, бил солдат, не любил тихих ответов, ругал за громкие...), иные, наконец, ищут и что-то делают ощупью.

Но особенно что недостает начальникам дивизий, это сознания и постоянного проявления мысли, что они также носители идеи самопожертвования, что они также должны в ту или иную минуту жизни дивизии становиться во главе какой-то единицы и идти на смерть... Эта причина — духовная и высокая — многое выясняет, дополняет и освящает.

**Публикация
генерал-майора в отставке
И.С. ДАНИЛЕНКО,
доктора философских наук,
профессора;
капитана 1 ранга
И.А. АНФЕРТЬЕВА
(Москва)**

(Продолжение следует)

*** В предыдущих фрагментах фронтального дневника А.Е. Снесарева этой фамилии придавалось нарицательное значение, поскольку имелся в виду обобщенный образ строевого командира.

ИЗ ИСТОРИИ ОБОРОНЫ ПОРТ-АРТУРА

К 100-летию русско-японской войны 1904–1905 гг.

В 2004 году исполняется 100 лет с начала русско-японской войны 1904—1905 гг., которая явилась важным этапом в истории России, вступившей на рубеже XIX—XX вв. в период развитого капитализма. Война внесла существенный вклад в развитие и совершенствование военного дела, вооружения и организации армий, стратегии и тактики воюющих сторон. Она показала, что в вооруженных конфликтах эпохи империализма решающую роль играют массовые армии, оснащенные современными техническими средствами ведения войны.

Опыт и уроки войны с Японией оказали серьезное влияние на проведение военных реформ 1905—1912 гг. в России. Их внимательно изучали и советские военные стратеги, о чем свидетельствует подготовленный в 1941 году Воениздатом по материалам Центрального военно-исторического архива (ныне Российский государственный военно-исторический архив — РГВИА) капитальный, снабженный многочисленными картами и схемами сборник документов «Русско-японская война 1904—1905 гг.». Однако после завершения Второй мировой войны 1939—1945 гг. и возвращения отторгнутых Японией от России южной части Сахалина и Курильских островов интерес к событиям 1904—1905 гг. на Дальнем Востоке начал стремительно падать. Русско-японская война оказалась как бы в тени революционных событий 1905—1907 гг. и последующего изменения государственного строя в России. Свою роль в забвении этих событий сыграла и инерция массового сознания. Война с Японией с самого начала была крайне непопулярна в российском обществе. К тому же основные боевые действия велись не на российской, а на китайской территории. Да и закончилась эта война для России неудачно.

СТРЕМЯСЬ не допустить превращения русско-японской войны 1904—1905 гг. в забытую войну в истории России, сотрудники РГВИА подготовили к ее 100-летию сборник документов, большинство из которых публикуется впервые. Из всего многообразия событий и богатейшего комплекса материалов по истории войны были отобраны документы, характеризующие 11-месячную (январь—декабрь 1904 г.) героическую оборону крепости Порт-Артур. Она приковала к себе 200-тысячное войско, в котором японское командование крайне нуждалось на главном направлении боевых действий в Маньчжурии, а также основные силы японского военно-морского флота. Потери японцев под Порт-Артуром составили 112 тыс. человек убитыми и ранеными — в 4 раза больше, чем у оборонявшихся. Активный участник обороны крепости военный инженер подполковник С.А. Рашевский справедливо писал в своем дневнике 14 (27) мая 1904 г.: «По-моему, главная цель войны — Артур и Артур. Со

взятием Артура японцы выиграют кампанию наполовину, если не более. Мы лишимся при этом нашего флота, дорогих фортов и батарей... а главное — базы для действий 2-й эскадры; помимо того, с падением Артура, вероятно, европейские их (японцев. — И.К.) друзья, Америка и Англия, станут денежно поддерживать их»¹.

Сборник документов «Из истории русско-японской войны 1904—1905 гг. Порт-Артур» имеет 40 печатных листов и состоит из трех разделов. В первом по документам РГВИА прослеживается история аренды Россией у Китая Ляодунского полуострова, укрепления Порт-Артура и превращения его в основную базу российского Тихоокеанского флота. Хронологические рамки публикуемых материалов — 1895—1903 гг.

Второй раздел посвящен героической обороне Порт-Артура и охватывает период 1904—1905 гг. Материалы РГВИА о действиях гарнизона крепости дополнены здесь документами Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ) о роли

Тихоокеанской эскадры в защите Порт-Артура.

Документы третьего раздела знакомят читателя с реакцией российского общества на сдачу Порт-Артура и поражение страны в войне с Японией (1905—1909 гг.). Здесь же публикуются материалы следствия и суда над главными виновниками падения Порт-Артура.

Сборник проиллюстрирован фотографиями и изобразительными материалами из фондов РГВИА и Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД).

В настоящем номере «Военно-исторического журнала» вниманию читателей предлагается один из документов сборника. Текст передан по современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригинала, снабжен легендой, необходимыми пояснениями и комментариями.

Записка Главного штаба о ходе обороны Порт-Артура за период с 22 апреля по 27 ноября 1904 года

[Не ранее 27 ноября 1904 года]

22 апреля донесено из Бицзыво о появлении у островов Эллиота японских судов с транспортами, и утром того же числа японцы начали высадку у этого пункта и мыса Терминаль.

Высадка

К вечеру японцев высадилось до 10 тыс. и ими были высланы две колонны, каждая силою около полка: одна на запад и другая на юго-запад.

Первый перерыв сообщений

23 апреля пассажирский поезд из Порт-Артура, не доходя 2 версты до ст[анции] Пуландянь, был обстрелян японскою пехотою и означенная станция занята неприятеlem. В крепости приняты окончательные меры по обороне: гарнизон усилен 6 морскими батальонами, десантными орудиями и пулеметами и временно морскими орудиями.

24 апреля японцы очистили станцию Пуландянь и все 25 и часть 26 числа находились вблизи железной дороги, где имели незначительные столкновения с нашими разведочными отрядами, а 26 апреля настолько отошли от железной дороги, что удалось ис-

править путь до станции Саншилипу и провести в Артур поезд с боевыми припасами.

Второй и окончательный перерыв сообщений

28 апреля японцы вновь, и на этот раз уже окончательно, заняли станцию Пуландянь, хотя всю линию Пуландянь — Бицзыво продолжали занимать слабо. Флот противника поддерживал блокаду, но активных действий не предпринимал.

1 мая японцы сделали попытку высадиться в бухте Керр, но были отбиты, а один из небольших неприятельских крейсеров при этом был затоплен нашей миной.

2 мая японцы силою до 2 дивизий появились у ст[анции] Саншилипу, и высланный для их задержания наш отряд отошел к Цзиньчжоу. У Бицзыво японцы действительно продолжали высадку, а у Порт-Артура непрерывно пытались заградить вход на рейд минами, но последние вылавливались нашими судами.

Бой на Цзиньчжоуской позиции

В 7 ч вечера 13 мая после упорного двухдневного боя у г[орода] Цзиньчжоу и на Цзиньчжоуской позиции войска наши по приказанию генерала Стесселя отошли в полном порядке по направлению к Порт-Артуру². Силы наши, оставшиеся для обороны крепости и уже изолированные от подкреплений извне, составили 30 бат[альонов], 1 сотню, 62 орудия, 2 инж[енерные] роты и 3 креп[остных] артиллерийских батальона, не считая морских команд общему численно-

стью до 5 тыс., 100 орудий с судов, дружины охотников и мелких команд и роты пограничной стражи, отошедших с железной дороги.

26 мая после медленного и осторожного движения, сопровождаемого непрерывным укреплением занятого пространства, японцы дошли до линии Инченцзы — Сяобиндао. Кроме незначительных дел с охотниками 31 мая и 1 июня, столкновений не было, и до 9 июня японцы, сохраняя выжидательное положение, оставались на той же линии. Наши войска продолжали занимать передовые позиции от Суанцайгоу к Лунвантаню.

Борьба за дальние передовые позиции

9 июня японцы сделали и попытку наступать одним батальоном на гору Уайцейлазу, но [были] отбиты.

С 11 июня японцы проявили усиленную деятельность по всему фронту и снова пытались овладеть Уайцейлазой, но были опрокинуты, и наши войска заняли даже д[еревню] Бейхогоу.

13 июня с 4 ч утра японцы после артиллерийской подготовки с судов повели большими силами атаку на ту же гору и принудили очистить ее и отойти на главную позицию у Лунвантаня. Вновь произведенные противником атаки решительными силами на гору Хунсан, первоначально отбитые, принудили, наконец, очистить и эту гору, и наши передовые позиции протянулись по линии: с[еление] Суанцайгоу — Шининцзы и Лунвантань.

20 и 21 июня части 4-й и 7-й стр[елковых] дивизий вели бои за

обладание передовыми позициями у Лунвантаня, причем противник 20 июня был выбит, 21-го пытался вернуть позицию, но благодаря содействию крейсера «Новик»³, канонерок и миноносцев был отбит.

К 22 июня в крепости закончено укрепление, вооружение и устройство закрытий на Угловой горе, высоте 99 и горе Дагушань.

23 июня нашими войсками захвачена передовая гора, обеспечивающая обладание Лунвантанским перевалом. Непрерывная высадка японцами в Дальнем подкреплений продолжалась.

26 июня японцы окончательно приостановили движение и, сильно укрепившись на занятых позициях, до 13 июля ограничивались лишь непрерывными перестрелками с нашими войсками на Зеленых горах и у деревни Юпилаза.

13 июля японцы численностью до 70 тыс. под покровительством более 100 полевых орудий, некоторого числа крепостных и до 40 гаубиц повели атаку на передовые позиции Лунвантань-Юпилаза.

13, 14 и 15 июля все атаки японцев отбиты с громадными у них потерями.

15 июля на рассвете ввиду нового усиления японской артиллерии против нашего левого фланга наши войска отошли на Волчьи горы.

17 июля японцы численностью в 5 дивизий повели атаку на Волчьи горы, обороняемые лишь 4-й стр[елковой] дивизией. Генерал Стессель ввиду огромного превосходства в силах отвел часть войск, не ввязываясь в бой, в кре-

ХРОНОГРАФ

1 июня 1931 года в г. Иваново создан опытный авиаотряд на базе самолетов ТБ-6 и Р-5, чем положено начало отечественной военно-транспортной авиации.

4 июня 1919 года в Копорском заливе эсминцами «Гавриил» и «Азард» потоплена английская подводная лодка L-55, ставшая первой подводной лодкой, потопленной советскими кораблями.

6 июня 1749 года родился О.М. Дерибас, активный участник русско-турецких войн 1769—1774 гг. и 1787—1791 гг., командующий русской гребной флотилией при штурме Измаила, руководитель строительства военного и торгового порта в Хаджибее (Одесса).

6 июня 1779 года в Херсоне произведена закладка 66-пушечного корабля «Слава Екатерине», головного корабля в первой серии линейных кораблей Черноморского флота.

9 июня 1942 года 8-я армия, сформированная в октябре 1939 года в Ленинградском военном округе на базе Новгородской армейской оперативной группы и действовавшая с начала войны в составе Северо-Западного, затем Северного и Ленинградского фронтов, была переподчинена командующему Волховским фронтом и в конце августа во взаимодействии с войсками 2-й ударной армии начала наступательные действия на синявинском направлении, пытаясь прорвать блокаду Ленинграда.

10 июня 1807 года во время войны с Францией 1806—1807 гг. у Гейльсберга (Восточная Пруссия) состоялось сражение между 85-тысячной русской армией под командованием Л.Л. Беннигсена и 115-тысячной армией Наполеона. Решающая победа не досталась никому. Беннигсен организо-

ванно отступил, потеряв около 10 тыс. человек, но и французам был причинен почти такой же урон (около 8000 человек). После битвы маршал Ланн сказал Наполеону: «Русские сражаются все лучше и лучше». «Да, — согласился тот, — мы даем им уроки и, возможно, они станут нашими учителями».

10 июня 1940 года в ходе Второй мировой войны Италия вступила в войну с Великобританией и Францией. В августе итальянские войска захватили Британское Сомали, часть Кении и Судана, в середине сентября вторглись из Ливии в Египет, стремясь пробиться к Суэцу, однако вскоре были остановлены, а в декабре разбиты английскими войсками.

В июне 1943 года по постановлению ГКО Войска ПВО страны были разделены на два фронта — Восточный и Западный с границей между ними по линии Мезень, Архангельск, Шуя, Армавир, Кисловодск, Сочи. Главная задача Восточного фронта ПВО состояла в противовоздушной обороне важнейших объектов на Урале, Волге, Кавказе и в Закавказье. В состав фронта вошли: Закавказская зона ПВО, 7 корпусных и дивизионных районов ПВО, 8 соединений истребительной авиации. Войска Восточного фронта ПВО имели 447 истребителей, 3259 зенитных орудий, 1814 зенитных пулеметов, 1142 зенитных прожектора и 491 аэростат заграждения. Западный фронт ПВО, образованный 29 июня 1943 года, включил в себя Особую Московскую армию ПВО, 1-ю воздушную истребительную армию, 11 корпусных и дивизионных районов ПВО и 10 отдельных соединений истребительной авиации. На 1 июля 1943 года в составе фронта имелось свыше 1000 боевых экипажей истребительной авиации, около 4200 зенитных орудий и 2300 зенитных пулеметов, около 1600 зенитных прожекторов и 1800 аэростатов заграждения. Войска фронта осуществляли противовоздушную оборону крупных административно-политических и промыш-

Все даты приведены по новому стилю.

пость, а другую часть — на новые передовые позиции: от бухты Луизы, через Угловую гору, Панлуншань, Сюйшиинь, Дагушань, Тахе. Преследование японцев остановлено метким огнем артиллерии.

26 июля с утра японцы вели сильную бомбардировку, а в ночь на 27 июля огромными силами атаковали Дагушань и Сяогушань и выбили наши 5 рот, но далее не двинулись.

Период штурмов и бомбардирований и борьба за ближние передовые позиции

В ночь на 28 июля японцы повели главную атаку на восточный фронт, одновременно наступая по всему фронту от Волчьих гор до Дагушаня, но были повсюду отбиты.

28 июля эскадра вышла из Порт-Артура в море с целью прорываться и в тот же день после неудачи вернулась в уменьшенном составе².

Штурмы северо-зап[адных] передов[ых] позиций и северного фронта

В ночь на 1 августа японцы начинают штурм Угловых гор и предгорий Панлуншаня и сначала утверждают на них, но затем были выбиты огнем.

3 августа предложено сдать крепость.

6 августа с утра начинается новый штурм Угловой горы и сильная бомбардировка укреплений северного и восточного фронтов, продолжавшиеся все 7 и 8 августа. Наши передовые позиции очень пострадали. Японцы, хотя и

ворвались 8 августа в Куропаткинский люнет⁵, но были выбиты.

Штурмы северного и северо-восточного фронтов

9 августа японцы повели решительную атаку на северный и северо-восточный фронты, продолжавшуюся до 1 часу дня, сильно повредили огнем форт № 1, но атака была отбита. К вечеру того же дня атаки возобновились, и редуты⁶ № 1 и 2 переходили неоднократно из рук в руки, но остались за нами. Ввиду полного уничтожения редутов огнем наши войска оставили их, но японцы занять не решились.

С 10 августа бомбардирования стали менее интенсивными и были прерываемы.

Действия на флангах

В ночь на 4 августа в сильнейшую грозу японцы пытались атаковать наши позиции на левом фланге, а также форт № 2 и горы Удянчань на правом фланге, но отбиты повсюду.

В ночь на 20 августа японцы повели атаку на Высокую и Длинную горы и укрепление № 4, но огнем и самовзрывными фугасами были отбиты. Укрепление японцами позиций и непрерывное бомбардирование продолжались.

3 сентября ночью японцы делают двукратную, но неудачную попытку взять Водопроводный редут. Минные галереи, веденные нами против занятых японцами редутов № 1 и 2, подведены очень близко.

Штурмы северного и западного фронтов

С 6 сентября и до 5 ч дня 10 сен-

тября японцы производили усиленную бомбардировку и непрерывно штурмовали северный и западный фронты крепости и передовые полевые укрепления, но были отбиты. Редуты Водопроводный и Кумирненский, как совершенно разрушенные бризантными бомбами, были нами очищены. Водопровод разрушен бомбардировкой. Японцы прекратили штурмы и энергично повели подступы.

18 сентября на осадных батареях японцами установлены 11-дюймовые мортиры и огонь сосредоточен на промежутках между фортами № 2 и 3, где пробиты бетонные своды. Внутренность крепости стала поражаться сильнее, равно как и суда эскадры.

Действия на нашем правом фланге

18 же сентября японцы пытались подойти глубокими ходами сообщения к форту № 2, но отбиты огнем. В тот же день противник от Сяогушаня овладел Сигнальной горою, но 22 сентября выбит оттуда.

К 24 сентября подступы японцев подошли весьма близко к фортам № 2 и 3. Недосток снарядов в крепости стал чувствителен, мяса уже не было, и оно заменено консервами и кониной. Появились заболевания тифом, а случаи цинги и дизентерии участились.

К 1 октября подступы японцев дошли до рва форта № 2 и гласиса⁷ укрепления № 3. Бомбардировка 11-дюймовыми бомбами направлена на те же укрепления, внутренность крепости с бассей-

ленных центров, войск фронтов и объектов прифронтовой зоны, различных коммуникаций. 29 марта 1944 года на базе этих двух фронтов ПВО и Закавказской зоны ПВО были созданы три фронта ПВО: Северный, Южный и Закавказский.

10 июня 1944 года началась Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция войск правого крыла Ленинградского и левого крыла Карельского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом, Ладожской и Онежской военными флотилиями как завершающая операция Ленинградской битвы 1941—1944 гг. Цель — разгром финской армии на Карельском и Онежско-Ладожском перешейках и вывод Финляндии из войны. На Карельском и Онежско-Ладожском перешейках оборонялись основные силы финской армии в составе 15 дивизий, 8 пехотных и 1 кавалерийской бригад (всего 268 тыс. человек, 1930 орудий и минометов, 110 танков и штурмовых орудий, 248 самолетов). В восточной части Финского залива, на Ладожском и Онежском озерах противник имел 204 корабля и катера и около 100 самолетов морской авиации. Войска правого крыла Ленинградского фронта (генерал армии, с 18 июня Маршал Советского Союза Л. А. Говоров) и левого крыла Карельского фронта (генерал армии, с 18 июня Маршал Советского Союза К. А. Мерецков) имели 41 дивизию, 5 бригад, 4 УР (около 450 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, свыше 800 танков и САУ, 1547 самолетов). Из состава Балтийского флота (адмирал В. Ф. Трибуц), Ладожской (контр-адмирал В. С. Чероков) и Онежской (капитан 1 ранга Н. В. Антонов) военных флотилий для участия в операции было выделено до 300 кораблей, катеров и вспомогательных судов, а также 500 самолетов. Все эти силы были нацелены на то, чтобы разгромить противника, овладеть Выборгом, Петрозаводском и выйти на рубеж Тикшеозеро, Сортавала, Котка. В результате Выборг-

ско-Петрозаводской операции, закончившейся 9 августа, советские войска нанесли финской армии крупное поражение, освободили северную часть Ленинградской области и большую часть Карело-Финской ССР, что создало предпосылки для освобождения советского Заполярья и ускорило вывод Финляндии из войны на стороне фашистской Германии.

Частью этой операции стала Выборгская наступательная операция войск правого крыла Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом и Ладожской военной флотилией, проводившаяся 10—20 июня 1944 года. Цель — разгром группировки финских войск на Карельском перешейке и восстановление там государственной границы с Финляндией. К 10 июня 1944 войска правого крыла Ленинградского фронта в составе 21-й и 23-й общевойсковых и 13-й воздушной армии (всего около 260 тыс. человек, 5,5 тыс. орудий и минометов, 881 реактивная установка, 628 танков и САУ, свыше 700 самолетов) занимали рубеж Сестрорецк, Лемболово, Ладожское озеро (севернее Верхние Никулясы). Им противостояли 3-й и 4-й финские армейские корпуса, объединенные с 15 июня в оперативную группу «Карельский перешеек» (всего 5 пехотных и 1 танковая дивизия, 1 пехотная и 1 кавалерийская бригады, отдельные части; 100 тыс. человек, 960 орудий и минометов, 110 танков, свыше 200 самолетов). Противник создал мощную оборону (глубиной до 120 км), состоявшую из 3 полос и выборгских оборонительных обводов, опирающихся на труднодоступные естественные рубежи. Замыслом советского командования предусматривалось нанести главный удар в направлении на Выборг силами 21-й армии (генерал-лейтенант Д. Н. Гусев) и вспомогательный удар в направлении на Валкярви силами 23-й армии (генерал-лейтенант А. И. Черепанов). 10 июня войска 21-й армии при поддержке Балтийского флота перешли в наступление, прорвали 1-ю полосу

нами и эскадру. Гарнизон по ночам производил энергичные вылазки.

Штурмы северо-восточного фронта

4 октября, усилив бомбардирование на том же участке и сильно повредив укрепления, японцы повели штурм на форт № 3 и укрепление № 3, но отбиты огнем, удержав лишь переднюю часть капонира № 3 к востоку и вблизи форта № 3.

12 октября — усиленное бомбардирование фортов № 2 и 3, укрепления № 3, Курганной и Зубчатой батарей.

13 октября штурм укрепления № 3 и форта № 3 отбит шрапнелью.

14 октября — новое сильное бомбардирование. На форте № 2 взрывом камуфлета нами уничтожен японский булевой колодец⁸; в ночь на 15 японцы повредили капониры⁹ фортов № 2 и 3, но были выбиты.

15 октября новым сильным бомбардированием значительно повреждены капониры фортов № 2 и 3 и по приказанию ген[ерала] Стесселя форты минированы для взрыва. Крейсер «Забяка»¹⁰ затоплен 11-дюймовой бомбой.

С 7 по 14 ноября японцы с все возрастающей настойчивостью и упорством атаковали форты № 2 и 3, неоднократно взбирались на бруствер¹¹, но каждый раз были выбиваемы.

С 14 по 17 ноября после жестокого бомбардирования японцы непрерывно штурмовали Высокую гору, но повсюду были отбиты.

Взятие северо-западных передовых позиций

22 ноября, стянув значительные силы, японцы вновь подвергли Высокую гору сильной бомбардировке, причем все блиндажи были разбиты, а брустверы и окопы сровнены с землей. Тем не менее три штурма были отбиты, и лишь к вечеру гарнизон уступил вершину горы и занял на западном фронте основную линию обороны. Положение гарнизона весьма тяжелое, так как люди сильно утомлены, снаряды на исходе и продовольствие уменьшено.

К 27 ноября все суда, стоявшие в бассейне, затоплены 11-дюймовыми бомбами. Броненосец «Севастополь» был поставлен у Белого Волка под прикрытием миноносцев, минных крейсеров, бонов с сетями и сетей. В течение трех ночей подряд японцы производили на броненосец минные атаки, и он, хотя и получил от взрывов трещины, но до 25 ноября отлично держался на воде¹².

Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 27902. Л. 65—68. Печат. экз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исторический архив. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 117.

² Поражение под Цзиньчжоу явилось результатом как подавляющего превосходства японских войск в живой силе (9 раз) и технике (по артиллерии и пулеметам в 4—5 раз),

так и неправильных действий российского командования. 12 (25) мая 1904 г., накануне атаки японцами Цзиньчжоуского перешейка, начальник Квантунского укрепленного района генерал-лейтенант А.М. Стессель получил от командующего Маньчжурской армией бывшего военного министра генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина следующую телеграмму: «Самое главное — это своевременно отвести войска генерала Фока в состав гарнизона Порт-Артура. Мне представляется желательным вовремя снять и увести с цзиньчжоуской позиции на поезде орудия. Иначе [у японцев] будут новые трофеи... Впечатление произведет это крайне тяжелое». Начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор (впоследствии генерал-лейтенант) А.В. Фок, не считая нужным оборонять перешеек, устранился от управления боем. В результате защищавший Цзиньчжоу 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, не получив должной поддержки, вынужден был оставить позицию и отступить. Потери российской стороны составили 28 офицеров и 1375 солдат убитыми и ранеными, японской — в 3 раза больше (133 офицера и 4071 солдат) (Русско-японская война 1904—1905 гг. СПб., 1910. Т. 8. Ч. 1. С. 162, 289; История русско-японской войны 1904—1905 гг. М.: Наука, 1977. С. 170—171).

³ «Новик» — крейсер 2 ранга военно-морского флота России. Построен в 1900 г. в Германии. Водоизмещение — 3080 т, скорость — 25 узлов, вооружение — шесть 120-мм орудий, 10 мелких пушек и 5 надводных минных аппаратов. С начала русско-

ХРОНОГРАФ

обороны противника и форсировали р. Сестру. 11 июня начала наступление 23-я армия. Преодолев упорное сопротивление противника, войска фронта 17 июня к исходу дня прорвали 2-ю полосу его обороны. Финское командование перебросило на Карельский перешеек 2 пехотные дивизии и 5-й армейский корпус, туда же были переброшены немецко-фашистская дивизия, бригада штурмовых орудий и авиаэскадрилья. Однако гитлеровцам не удалось остановить наступление советских войск. 19 июня соединения 21-й армии прорвали 3-ю полосу вражеской обороны, Выборгские оборонительные обводы и 20 июня овладели Выборгом.

Одновременно 23-я армия при содействии Ладожской военной флотилии вышла к оборонительному рубежу противника, проходившему вдоль озер Вуоксинской системы. В дальнейшем войска 21-й армии продвинулись северо-западнее Выборга на 10—12 км, а 23-я армия форсировала р. Вуоксу и захватила плацдарм на ее северном берегу. Часть войск 59-й армии, переброшенная на Карельский перешеек из района Чудского озера, во взаимодействии с Балтийским флотом овладели 15 островами Выборгского залива. С 12 июля советские войска перешли к обороне на достигнутых рубежах. В результате Выборгской операции советские войска разгромили крупную группировку финских войск, освободили северную часть Ленинградской области, обеспечили полную безопасность Ленинграда. Были созданы благоприятные условия для проведения начавшейся 21 июня Свирско-Петрозаводской операции 1944 года. 48 соединений и частей, особо отличившихся в боях, получили почетные наименования «Выборгские» и «Ленинградские». 27 воинов удостоены звания Героя Советского Союза.

12 июня 1999 года во время Косовского конфликта с целью защиты сербского населения колонна российских войск численностью 200 человек совершила 500-километровый рейд из Боснии, вошла в Косово (Приштина) и заняла аэропорт.

14—15 июня 1904 года в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. при Вафангоу (станция Китайско-Восточной железной дороги) произошел бой между 1-м Восточно-Сибирским корпусом (генерал И.И. Штакельберг) и 2-й японской армией (генерал Оку), закончившийся неудачей для русских войск. Корпус Штакельберга (32 батальона, 98 орудий) был направлен для оказания помощи Порт-Артуру. Японцы имели значительное превосходство (48 батальонов, 216 орудий). Потери русских составили 3500 человек, противника — 1200. Боясь полного окружения и еще больших потерь, Штакельберг отступил на север.

15 июня 1877 года во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказском театре военных действий при Аравартане 18-й Северский драгунский полк в ходе отважной кавалерийской атаки нанес сокрушительное поражение отборным турецким войскам, действия которых прикрывал артиллерийский огонь 50 орудий.

16 июня 1894 года родился Ф.И. Толбухин, Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1965, посмертно). Награжден орденом «Победа». Умер 17 октября 1949 года.

18 июня 1904 года родился И.Т. Пересыпкин, маршал войск связи (1944), начальник войск связи Советской армии (1941—1956 гг.). Умер 12 октября 1978 г.

21 июня — 1 июля 1944 года состоялась высадка силами Краснознаменного Балтийского флота десантов на острова Бьерского архипелага.

22 июня 1939 года постановлением СНК СССР и ЦК

японской войны 1904—1905 гг. входил в состав Тихоокеанской эскадры, с которой осуществил 28 июля 1904 года прорыв из Порт-Артура. После боя 7 августа 1904 г. с кораблями японского флота затоплен командой на мелководье у Корсаковского поста (о. Сахалин) (Военные флоты и морская справочная книжка на 1904 г. СПб., 1904. С. 252—253; Сулига С.В. Корабли русско-японской войны 1904—1905 гг. М.: «Аскольд», 1993. С. 21—22).

⁴ 28 июля (10 августа) 1904 г. Тихоокеанская эскадра в составе 18 вымпелов (6 броненосцев, 4 крейсера, 8 миноносцев) и госпитального судна «Монголия» предприняла вторую попытку прорыва из Порт-Артура. Командующий японским флотом вице-адмирал К. Того с 4 броненосцами и 2 крейсерами пытался преградить ей путь, но получил отпор. Дождавшись подкреплений, японцы, имея превосходство в скорости, в 16 ч 30 мин догнали российскую эскадру и с дистанции 35 кабельтовых снова открыли огонь. Сражение продолжалось на параллельных курсах. Японцы стреляли в основном по флагманским броненосцам «Цесаревич» и «Пересвет», русские — по броненосцу «Микаса», на котором держал свой флаг адмирал Того. В течение часа ни та, ни другая сторона не могли добиться успеха. Однако после гибели контр-адмирала В.К. Витгефта и тяжелых повреждений броненосца «Цесаревич» строй Тихоокеанской эскадры смешался. Большинство командиров кораблей, считая, что с полученными повреждениями до Владивостока не дойти, повернули обратно. В Порт-Артур к утру следующе-

го дня прибыли 5 броненосцев, 4 миноносца, крейсер и плавучий госпиталь «Монголия». Семь кораблей, имея повреждения, зашли в нейтральные порты, где были интернированы. К российским берегам прорвался лишь крейсер «Новик» (История русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 191—197).

⁵ Люнет — открытое полевое укрепление с одним или двумя фасадами и двумя фланками.

⁶ Редут — сомкнутое полевое фортификационное сооружение в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника, подготовленное к самостоятельной обороне. Редуты являлись опорными пунктами в системе укрепленных позиций.

⁷ Гласис — насыпь впереди наружного рва укрепления.

⁸ Имеется в виду взрыв 14 (27) октября 1904 г. минной галереи, проложенной японскими саперами к форту № 2.

⁹ Капонир — фортификационное сооружение для ведения флангового огня в двух противоположных направлениях (полукапонир — в одном направлении); может быть пулеметным и орудийным. До XIX в. возводились в крепостях для продолжного обстрела рвов во время штурма противником.

¹⁰ «Забияка» — один из старых крейсеров российского военно-морского флота. Относился ко 2 рангу. Построен в 1878 г. на верфи Крампа в Филадельфии (США). Скорость — 15 узлов в час, водоизмещение — 1230 т. Потоплен на рейде Порт-Артура 15 октября 1904 г.

¹¹ Бруствер — насыпь в фортификационных сооружениях, предназначенная для защиты от прицель-

ных выстрелов противника, укрытия от наблюдения.

¹² С захватом 22 ноября (5 декабря) 1904 г. Высокой горы японские войска получили возможность прямого обстрела акватории Порт-Артура. Первыми же 11-дочными снарядами был потоплен броненосец «Полтава». 23 ноября (6 декабря) погибли броненосцы «Ретвизан» и «Пересвет», 24 ноября (7 декабря) — броненосец «Победа» и крейсер «Паллада». 25 ноября (8 декабря) сильно повреждены транспорт «Амур» и крейсер «Баян», который 26 ноября (9 декабря) был затоплен. Неповрежденными остались только броненосец «Севастополь», канонерская лодка «Отважный», 7 миноносцев и пароход «Силач». Командир «Севастополя» капитан 1 ранга Н.О. Эссен в ночь на 26 ноября (9 декабря) вышел с внутреннего рейда в бухту Белый Волк, намереваясь прорвать японскую блокаду и уйти в открытое море. Однако это было запрещено командующим эскадрой контр-адмиралом Р.Н. Виреном, считавшим всякую попытку прорыва из Порт-Артура при подавляющем превосходстве японского флота бессмысленной. Японцы в течение 6 дней до 2 (15) декабря 1904 года подвергали «Севастополь» минным атакам, потеряв при этом 2 миноносца; 9 японских миноносцев и 2 катера получили повреждения. Однако «Севастополь» не был уничтожен и до конца обороны поддерживал защитников сухопутных позиций перекидным огнем (История русско-японской войны 1904—1905 гг. С. 242—243).

*Публикация И.В. КАРПЕЕВА,
кандидата исторических наук
(Москва)*

ВКП(б) установлен День Военно-Морского Флота. Ныне отмечается ежегодно в последнее воскресенье июля.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война.

22—27 июня 1944 года проводилась Тулоксинская десантная операция Ладожской военной флотилии.

23 июня 1943 года по решению ГКО в Москве в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького открылась большая выставка трофейного вооружения, включавшая 6 отделов крупногабаритной техники, расположенных на набережной Москвы-реки, и 2 павильона (разделы: бронетанковый, авиационный, автомобильный, стрелковый, артиллерийский, интендантский, химический, связи). Были представлены образцы новейшей боевой техники Германии. К 9 мая 1945 года были выставлены тяжелые танки «Королевский тигр», самоходная установка «Ягдпантера», 88-мм реактивный миномет «Пупхен», противотанковое реактивное ружье «Оффенрор», 100-мм реактивный гранатомет «Игла Салаша», орудия пыток из лагерей смерти — кандалы, плетки, дубинки, газ «циклон» в банках, с помощью которого гитлеровцы отравили тысячи людей в лагере смерти Майданек. После разгрома милитаристской Японии прибыли новые трофеи из Маньчжурии и Кореи. К завершению работы выставки (1948) насчитывалось около 7000 экспонатов, в том числе 38 самолетов различных типов, 25 типов танков, 18 типов САУ, свыше 150 образцов артиллерийского вооружения, 160 образцов стрелкового оружия. Подобные выставки организовывались также в Киеве, Львове, Ленинграде (в Доме Красной армии). Первая же выставка трофейного вооружения была открыта 25 июля 1941 года в мурманском Доме культуры имени С.М. Кирова.

23 июня 1944 года началась Белорусская стратегическая наступательная операция, в ходе которой Днепровская

военная флотилия активно содействовала наступлению войск 1-го Белорусского фронта.

25 июня 1904 года родился В.К. Коккинаки, заслуженный летчик-испытатель, генерал-майор авиации (1943), дважды Герой Советского Союза (1938, 1957), лауреат Ленинской премии (1960), с декабря 1968 года почетный президент Международной авиационной федерации (ФАИ). Умер 7 января 1985 года.

29 июня 1914 года состоялся рекордный перелет самолета «Илья Муромец» Петербург—Копьсь—Киев с установлением четырех мировых рекордов дальности с 2 и 3 пассажирами; экипаж И.И. Сикорского.

30 июня 1804 года в Петербурге впервые в мире был осуществлен полет на воздушном шаре в научных целях. Академик Я.Д. Захаров совершил полет для исследования атмосферы, продолжавшийся 3 ч 45 мин. Достигнутая высота составила 2550 м. Все оборудование для полета было подготовлено в лабораториях Петербургской академии наук. Я.Д. Захаров успешно применил в своем полете прибор, названный им пугеуказателем и показывающий все изменения направления полета шара. Кроме того, Захаров впервые использовал особый канат, который применялся при полетах на свободных аэростатах и дирижаблях для торможения и мягкого спуска на землю. Полет Захарова вызвал подражание в других странах. Этим было положено начало применения в метеоисследованиях шаров-пилотов и в военном деле (ведение воздушной разведки и корректирование огня артиллерии).

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ и А.В. ОСТРОВСКИМ
(Москва)*

«ГЛАВНЫЕ БИБЛИОТЕКИ ЧУВАШИИ УЖЕ НЕ ВЫПИСЫВАЮТ ВИЖ...»

СЕРДЕЧНО, по-братски и по-боевому хочу поблагодарить коллектив «Военно-исторического журнала» за труд. Я ваш давний читатель и подписчик (правда, случались и перерывы в общении с таким прекрасным изданием по независящим ни от вас, ни от меня причинам) и поэтому хочу сообщить о большой пользе, которую получают наши краеведы от журнальных публикаций. Нравятся они и моим соседям как по городской квартире, так и дому в деревне, где я прожил 12 лет. Словом, распространяю полюбившееся мне издание где только можно, поскольку оно заслуживает более широкой известности и популярности. И печально, что главные библиотеки Чувашии уже не выписывают ВИЖ, как это было раньше.

Сейчас мне 79 лет. Осенью 1943 года я потерял здоровье во время боевых действий при форсировании грязного холодного Сиваша: после контузии стал плохо слышать и дышать, в голове царят шумы, болят руки и ноги. Дожил до 2004 года потому, скажу откровенно и без преувеличений, что меня звали к жизни мужественные образы солдат Петра Великого, Суворова, Кутузова, героев Шипки, Севастополя, Порт-Артура, Цусимы, Хасана, Халхин-Гола, Великой Отечественной войны, партизанского движения и движения Сопротивления. О защитниках нашего Отечества я мог читать на страницах моего любимого журнала, черпая из его публикаций не только полезную и интересную информацию, но и силы, и творческое вдохновение. В настоящее время из различных описаний и исследований военных событий я составляю краткие тематические сборники: наши земляки — солдаты России до 1918 года; воины-чуваши в Испании, Китае, участвовавшие в событиях на озере Хасан и реке Халхин-Гол, в освободительном походе 1939—1940 гг. в Западную Украину, в советско-финляндской войне; наши земляки в решающих битвах Великой Отечественной войны, во время различных военных конфликтов.

Именно по этой тематике те, кому я передаю номера «Военно-исторического журнала» для прочтения, чаще всего высказывают желание видеть соответствующие публикации по мере возможности и в вашем издании. В частности, советуют при упоминании армий, корпусов и дивизий называть номера полков, надеясь связать их судьбу с боевым прошлым своих близких (например, в похоронках указывался именно номер полка, а не дивизии).

В.М. БУРМИСТРОВ,
инвалид Великой Отечественной войны, краевед
(г. Чебоксары)

«В МОНГОЛИИ ПРИОБРЕСТИ ХОРОШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ИЗДАННУЮ В РОССИИ, ОЧЕНЬ СЛОЖНО»

Здравствуй, уважаемые господа!

Я ПОТОМОК старого русского рода, который после Октябрьского переворота 1917 года вынужден был покинуть Родину. По профессии я востоковед. С детства интересуюсь историей русской армии до 1917 года. Решил поучаствовать в конкурсе «Молодежного военно-исторического журнала». К сожалению, в Монголию российская периодика приходит с опозданием, поэтому первый номер «Военно-исторического журнала» за 2004 год я получил только 5 марта. С детства собираю военно-историческую библиотеку. Ваш журнал выписываю три года. Но здесь, в Монголии, приобрести хорошую историческую литературу, изданную в России, очень сложно. Удастся подписаться на периодические издания, но это довольно дорогое удовольствие.

Хотелось бы поблагодарить весь коллектив ВИЖа за его нелегкую работу в благородном деле пропаганды славных страниц истории русского оружия и пожелать удачи во всех начинаниях. Разрешите обратиться с небольшой просьбой. Не могли бы вы сообщить мне почтовый адрес российских журналов «Бомбардир», «Клио», «История Петербурга» и других периодических изданий, основной тематикой которых является также история (военная история) дореволюционной России.

Заранее благодарю!
С уважением,

С.Л. ЧУРАКОВ
(г. Улан-Батор, Монголия)

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии 1942—1971 / Пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2003. 425 с., ил.

Савич И. На острие тайной войны. Страницы истории зарубежных спецслужб. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 380 с.

Бунич И.Л. Корсары кайзера. СПб.: Невы, 2003. 378 с., ил.

Сто великих наград / Авт.-сост. Н.А. Ионина. М.: Вече, 2003. 429 с., ил.

Агава Х. Адмирал Ямато. Путь самурая, разгромившего Перл-Харбор 1921—1943. М.: Центрполиграф, 2003. 428 с., ил.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 2001. 359 с., ил.

Джоуэнт Ф. Итальянская армия 1940—1943. Африканский театр военных действий / Пер. с англ. М.: АСТ, Астрель, 2003. 63 с., ил.

Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха 1941—1945 / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002. 490 с., ил.

Даян М., Тевет Ш. Арабо-израильские войны 1957, 1967 / Пер. с англ. М.: Издательство «Эксмо», 2003. 491 с., ил.

Кремлев С. Россия и Германия, стравить! От Версаля Вильгельма к Версало Вильсона. Новый взгляд на старую войну. М.: АСТ, Астрель, 2003. 317 с., ил.

Мартин К. Русско-японская война 1904—1905 / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 218 с., ил.

Регулярная армия России. История создания и становления / Сост. Ю.А. Алексеев, И.И. Басик, В.Д. Овчинников. Ин-т воен. истории МО РФ. М.: Церера, 2002. 351 с., ил.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М.: Эксмо, Алгоритм, 2002. 350 с.

Дерябин А.И. Гражданская война в России 1917—1922. Красная Армия. М.: АСТ, Астрель, 2003. 43 с., ил.

Марковчин В.В. Три атамана. М.: Издат. дом «Звонница», 2003. 335 с., ил.

Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! М.: Алгоритм, 2003. 653 с.

Русский архив. Великая Отечественная. Немецкие военнопленные в СССР 1941—1945 гг.: Сб. документов и материалов. Кн. 2. Т. 24 (13 - 3) / Авт.-сост. В.Н. Вартанов и др. М.: ТЕРРА — Кн. клуб, 2002. 510 с., ил.

История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 / Под ред. Б.Т. Шумилина. М.: Атлантида — XX век; ИздАТ, 2001. 229 с., ил.

Сokolov Б.В. Берия: судьба вселикого наркома. М.: Вече, 2003. 431 с., ил.

Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 6: Балтийский флот в воспоминаниях ветеранов / Сост. Б.П. Нечитайло и др. Калининград: Янтар. сказ, 2003. 218 с., ил.

Государственная оборона России. Императивы русской военной классики / Сост. А.Е. Савинкин, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов. М.: Воен. ун-т; Рус. путь, 2002. 636 с.

Материал подготовлен при информационной поддержке ежемесячного информационного бюллетеня «Новая военная литература» (приложение к «Вестнику военной информации»).

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА РОССИИ в войне с Японией в 1904–1905 гг.

Конец XIX и начало XX столетия ознаменовались резким обострением российско-японских отношений. Япония стремилась лишить Россию выхода к Тихому океану, захватить остров Сахалин и весь Дальний Восток. 24 января (6 февраля) 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а в ночь на 27 января (9 февраля) десять японских эсминцев неожиданно, без объявления войны атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя русские броненосец и крейсер. С наступлением дня в порту Чемульпо произошел неравный бой с японской эскадрой, в результате которого русские моряки, отказавшись спустить Андреевский флаг и сдаться, потопили крейсер «Варяг» и взорвали канонерскую лодку «Кореец». Лишь на следующий день, 28 января (10 февраля) 1904 года, Япония объявила войну России. Так началась русско-японская война, по мнению многих, самая неудачная из всех войн, которые пришлось вести России на протяжении ее более чем тысячелетней истории.

ПОРАЖЕНИЯ русских на суше и на море следовали одно за другим. Солдаты и матросы совершали великие подвиги: отрезанные от России Порт-Артур героически сражались около года, но все было напрасно.

Россия в этой войне не имела союзников: Германия, Англия и США почти открыто поддерживали Японию, а союзная Франция не оказала никакой помощи. Транссибирская магистраль обрывалась тогда у озера Байкал, Забайкальская железная дорога имела слабую пропускную способность. Путь от Москвы до Маньчжурии занимал до 45 суток. Россия, имея в это время армию в составе более миллиона человек, располагала на Дальнем Востоке группировкой войск, состоявшей всего лишь из 124 тыс. человек при 272 орудиях.

Русский стратегический план ведения этой войны страдал самым губительным пороком — абсолютной недооценкой сил противника, что заранее обрекало его на провал. Все сказанное не могло не отразиться и на медицинском обеспечении боевых действий русских войск в этой войне.

Прежде всего следует отметить, что не было должного единства в управлении медицинским обеспечением действующих

К 100-летию русско-японской войны 1904 — 1905 гг.

войск. Военное министерство, понимая необходимость выделения санитарной части в самостоятельный отдел полевого управления армии, приказом по военному ведомству № 79 от 23 февраля (7 марта) 1904 года во главе санитарной части поставило строевого генерал-лейтенанта. Под его началом были три отделения (части): медицинская, госпитальная и эвакуационная. В непосредственном подчинении начальника санитарной части армии находились: полевой военно-медицинский инспектор, полевой инспектор госпиталей (генерал, не врач) и главноуполномоченный Российского общества Красного Креста (РОКК), каждый со своим управлением. Сам же начальник санитарной части подчинялся непосредственно командующему армией, что заметно облегчало принятие необхо-

димых решений, касающихся различных сторон медико-санитарного дела. В ходе первого года русско-японской войны возникла необходимость пересмотреть организацию управления военно-медицинским обеспечением и дополнить штаты новыми должностями. В связи с этим к концу 1904 года непосредственно при главнокомандующем были учреждены должности главного полевого военно-медицинского инспектора, главного начальника санитарной части, а также введены главная эвакуационная комиссия и санитарно-статистическое бюро. Основным представителем по медико-санитарному делу при главнокомандующем являлся генерал-лейтенант Ф.Ф. Трепов, исполнявший обязанности главного начальника санитарной части.

Уместно привести мнение участника этой войны известного хирурга Е.В. Павлова, который по свежим впечатлениям писал: «Управление санитарной частью при главнокомандующем, а также и управления начальников санитарных частей армий производят такое впечатление, что лица собственно врачебного персонала находятся все в подчинении у военачальников и не пользуются никакими правами... Ясно проглядывается совершенно незаконный захват власти военными над специально медицинской частью... Главному полевому военно-медицинскому инспектору не подчинено ни одно медицинское лицо, ни одно учреждение, за исключением аптек. Даже полевые военно-медицинские инспекторы, находящиеся при армиях, не подчинены ему, а находятся в непосредственном подчинении у начальников санитарных частей армий... Всматриваясь в эту схему, сразу можно увидеть всю нецелесообразность в организации административно-го строя санитарной части»¹.

Случалось, что военные власти совершенно самостоятельно, игнорируя мнение врачей,

Погрузка раненых в военно-санитарный поезд
1904–1905 гг.

Эвакуация раненого на носилках
1905 г.

Перевязка раненых на поле сражения под Мукденом
1905 г.

распоряжались не только распределением госпиталей, но и порядком и последовательностью эвакуации раненых и больных. Тем не менее по сравнению с «Положением о военно-врачебных заведениях» 1887 года в ходе русско-японской войны был реализован ряд заметных усовершенствований в организации военно-врачебного дела.

Прежде всего громоздкие временно-временные госпитали, рассчитанные на 630 мест, были заменены более мобильными и легко управляемыми полевыми подвижными госпиталями на 210 мест. При многих из них с санкции дежурного генерала создавались «слабосильные команды» численностью от 50 до 200 человек. Кроме того, были введены штатные военно-санитарные транспорты и эвакуационные комиссии.

Впрочем, крупные военно-сводные госпитали, большинство которых было сосредоточено в городе Харбине, были необходимы и теперь, но они уже являлись стационарными, хорошо оснащенными и могли принимать на все виды лечения значительно больше раненых и больных. Обратимся снова к мнению Е.В. Павлова. «Нужно отдать полную справедливость, — писал он, — что было положено очень много старания и забот об устройстве этих госпиталей, организованных в сравнительно очень короткий промежуток времени и притом в зданиях, пред-

назначенных для казарм, а не для госпиталей... Современные требования хирургии, основанные главным образом на чистоте, служили заветом для труда всего врачебного персонала»².

Снабжение военных госпиталей фармацевтическими, хирургическими и хозяйственными предметами в целом было достаточно хорошим. Кроме того, по своевременно представленным требованиям в госпитали отпускалось все необходимое из склада императрицы Александры Федоровны. Все военно-врачебные заведения, участвовавшие в войне, подразделялись на войсковые и подчиненные органам полевого управления. К пер-

вым относились лазареты частей, дивизионные лазареты и полковые госпитали, приданные дивизиям, ко вторым — самостоятельные полевые подвижные госпитали (не приданные дивизиям), а также полевые запасные госпитали, военно-санитарные транспорты, эвакуационные комиссии, полевые аптеки и временные аптечные магазины. Снабжение всех этих учреждений на протяжении всех дней войны было вполне надежным и достаточным.

Лечение раненых и больных предполагалось производить главным образом в пределах Приамурского военного округа, где и размещались наиболее

крупные госпитали. Лечебные заведения, открытые в районе сосредоточения армии и состоявшие при войсках, имели основным назначением осуществлять лишь временный уход за больными и ранеными с последующей возможно быстрой эвакуацией их в тыл. Для этой цели уже к концу марта 1904 года были сформированы два военно-санитарных поезда, каждый на 250 человек³.

По штатам мирного времени в войсках, учреждениях и военнo-лечебных заведениях бывшего наместничества на Дальнем Востоке состояли 259 врачей, 19 фармацевтов и 816 фельдшеров. К моменту официального объявления Японией войны, 28 января (10 февраля) 1904 года, фактически имелись 243 врача, 21 фармацевт и только 602 фельдшера. По мобилизационному плану штаты военного времени были заметно увеличены и составили: врачей — 817, фармацевтов — 87, фельдшеров — 2097⁴.

Некомплект медицинского состава начал быстро восполняться медицинскими чинами, состоявшими на действительной службе, и призванными из запаса. Этому был посвящен именной указ Правительствующему сенату, в котором император повелел призвать на действительную службу медицинских чинов запаса из Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Московского, Казанского и Кавказского военных округов⁵. Эти меры возымели действие, и к моменту ратификации мирного договора в октябре 1905 года врачей действительной службы в войсках насчитывалось 913, а призванных из запаса — 2194. Фармацевтов

числилось 310, а фельдшеров — 8337 человек⁶.

Таким образом, медицинским персоналом русская армия была относительно обеспечена, что сыграло не последнюю роль в более успешной деятельности медицинской службы по сравнению со всеми другими службами русской армии.

Перед медицинскими работниками войскового звена, а также перед носильщиками ставилась задача быстрее выноса раненых с поля боя в укрытие и доставка их в ближайший передовой перевязочный пункт. К сожалению, для выноса раненых каждый пехотный полк располагал всего 128 носильщиками и 32 носилками. Этим сил и средств всегда не хватало. Кроме того, вынос раненых официально считался возможным только во время боевых пауз, а также при благоприятных условиях: наступлении темноты и в тумане. Конечно, эта установка не всегда соблюдалась; движимые желанием как можно быстрее помочь раненым, носильщики работали и под огнем и, конечно, несли большие потери.

Нужно отметить, что штатные носильщики были обучены правилам наложения жгута и навыкам оказания первой помощи. При выходе на поле боя они, кроме носилок, снабжались сумкой с перевязочным материалом и жгутом. Носилок не хватало. Они лопались, терялись, оставались при отступлении на поле боя, и их часто приходилось заменять распространенной имитацией: ружьями, на которые натягивались шинели. Обычно в роли носильщиков в таких случаях выступали строевые солдаты. Как свидетельствует представитель Генерального штаба гене-

рал-майор Е.И. Мартынов, большинство строевых солдат-носильщиков, «отнеся раненых, возвращались обратно, но были и такие, которые, пользуясь удобным случаем, оставались в тылу и присоединялись к своей части только по окончании боя»⁷.

Согласно действовавшему тогда «Положению...» для оказания дальнейшей медицинской помощи раненые с поля боя доставлялись на передовой или полковой перевязочный пункт, располагавшийся, в зависимости от обстановки, в 0,5—1,5 версте от линии огня.

На расстоянии 4—6 верст от линии огня устраивались главные перевязочные пункты, роль которых во время больших боев исполняли дивизионные лазареты. Отсюда раненые направлялись уже в полевые подвижные госпитали, а чаще — непосредственно в санитарные поезда для дальнейшего следования в тыл. Объем медицинской помощи на передовых перевязочных пунктах был достаточно ограничен и заключался в выполнении перевязки, наложении транспортных шин и производстве неотложных иногда операций по жизненным показаниям. Кроме того, раненые регистрировались и получали кратковременный отдых и питание. Нередко и этот скромный перечень медицинских услуг полностью не выполнялся. Не всегда удавалось даже установить личность тяжелораненого, находящегося в бессознательном состоянии.

Что касается оперативных вмешательств, то выполнение их предполагалось лишь на главном перевязочном пункте. По мнению доктора М.Г. Штейнберга, «единственное назначение перевязочного пункта заключается в подготовке раненых к транспорту. Всякое хирургическое вмешательство на перевязочном пункте не только не показано, а прямо противопоказано. Пределы оперативной деятельности на нем весьма ограничены»⁸.

По официальным данным, за всю кампанию на передовых перевязочных пунктах медицинскую помощь получили 74 проц. раненых. Остальные попадали на главный перевязочный пункт, а также в полевые госпитали или лазареты Красного Креста⁹.

Главный перевязочный пункт, как правило, располагался вне сферы артиллерийского огня и имел транспортные средства, позволявшие доставлять раненых с передовых перевязочных пунктов. Однако именно эти транспортные средства — двуколки — являлись объектом постоянной и обоснованной критики со стороны не только раненых, но и врачей. Транспортировка раненых на главные перевязочные пункты, а затем в ближайшие полевые подвижные госпитали, по мнению Р.Р. Вредена, главного хирурга Маньчжурской армии, являлась наиболее слабой стороной военно-санитарной службы. «Наши безрессорные двуколки, — утверждал он, — вовсе не пригодны для перевозки раненых»¹⁰. А доктор Л. Пуссеп пояснял: «Страшная тряска, мучительное подбрасывание на кочках превращают легкораненых в раненных тяжело, а тяжелораненые прибывают в госпиталь безнадежными»¹¹.

Объем медицинской помощи на главном перевязочном пункте был также невелик. Однако помимо перевязок и наложения иммобилизации здесь уже выполнялись ампутации, перевязка сосудов, извлечение инородных тел и даже трепанация черепа при витальных показаниях (табл. 1)¹². Хирурги В.Б. Гюббенет в осажденном Порт-Артуре и М.И. Гедройц в передовом отряде Красного Креста впервые успешно оперировали раненых в брюшную полость в первые шесть часов после ранения. Задерживались на главных перевязочных пунктах только легкораненые, которых по выздоровлению врачи охотно использовали в качестве служителей. Тяжелораненых старались как можно быстрее отправить на следующий этап медицинской помощи, которым по «Положению...» считался полевой подвижный госпиталь. Но чаще всего приходилось эвакуировать раненых в более отдаленные госпитали, поскольку полевые подвижные госпитали нередко оказывались в стороне от потока раненых.

Основная нагрузка по приему раненых и больных, их стационарному лечению и обслуживанию ложилась, конечно, на персонал тыловых госпиталей, значительное число которых рас-

полагалось, как правило, по линиям железных и грунтовых дорог, позволявших осуществлять эвакуацию. Временное переполнение полевых подвижных госпиталей наблюдалось лишь после крупных сражений. В остальных случаях госпитализация в тыловые лечебные заведения осуществлялась своевременно, несмотря на ряд недостатков, отличавших в то время организацию эвакуационного дела. По общему мнению большинства участников войны и авторов научных публикаций, если организация лечебной помощи в ходе русско-японской войны в целом заслуживала одобрения, то организация эвакуации далеко не всегда была удовлетворительной.

Говоря о госпиталях, следует подчеркнуть, что оснащение и содержание их в общем вполне отвечали санитарным требованиям, что было заслугой не только главных врачей, но и командования. В «Харбинском вестнике», например, был опубликован характерный приказ генерал-лейтенанта Надарова, перепечатанный затем газетой «Новости»: «Прошу генерал-лейтенанта Куколя к врачевным заведениям предъявлять следующие два мои основные требования: 1) чтобы помещения госпиталей содержались чище, чем моя квартира, и 2) чтобы госпитальное белье стиралось и содержалось чище того белья, которое у меня. Вообще прошу главное внимание уделять живому делу, а бумажную деятельность ставить на второй план»¹³.

В медико-тактическом отношении госпитальное дело в ходе войны получило новое направление: наметилась и даже была осуществлена некоторая специализация госпиталей. В частности, появилась возможность выделить госпитали хирургического или инфекционного профиля. В Харбине возникли самостоятельные сводные госпитали для венерических, офтальмологических и оториноларингологических больных. Специализацию госпиталей применяли и в системе учреждений Красного Креста. Например, в Харбине 15 (28) декабря 1904 года был открыт центральный психиатрический госпиталь с подготовленным к работе с таким контингентом больных шта-

том врачей и обслуживающего персонала. Небольшие лазареты и пункты приема душевнобольных имелись в Чите, Омске и Красноярске. В предыдущих войнах душевнобольные не регистрировались и тем более не выделялись в особые группы. А в ходе русско-японской войны только до 15 (28) декабря 1904 года из Харбина были отправлены в глубокий тыл 224 душевнобольных¹⁴.

Наметившаяся специализация госпиталей в дальнейшем получила широкое распространение и окончательно оправдала себя в годы Первой мировой войны. В войне с Японией госпиталей терапевтического профиля не было, что объяснялось прежде всего сравнительно небольшой заболеваемостью в русской армии в эту войну.

По заключению комиссии Главного военно-санитарного управления (ГВСУ), «минувшая кампания по сравнению с предшествовавшими войнами отличалась незначительными заболеваемостью и смертностью от болезней, а также слабым развитием острозаразных болезней, нигде не давших значительных эпидемий»¹⁵.

Сказанное подтверждается и статистическими показателями за период с 27 января (9 февраля) 1904 года по 1 (14) января 1906 года. В этот период в армии заболели 13 998 офицеров и 391 912 нижних чинов, умерли из них соответственно 229 и 10 233 человека¹⁶.

Спасала от эпидемий прежде всего напряженная и кропотливая работа российских медиков по профилактике и лечению инфекционных заболеваний.

Еще в 1887 году в состав полевых формирований, приданных дивизиям, был включен дезинфекционный отряд (один на соединение), а в 1904 году в состав средств, не приданных дивизиям, вошел санитарно-гигиенический отряд (один на корпус). Важным фактором в улучшении санитарно-гигиенического обеспечения действующей армии явилось введение штатной должности армейского врача-гигиениста, врача для поручений при нем, а также походной лаборатории. Среди нештатных противозидемических формирований на театре военных действий имелись центральные и «летучие»

Таблица 1

Объем оперативных вмешательств в дивизионных лазаретах в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Сражения	Число дивизионных лазаретов	Принято раненых	Сделано операций		
			ампутиаций	перевязок сосудов	прочих
Под Ляояном	14	6441	15	26	231
На реке Шахэ	17	13 396	25	9	274
Под Мукденом	18	15 651	23	12	223

санитарные отряды, оснащенные бактериологическими лабораториями, дезинфекционные отряды РОКК и других общественных организаций. Часть полевых госпиталей также была обеспечена химико-бактериологическими лабораториями, дезинфекционными камерами, укомплектована специально подготовленным персоналом.

В первые три месяца войны из Военно-медицинской академии на Дальний Восток были откомандированы 15 врачей-терапевтов, специалистов в области бактериологии и современных методов дезинфекции. Несомненную пользу в предупреждении распространения заразных болезней принесли и специально сформированные «летучие» дезинфекционные отряды, выезжавшие в случае необходимости в части и районы, где возникла опасность эпидемических вспышек. Созданы они были по инициативе и указанию главнокомандующего Маньчжурской армией генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина. В состав каждого такого отряда входили четыре врача-бактериолога.

Следует добавить, что во время русско-японской войны впервые были применены на практике военные железнодорожные дезинфекционные отряды, введенные приказом по военному ведомству № 688 1904 года. Формирование их было вызвано тем, что интенсивное передвижение воинских поездов по Сибирской железной дороге не могло не отражаться на ухудшении ее санитарного состояния, а последнее в свою очередь могло содействовать возникновению эпидемий, занесенных с театра военных действий. Личный состав дезинфекционного отряда состоял из двух врачей, трех фельдшеров, десяти дезинфек-

торов и нескольких рабочих. Первый такой железнодорожный дезотряд был сформирован в память С.П. Боткина в Санкт-Петербурге и прошел подготовку в Барачной больнице под руководством доктора В.А. Левашова. Этот отряд полностью оправдал свое предназначение, как и все остальные.

Конечно, далеко не все в организации военно-санитарного дела в ходе русско-японской войны заслуживает одобрения и положительной оценки. Наряду с определенными достижениями и успехами имелись и крупные недостатки, многие из которых не удалось устранить вплоть до окончания боевых действий. В первую очередь это касается проблемы эвакуации раненых и больных.

Как проходил начальный этап эвакуации, т. е. доставка раненых с поля боя на ближайшие перевязочные пункты, уже изложено выше. Не лучше было состояние эвакуации и на последующих ее этапах: от полевых подвижных госпиталей и дивизионных лазаретов до тыловых госпиталей и на военно-санитарных поездах — в тыловые районы Дальнего Востока и Сибири.

Инициатором создания военно-санитарных поездов выступило командование Московского военного округа, которое сформировало первый такой поезд из 19 вагонов и отправило его на восток 15 (28) февраля 1904 года. Из медицинского состава его обслуживали 3 врача, 36 санитаров и 5 сестер милосердия. Вскоре был подготовлен и отправлен еще один поезд, а затем формирование их пошло довольно быстро, и к началу Ляоянского сражения, в августе 1904 года, на Дальнем Востоке действовали уже 17 специальных военно-санитарных поездов. В дальнейшем общее их число достигло 38 единиц¹⁷.

В районе армии были временные санитарные поезда двух типов: с постоянным подвижным составом из товарных вагонов, приспособленных для перевозки раненых и больных, и с прицепленными теплушками. Число таких поездов было непостоянным и зависело от интенсивности боевых действий и числа раненых и больных. К концу кампании в армии было 24 поезда военного ведомства и 23 — частной помощи. Конечно, подобные поезда заметно отличались в худшую сторону от специальных военно-санитарных поездов как по медицинскому и хозяйственному оснащению, так и по организации повседневного обслуживания перевозимых контингентов.

В деле эвакуации раненых и больных, а также оказания им врачебной помощи, снабжения лечебных учреждений личным составом и всем необходимым весьма выгодно отличались возможности Российского общества Красного Креста.

Таблица 2

Результаты лечения больных солдат и офицеров русской армии в русско-японскую войну 1904–1905 гг.

Находившиеся на лечении	Абсолютное число	В процентах
Выздоровевшие	254 621	62,7
Признанные инвалидами и уволенные	20 108	5,6
Умершие в лечебных учреждениях Дальнего Востока	10 462	2,0
Эвакуированные в Россию	104 359	25,3
Оставшиеся в лечебных учреждениях к 1 января 1906 года	16 360	4,4
Итого	405 910	100,0

Силами Красного Креста было развернуто большое число госпиталей в районе действующей армии и особенно в тыловых районах. Например, в Забайкалье до середины октября 1904 года почти все госпитали принадлежали Красному Кресту, да и впоследствии большинство коек для больных предоставлял именно Красный Крест: 4295 против 2400 коек военного ведомства. Много хорошо оснащенных и обеспеченных личным составом госпиталей Красного Креста находилось и в других тыловых районах. Е.В. Павлов, работавший в системе Красного Креста, отмечал, что для этих госпиталей отводились лучшие здания, а медико-санитарный персонал оплачивался лучше, чем в военных госпиталях, что и привлекало туда людей. Располагая достаточным финансовым запасом, Красный Крест смог довести свои расходы до 29 360 587 рублей, т. е. в три раза больше, чем за период Турецкой кампании¹⁸.

Хорошо выглядели и лазареты РОКК. Один из них, носивший имя генерала М.П. Кауфмана, находился во Владивостоке и располагал 600 койками. Полы и стены в палатах были заново выкрашены. В лазаретах имелись отдельные перевязочная и операционная комнаты с необходимым набором хирургических инструментов, гипса и перевязочного материала. По отчетам Главного управления РОКК, к 15 (28) июля 1905 года Красный Крест располагал на Дальнем Востоке 360 врачами (из них 11 женщин) и 1487 сестрами милосердия. В помощь врачам были приданы 44 студента, а среди санитаров 1433 были наемными и 584 — из нижних чинов¹⁹.

Что касается учета и отчетности, то нужно признать, что сбор статистических сведений на театре военных действий в начале русско-японской войны был организован плохо и подчас полностью отсутствовал. Штатами военного времени специально органа для этой цели предусмотрено не было. Лишь в конце 1904 года было учреждено санитарно-статистическое бюро при управлении главного начальника санитарной части, преобразованное в июле 1905 года в санитарно-статистическое отделение в составе на-

чальника отделения, двух его помощников, небольшого числа фельдшеров и писарей. Просуществовало оно до июня 1906 года. Силами бюро, а затем отделения велся учет потерь в отдельных боях, количества убитых и раненых, контуженных, пропавших без вести и попавших в плен за всю войну.

Необходимый учет должен был вестись в госпиталях и лазаретах, а также и в ходе эвакуации, что всегда вызывало определенные затруднения. Тем не менее в 1914 году в результате работы специальной комиссии ГВСУ под руководством доктора Н. Козловского был издан санитарно-статистический очерк, а три с лишним десятилетия спустя, в 1947 году, вышел в свет справочный труд Л.С. Каминского и С.А. Новосельского, в котором имелись более точные сведения о потерях нашей армии в русско-японскую войну.

За весь период войны были ранены и контужены 151 944 человека, из которых 487 (0,3 проц.) скончались на поле боя, 132 322 (67,1 проц.) отправлены в лечебные учреждения, 13 710 (9 проц.) остались в строю, а 5425 человек (3,6 проц.) были взяты в плен. Подавляющее число раненых и убитых приходится на время ожесточенных боев второй половины 1904-го и первой половины 1905 года под Ляояном, на реке Шахэ, под Сандепу и Мукденом. Только за время этих боев были убиты 17 633, ранены и контужены 106 507 человек²⁰.

Представляют немалый интерес также показатели результатов лечения 405 910 больных, поступивших за время войны в госпитали и лазареты Дальнего Востока (см. табл. 2²¹).

В целом следует признать, что в годы русско-японской войны, в отличие от многих других государственных ведомств, военные медики и медики Российского общества Красного Креста, действуя сообща, в основном справились с поставленной перед ними тяжелой задачей. Одновременно в ходе войны был выявлен и ряд недостатков, устранение которых позволило в дальнейшем улучшить материальное снабжение лечебных учреждений, серьезно заняться вопросами эвакуации на всех ее этапах, а также значительно повысить роль санитарно-гиги-

енических и лабораторных исследований в предупреждении и лечении заболеваний военного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павлов Е. На Дальнем Востоке в 1905 году. Из наблюдений во время войны с Японией. СПб, 1907. С. 131, 132.

² Там же. С. 70.

³ Русско-японская война 1904—1905 гг. СПб, 1910. Т. II. Ч. 2. С. 511.

⁴ Война с Японией 1904—1905 гг.: Санитарно-статистический отчет. Пг., 1914. С. 9.

⁵ Летопись войны с Японией. СПб, 1904. № 33. С. 623.

⁶ Война с Японией... С. 10.

⁷ Мартынов Е.И. Из начального опыта русско-японской войны. СПб, 1907. С. 134.

⁸ Штейнберг М.Г. Пределы хирургической помощи на перевязочном пункте // Воен.-мед. журнал. 1908. Апр. С. 697.

⁹ Война с Японией... С. 84.

¹⁰ Вреден Р.Р. Из наблюдений хирурга в русско-японскую войну // Русский врач. 1905. № 50. С. 1560.

¹¹ Пуссен Л. Письмо с войны // Русский врач. 1905. № 18. С. 506.

¹² Война с Японией... С. 87.

¹³ Новости. 1905. 8 (21) февраля.

¹⁴ Шумков Г.Е. Эвакуация душевнобольных с Дальнего Востока // Воен.-мед. журнал. 1905. Июнь. С. 315.

¹⁵ Война с Японией... С. 3.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Потираловский П.П. Эвакуация в современную войну // Воен.-мед. журнал. 1908. Апр. С. 704.

¹⁸ Левин Г.Л. Отчет о деятельности военно-санитарного поезда № 1 // Воен.-мед. журнал. 1905. Июль. С. 851.

¹⁹ Коварский Г.О. Эвакуация в Забайкалье больных и раненых в русско-японскую войну // Воен.-мед. журнал. 1911. Апр. С. 716.

²⁰ Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прежних войнах (1756—1918). Л., 1947. С. 39.

²¹ Там же. С. 43.

*Полковник медицинской службы
А.А.БУДКО,
доктор медицинских наук,
профессор;*

*полковник медицинской службы
в отставке
Е.Ф.СЕЛИВАНОВ,
кандидат медицинских наук
(Санкт-Петербург)*

• ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ •

ЗАГАДКА СМЕРТИ БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА

Одному из наиболее известных русских полководцев второй половины XIX века — генералу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву не повезло ни в личной, ни в общественно-политической жизни.

Он умер (или был отравлен?) в неполных 39 лет. В годы революционных потрясений поставленный ему в Москве памятник был уничтожен. Одни боготворили генерала, другие столь же яростно ненавидели. Однако едва ли справедливы попытки принизить, а то и вовсе отрицать его военный талант. Таинственная смерть видного полководца не может умалить его заслуг перед Россией, зачеркнуть его блестящую военную биографию...

М. Д. Скобелев

МИХАИЛ Дмитриевич Скобелев родился 17 (29) сентября 1843 года в Петербурге. Его дед Иван Никитич — известный генерал, герой Отечественной войны 1812 года, лишившийся в боях руки (его так и называли — безрукий генерал), был шефом Рязанского полка, комендантом петербургской крепости и... писателем (сочинял рассказы и драматические произведения; те и другие пользовались успехом у публики, особенно у военных).

Отец Михаила Дмитриевича тоже был генералом. Отличался он суровостью взглядов, держался старых порядков. Миша являлся единственным сыном в череде дочерей. Это был красивый мальчик с быстрым взглядом, золотыми волосами и нежным цветом лица. Генерал Дмитрий Скобелев, желая воспитать сына по-мужски, в наставники ему определил немца. Тот жил в скобелевском доме, имел полную свободу действий и часто бил воспитанника за невыученные уроки². А у Миши с детства был вспыльчивый, живой и свободолюбивый нрав. Он возненавидел своего наставника и мучителя и однажды ответил педагогу плевком в физиономию и оплеухой.

После этого подраставшего Мишу отдали в пансион Дезидерия Жирарде в Париже. Здесь в нем воспитали чувство долга, дали хорошее образование. Жирарде и Михаил Скобелев сохранили дружбу на всю жизнь.

В 1861 году Михаил Дмитриевич вернулся в Петербург и поступил на математическое отделение столичного университета³.

О том, как выглядел тогда юный Скобелев, вспоминал позже в своих мемуарах известный юрист А. Ф. Кони, поступавший в университет одновременно со Скобелевым: «Ко мне вышел навстречу молодой, стройный человек, высокого роста, с едва пробившей-

ся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвета и коротко остриженной головой. На нем, по моде того времени, были широчайшие серые брюки, длинный белый жилет и черный однобортный сюртук, а на шее, тоже по моде того времени, был повязан узенький черный галстук с вышитыми на концах цветочками. Манеры его были изысканно вежливы и обличали хорошее воспитание, которое, впрочем, в то время еще не было редкостью»⁴.

Однако в университете Михаил Дмитриевич проучился недолго. Начались студенческие волнения, и университет временно закрыли. А когда занятия возобновились, Скобелев в него уже не вернулся. Причины этого точно не установлены. Зато доподлинно известно, что он немедленно поступил юнкером в лейб-гвардии Кавалергардский полк, затем был переведен в Гродненский. Во время отпуска корнет Скобелев добровольно отправился в действующую армию на подавление восстания в Польше. В качестве волонтера он провел на войне почти весь свой отпуск и получил свою первую награду «за храбрость».

Михаил Дмитриевич отличался очень беспокойным характером, в гусарских попойках всегда был первым на разные смешные выдумки. Однако крепкого спиртного в зрелые годы не любил, пил кавказские вина, а чаще всего шампанское. Немножко играл на рояле, часто напевал, у него был красивый баритон.

Нельзя не сказать и о том, что когда Скобелев учился в Академии Генерального штаба, науками он интересовался мало, на лекции не ходил, практическими занятиями пренебрегал. У начальства и некоторых преподавателей сложилось мнение, что он — малоспособный шалопаи и толка из него не выйдет. Его ча-

сто можно было видеть на рысаке, в штатском платье, в шотландской шапочке. Поэтому не надо удивляться, что Скобелев хотя и окончил Николаевскую академию Генерального штаба, но весьма посредственно.

Вскоре Михаил Дмитриевич женился на княжне Н.М. Гагариной. Казалось, его жизнь начала налаживаться. Однако уже через несколько месяцев после свадьбы Михаил Дмитриевич явно охладил к жене, а затем последовал разрыв.

После академии Скобелев отправился служить в Туркестан. В то время областью командовал известный инженер-генерал К.П. фон Кауфман. Это был мудрый человек: он сумел рассмотреть в молодом офицере его истинные способности. Однако и в Туркестане служба сопровождалась скандалами, и Скобелеву дважды пришлось драться на дуэли.

Скобелев участвовал в Хивинском походе 1873 года, в подавлении Кокандского восстания 1874—1876 гг., был назначен военным губернатором и командующим войсками Ферганской области. Но еще в 1870—1871 гг. он успел поехать на Северном Кавказе, в 1874 году ездил во Францию, затем отправился в Испанию к партизанам Дон-Карлоса, участвовал в сражениях. В 1877—1878 гг. М.Д. Скобелев участвовал в русско-турецкой войне, в боях под Ловчей, Плевной, Шипкой, Шейновом показал себя умелым военачальником, завоевал популярность среди солдат.

В 1878 году Скобелев был произведен в генерал-адъютанты. В 1880—1881 гг. он руководил в Средней Азии Ахалтекинской экспедицией, штурмом Геок-Тепе и занятием Ашхабада и в 1881 году, т.е. в 38 лет, стал генералом от инфантерии.

Неоднократно Скобелева направляли в заграничные командировки изучать состояние военного дела в Западной Европе. Особенно напряженной была для него поездка в Германию в конце 1870-х годов. Немецкие коллеги вовсе не склонны были раскрывать русскому генералу все свои карты. На него смотрели как на потенциального врага. Германский император Вильгельм даже не считал нужным скрывать это⁷.

От зоркого взгляда Скобелева не ускользнули ни сильные, ни слабые стороны немецкой армии. К будущему противнику Михаил Дмитриевич отнесся внимательно, скрупулезно вникал во все детали, выводы делал осторожно. В его заметках нет ни преклонения перед немецкой военной машиной, ни попытки умаления будущего врага по принципу «шапками закидаем». Особенно высокого мнения был Скобелев об офицерском составе немецкой армии. Учитывая, что дядя М.Д. Скобелева граф В.Ф. Адлерберг был на «дружеской ноге» с императором Александром II, Михаил Дмитриевич докладывал о состоянии немецкой армии самому государю. Вот почему он так ответственно относился к своим запискам.

Во время боевых действий Скобелев проявлял не только храбрость, но даже беспечность: вылезал из окопов и вел себя так, будто заговорен от пуль. И, как следствие, был однажды контужен в спину, когда сходил с бруствера в окоп. Контузия оказалась довольно сильной. Однако генерал шутил с офицерами, приходившими его навестить⁸. Говоря о личных качествах Михаила Дмитриевича, надо отметить его щедрость, готовность помочь любому нуждающемуся. Он сел на отставных солдат на своих землях, устроил для них инвалидный дом, помогал материально Спасскому училищу «на приобретение школьных пособий, приличное жалование учителям и проч.»⁹.

Император Александр II любил молодого, талантливого и неуравновешенного генерала, однако распекал его жестко, иногда несправедливо, как мальчишку. Не слушая придворных шептунов, государь-император одним из первых оценил подлинные дарования Скобелева и чутьем выдающегося государственного

деятеля подметил в нем те стороны и качества, которые не были видны с первого взгляда: осторожность в бою, любовь к солдату и выдержку военачальника.

А злопыхателей, врагов у Скобелева при дворе было немало. Да и неудивительно это при его характере. Всем бросалась в глаза необычная личная жизнь генерала. После разрыва с женой отношения Михаила Дмитриевича с женщинами всегда были предметом постоянных пересудов и сплетен. В Минске, где располагался штаб 4-го корпуса, которым командовал Скобелев, у него завязался роман с Екатериной Александровной Головкиной, учительницей одного из местных учебных заведений, но и с ней отношения разладились. Так что новой семьи у Михаила Дмитриевича не сложилось.

ПО-РАЗНОМУ относились современники к Белому генералу. Так, Г.К. Градовский⁸ категорически выступал против всеобщего поклонения Скобелеву. Однако положительные личные качества Михаила Дмитриевича сразу бросались в глаза и мешали сделать объективный анализ. Что могли думать о Скобелеве офицеры и солдаты, если они видели, что он в траншеях под Плевной спал в небольшой ямке, на соломе, под открытым небом и в то же время энергично хлопотал, чтобы у солдат были землянки и шалаши? Он делал откровенную ставку на боевой дух солдат, умел увлечь, поднять их в бой. Друг Скобелева Василий Иванович Немирович-Данченко вспоминал, что под той же Плевной Михаил Дмитриевич весь день провел в стрелковой цепи, то воодушевляя солдат, то поддерживая слабые фланги. Днем его никто не видел отдыхающим. Он не оставлял кавалерийского седла даже во время пехотного боя, скакал от одной стрелковой цепи к другой, служа прекрасной мишенью для турецких стрелков. Две лошади под Скобелевым в тот день были убиты, третья ранена. Он лично вошел в атаку роту, командовал сотней казаков. И потому один из лучших русских генералов сказал о Скобелеве: «Как подчиненного, я бы его отправил назад, но если бы меня спросили, к кому я сам хочу идти в подчинение, я бы сказал, что только к Скобелеву!»⁹

Все это рождало славу Скобелева, преклонение перед ним и не оставляло места для трезвого анализа противоречий в его поведении. Н.Н. Кнорринг привел оценку Скобелева военным уполномоченным США в России: «Скобелев водил свои войска на штурмы много раз, как никто из находящихся в живых генералов нашего времени... Все штурмы его были победами, и только один раз он после счастливого штурма должен был уступить позицию подавляющему по численности неприятелю. Его военный гений так изумителен, что я верю, что, если он проживет еще 30 лет, он будет главнокомандующим в будущей войне из-за восточного вопроса и в истории займет тогда место среди пяти величайших полководцев нашего столетия...»¹⁰. Восхваляли генерала и многие поэты, его современники. Стихотворений, посвященных М.Д. Скобелеву, было немало¹¹.

Военный талант Скобелева, его ярко выраженная и достаточно широко афишируемая любовь к России, русскому народу, понимание нужд солдат и офицеров, личная отвага и сметливость сделали генерала почитаемым человеком во всей России. Его победы в Туркестане стали бальзамом для ран, нанесенных патриотическим чувствам русских в ходе проигранной Крымской войны. Военный министр Д.А. Милютин считал, что овладение Скобелевым Геок-Тепе, несомненно, поправит положение России не только в Закаспийском крае, но и в целой Азии. К тому же это был серьезный удар по притязаниям Англии, которая сама стремилась укрепить свое влияние в Средней Азии и вытеснить оттуда русских.

Александр II высоко оценил военные успехи, дос-

● ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ ●

тигнутые под руководством М.Д. Скобелева в Средней Азии. Его наградили и отметили. Во дворце императора назначили по случаю прибытия героя «большой выход с благодарственным молебном».

Замечательны рассуждения Михаила Дмитриевича о политическом значении для России военных побед в Туркестане. Он писал: «Наступает новое время полной равноправности и имущественной обеспеченности для населения, раз признавшего наши законы. Это наша сила перед Англией»¹². Скобелев видел, что сущность политики России на Востоке не сводилась только к военным захватам, и стремился к тому, чтобы ее последствия были для местного населения максимально выгодны. Достичь этого можно было, по его мнению, ограничив террор и военное самоуправство неудачливых исполнителей, назначенных сюда русской центральной властью.

Скобелев много размышлял и о горячо любимой им армии. В результате милютинских реформ она стала теперь комплектоваться на основе всеобщей воинской повинности. Михаил Дмитриевич писал по этому поводу: «Реформы... в нашей армии сделали солдата гражданином... Я считаю эту перемену большим благом для Отечества и гарантией успеха в будущих боевых столкновениях»¹³. Таким образом, Скобелев видел в солдате прежде всего человека, а это не очень нравилось тем, кто тяжело отвыкал от помещичьих привычек¹⁴.

1 (13) марта 1881 года народолюбцы убили императора Александра II. Невзлюбив нового императора Александра III (для этого у Скобелева были причины, носившие личный характер), Михаил Дмитриевич решил заняться политикой. Ему казалось, что неудачи Александра III во внешней и внутренней политике ставят под вопрос благополучие династии Романовых. И он решил исправить положение. Надо сказать, что действия Скобелева на новом для него поприще носили несколько авантюрный характер. Скобелев прямо увязывал будущее российской императорской власти с внешней политикой страны. Он предлагал открыто укреплять союз с республиканской Францией, объединиться с нею против Германии. Но ведь и Александр III вел ту же политику, хотя и не без колебаний, не без возвратов к прежнему союзу. Император учитывал, что к резкому, прямому и открытому повороту Россия еще не была готова. Неуклюжие выходы Скобелева с точки зрения европейской дипломатии только дискредитировали Россию, давали повод немцам в Германии и Австро-Венгрии объединиться против славян, а Франции — использовать Россию в своих корыстных реваншистских целях. Франция подталкивала Россию к открытому выступлению против объединившейся Германии, после того как в 1870—1871 гг. Германия разгромила Францию и отобрала у той часть земель. Словом, Скобелев «вмешался» в сложную европейскую игру, не учитывая тончайших европейских нюансов и видя перед собой только одну—две цели: объединить под покровительством России славян и противопоставить это содружество немцам.

ТОЧНО определить замыслы и стремления Михаила Дмитриевича в начале царствования Александра III непросто. По способу действия Скобелев не оппозиционер, а скорее заговорщик. Он был честолюбив, склонен к авантюрам, пользовался огромной популярностью в войсках, среди общественных и даже государственных деятелей. Скобелев всегда готов был брать на себя ответственность за решения в самых тяжелых ситуациях. Кроме того, несмотря на свое славянофильское мировоззрение, он здраво мыслил и учитывал в отличие от многих своих соратников некоторые европейские реалии.

Скобелев активно занялся политикой года за два до

смерти Александра II. Его мать, Ольга Николаевна Скобелева, поехала, по всей вероятности с его ведома, на Балканы, в столицу Восточной Румелии, якобы для того, чтобы купить там поместье или дом и основать монастырь. Однако Ольга Николаевна скорее не присматривала себе участок, а хотела содействовать тайным балканским организациям, стремившимся избавиться Балканы от турецкого гнета. На Балканах она была убита адъютантом своего сына, Узатисом. Вероятнее всего, Узатис охотился за скобелевскими деньгами, о которых знал, как близкий к этой семье человек. Убийцу настигли у мельницы на реке Дермен-Дере. Окруженный преследователями со всех сторон, он застрелился¹⁵.

Судя по всему, Скобелев знал об истинных целях последней поездки его матери на Балканы. Она была как-то связана с планами самого Михаила Дмитриевича сделаться чуть ли не владетельным болгарским князем¹⁶. Скобелев не одобрял некоторые политические связи матери на Балканах, но не цели ее поездки, и тяжело переживал ее нелепую гибель¹⁷.

Александр III осуждал самовольное вторжение М.Д. Скобелева в политику. Император весьма холодно принял генерала, когда тот впервые после туркестанского триумфа и восторженного приема в Москве прибыл в столицу. Император даже «забыл» поздравить нового «полного генерала» с победами, с получением высокого воинского звания. Политический ментор царя, его бывший учитель и воспитатель К.П. Победоносцев осмелился с тревогой написать об этом Александру III, ибо его поступок произвел весьма дурное впечатление в обществе и подрывал его авторитет. А он и так был невелик¹⁸.

Отношения Михаила Дмитриевича с Александром III складывались всегда сложно. В некоторых воспоминаниях и письмах современников говорится о том, что Михаил Дмитриевич «презирал и ненавидел» царя, а последний отвечал ему тем же.

Существует версия, что на Михаила Дмитриевича оказывали сильное давление французские масоны. Они стремились во что бы то ни стало помешать сближению России с Австро-Венгрией и Германией. Одним из руководителей французской масонской ложи «Великий Восток» был Леон Гамбетта, в 1881—1882 гг. являвшийся премьер-министром и министром иностранных дел Франции. Его связи со Скобелевым были и прямыми, и через ближайшую помощницу премьера Жюльетту Адамс. Именно она сопровождала Михаила Дмитриевича во всех его поездках по Франции, как и бывший его воспитатель, а затем и друг Д. Жирарде.

Интерес к Скобелеву у французов возник тогда, когда генерал от инфантерии стал произносить разражающие русские власти речи, направленные против Германии и призывающие к быстрому объединению славян. Конечно же, французские масоны, стремившиеся к реваншу за недавнее поражение Франции в войне с Германией, не преминули воспользоваться высочайшим авторитетом и популярностью Скобелева во всем мире. Долгое время масоны отрицали свое участие в политической деятельности. Но вот в 1886 году официальный масонский бюллетень признал: «Одно время существовало не столько правило, сколько простая формальность заявлять, что масонство не занимается ни вопросами религии, ни политикой. Под давлением полицейских предписаний мы вынуждены были скрывать то, что является нашей единственной задачей...»¹⁹.

Славянофильская направленность демаршей Михаила Дмитриевича не противоречила интересам французских масонов и подогревалась ими. Да и сам Скобелев не скрывал связей с ними, даже афишировал контакты с лидером французских масонов и республиканцев Л. Гамбеттой. А когда в январе 1882 года в Россию приехала его помощница Ж. Адамс, то ее

встречи со Скобелевым проходили в московском доме известного славянофила Ивана Сергеевича Аксакова. Реальным результатом этого политического союза должна была стать активная подготовка русской армии к будущей войне с наиболее вероятным противником — Германией.

Чтобы усилить свою политическую позицию, Скобелев прибегал к любым средствам. Например, известно, что он пытался установить связи с русскими революционерами и тем самым еще больше расшатать положение правящего круга, близкого к Александру III. Скобелев будто бы писал в частном письме, что необходимо сговориться с ведущей легальной либеральной газетой «Голос» о совместном натиске на режим Александра III. Находясь в Париже, Михаил Дмитриевич искал контакты с одним из теоретиков народничества Петром Лавровичем Лавровым. Но тот от встречи решительно отказался.

Свои яркие политические речи Михаил Дмитриевич готовил тщательно и заранее, они не были случайными скоропалательными экспромтами²⁰. Скобелев был опасен для режима Александра III и тем, что в его планы были посвящены и содействовали им не только общественные, но и государственные деятели. Михаил Дмитриевич пытался привлечь на свою сторону недовольного политикой Александра III графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова и графа Николая Павловича Игнатьева²¹. У Скобелева, судя по всему, была собственная детально разработанная программа перестройки всех сторон российской жизни.

Скобелев считал, что только подъем русских патристических чувств и православие могут укрепить Российское государство и придать ему новые силы. «История учит нас, — писал он, — что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскрешением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве»²².

Царь Александр III вынужден был учитывать огромный авторитет Скобелева. Где бы ни появлялся Белый генерал, народ встречал его хлебом-солью. Словом, политическое влияние Скобелева, распространявшееся на толпы народа, было огромно, но его политический вес был гораздо меньший. Формально позиция Скобелева была симпатична славянофилам, консерваторам. Но разве можно предположить, что И.С. Аксаков или М.Н. Катков согласились бы с представлениями Скобелева о свободе слова в России, с введением конституции?

К лету 1882 года вокруг имени Михаила Дмитриевича кипели бурные страсти. Одни прославляли его, другие осыпали ругательствами, росли зависть и злоба; иногда раздавались и трезвые голоса, призывавшие его остановиться, оглянуться, пересмотреть свое положение и определить принципы своих действий. Он же болезненно чувствовал свое одиночество, жаловался на то, что около него нет близкого человека. Скорбные нотки звучали иногда и в самые лучшие, светлые минуты его жизни. Его терзали неясные предчувствия, он не раз заводил речь о своей возможной смерти. Но когда летом 1882 года Михаил Дмитриевич появился в Москве, получив очередной отпуск от военной службы, он кипел жаждой деятельности.

Остановился Скобелев, как всегда в Москве, в отеле Дюссо. В 8 часов вечера он уехал из гостиницы подышать свежим воздухом, потом отправился к знакомым и там почувствовал себя дурно. Призвана была медицинская помощь, но тщетно. В час ночи 25 июня (7 июля) 1882 года Михаил Дмитриевич Скобелев скончался²³.

ВЕСТЬ о неожиданной смерти Белого генерала быстро разнеслась по Москве. Тотчас же весь Китайский проезд, начиная от гостиницы Дюссо, заполнил народ. И люди все подходили и подходили. Все желали узнать, что стряслось со Скобелевым, и «поклониться хотя бы телу». С 5 до 7 вечера выпуск посетителей был совсем прекращен. Официальные результаты вскрытия тела Скобелева были таковы: скончался от паралича сердца и легких, воспаление которых он недавно перенес. Покойного набальзамировали, одели в парадный генерал-адъютантский мундир и выставили гроб с телом под богатым парчовым покровом в приемном салоне апартаментов Скобелева в гостинице Дюссо. В головах с обеих сторон были размещены ордена Св. Георгия II и III степени, а в ногах — другие знаки отличия, всего 27. Вокруг дубового гроба стоял почетный караул, а рядом со свечами разместили четыре больших лавровых дерева, живые цветы и серебряный венок. Народ теснился не только у гроба, но заполнял все коридоры гостиницы. В час дня была отслужена первая панихида, вторая — в 9 часов вечера. Присутствовали московский генерал-губернатор, приехавшие срочно из Петербурга именитые родственники покойного и множество других почетных лиц. На следующий день, в 8 часов вечера, тело покойного вынесли в церковь Трех Святителей у Красных Ворот, которую закладывал еще дед Михаила Дмитриевича, генерал И.Н. Скобелев. «Вся эта площадь, — свидетельствовал Вас. Немирович-Данченко, — залита сплошной толпой... Ей нет конца...»²⁴.

Церковь Трех Святителей была великолепно украшена. Море живых цветов, лавровые венки нельзя было даже пересчитать. 28 июня после литургии было совершено отпевание. Снова с раннего утра все окрестные улицы и площадь были запружены народом. Москва на это время как бы замерла: всякая деятельность прекратилась, все устремились к месту скорбной церемонии. В этот день ни в одной московской гостинице не было ни музыки, ни пения. Все городские увеселительные сады и театры, все загородные развлекательные учреждения отменили в знак траура свои представления. По обеим сторонам Красноворотской площади были выстроены шпалерами войска. Они стояли также и вдоль спуска к вокзалу Рязанской железной дороги. В строю находились воспитанники военных гимназий и юнкера Александровского и Московского пехотных училищ. Присутствовали великие князья Алексей Александрович и Николай Николаевич (старший), приехавшие из Петербурга экстренным поездом. Гроб до самой привокзальной площади несли на руках генералы и офицеры. На всем пути вдоль железной дороги стояли группы людей. В Ранненбург поезд прибыл в 5 часов утра. Шел проливной дождь. Гроб встречали толпы народа, депутация от города и 6 солдатских рот. 29 верст везли катафалк до Спасского, а в деревнях, встречавшихся на пути, скобелевские крестьяне несли гроб на руках. Михаил Дмитриевич был похоронен 30 июня после вечера в старой сельской церкви, рядом с могилами отца и матери. Последний из Скобелевых — знаменитый Белый генерал — лег в родную землю предков.

СУЩЕСТВОВАЛО множество версий смерти М.Д. Скобелева. Мы уже приводили официальное заключение группы врачей под руководством профессора Московского университета Нейдинга, производившей вскрытие и балъзамизацию тела М.Д. Скобелева, но этому диагнозу мало кто верил. При жизни Скобелев на здоровье не жаловался, хотя его врач, О.Ф. Гейфельдер, во время Туркестанского похода сделал заключение о «слабо развитой сосудистой системе вообще и в особенности о слабой мускулатуре сердца»²⁵. Однако большинство современников Михаила Дмитриевича связывали его смерть (со-

вершенно внезапную) вовсе не с органической болезнью и возрастом (ведь ему было неполных 39 лет), а с тайнами большой политики.

Остановимся еще на нескольких версиях. Вот одна из них. В тот день в конце июня, когда, по утверждению Кнорринга, Скобелев навещал знакомых, генерал отправился в гостиницу «Англия», которая находилась на углу Столешникова переулка и Петровки. Здесь жили девицы легкого поведения, или дамы полусвета, в том числе Шарлотта Альтенроз (по другим данным, ее звали Ванда, Элеонора, Роза). Эта кокетка неизвестной национальности, приехавшая вроде бы из Австро-Венгрии и говорившая по-немецки (на основании этого ее считали немкой), занимала в нижнем этаже роскошный номер и была знакома всей кутившей Москве. У нее будто бы и умер Михаил Дмитриевич.

Больше всего подозрений падало именно на Ванду. Молва прямо связывала убийство Михаила Дмитриевича с происками Германии. Масла в огонь подлила и помощница Л. Гамбетты Ж. Адамс. Она утверждала, что у нее есть документы, свидетельствующие о нитях заговора, ведущих в Берлин. В довольно широких кругах русской интеллигенции назывались даже лица, участвовавшие в этом преступлении. Оно задумано было будто бы самим Бисмарком²⁶. Ту же, по существу, версию поддерживал друг Александра III князь Мещерский²⁷.

Существовала версия, по которой Скобелев был отравлен. Отравителями являлись вовсе не кокетки, а пировавшая рядом с их кабинетом в «Англии» целая компания, пившая за здоровье генерала и приславшая Михаилу Дмитриевичу бокал с отравленным шампанским. А имя главного злоумышленника — император Александр III²⁸.

Василий Иванович Немирович-Данченко несколько конкретизировал версию, полагая, что это дело рук «Священной дружины», во главе которой стоял граф Б. Шувалов, друг Александра III²⁹.

Один из исследователей, притом серьезных, Ю. Карцев считает, что такой заговор был, и приводит целый список доказательств³⁰. Однако, если бы убийство Скобелева было подготовлено «Священной дружиной», едва ли император опустился бы до того, чтобы прислать телеграмму соболезнования, да и двух великих князей на похоронах генерала публика никогда не увидела бы. А сестра Михаила Дмитриевича Скобелева в дни похорон действительно получила телеграмму от Александра III: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью Вашего брата. Потеря для русской армии незаменимая и, конечно, всеми истинно военными людьми сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей». Представляется, что это исключает версию убийства М.Д. Скобелева по приказанию императора, с ведома или по поручению «Священной дружины». Но все-таки не отвергает саму возможность убийства.

Очевидцы скобелевских похорон рассказывали, что лицо Михаила Дмитриевича имело необычайно желтый цвет и проступающие странные синие пятна. Известно, что это обычные признаки отравления. Кроме того, тайная полиция сразу после смерти Скобелева изъяла в Минске его архив. Были вывезены по описи 28 июня 1882 года 36 всевозможных пакетов, папок, свертков, десять записных книжек и т.д. Все эти бумаги, найденные на столе и в шкафу, по словам начальника штаба 4-го корпуса генерала Духонина, были отправлены для детального и тщательного рассмотрения в Петербург.

Михаила Дмитриевича Скобелева оплакивали не только в России, но и в других странах, особенно славянских. В корреспонденции из Болгарии говорилось: «Быть может, нигде весть о смерти Скобеле-

ва не произвела такого потрясающего впечатления, как здесь, в Пловдиве, и во всей Болгарии. Это легко понять... В будущем все славянские народы еще очень многого ожидали от деятельности оплакиваемого славянского героя, в особенности народы югославянские»³¹.

До сих пор загадка этой странной смерти так и не разгадана. Едва ли она была результатом просто человеческой болезни. Уж слишком подозрительны обстоятельства ухода из жизни Белого генерала. Однако за 120 лет история не нашла ни новых фактов, ни новых убедительных доказательств в пользу той или иной версии. Скорее всего, этого уже не удастся сделать и в дальнейшем. Смерть Михаила Дмитриевича Скобелева так и останется исторической загадкой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Филиппов М.М. М.Д. Скобелев. Его жизнь и военная деятельность. СПб., 1894. С. 5.
- ² Дитмар фон С. «Белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев. Чтение для солдат и народа. СПб., 1895. С. 3, 4.
- ³ Кнорринг Н.Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд // Белый генерал. М., Патриот, 1992. С. 22.
- ⁴ Кони А.Ф. На жизненном пути. 3-е изд. Т. III. Ч. 1. Ревель; Берлин, [1922]. С. 159—160.
- ⁵ Кнорринг Н.Н. Указ. соч. С. 150.
- ⁶ Шолохов А.Б. Загадка смерти генерала Скобелева. М., 1992. С. 40, 41.
- ⁷ Кнорринг Н.Н. Указ. соч. С. 157.
- ⁸ Градовский Г.К. М.Д. Скобелев. Этюд по характеристике нашего времени и его героев. СПб., 1884.
- ⁹ Немирович-Данченко Вас.И. Скобелев: Личные воспоминания и впечатления // Белый генерал. М., 1992. С. 355.
- ¹⁰ Кнорринг Н.Н. Указ. соч. С. 35—36.
- ¹¹ Струсевиц А. Один из богатырей XIX века. Остров, 1899. С. 1—2.
- ¹² Гродеков Н.И. Война в Туркмении. СПб., 1884. Т. 4. С. 18.
- ¹³ Кнорринг Н.Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Ч. 1—2. Париж, 1939—1940 гг. С. 202—203.
- ¹⁴ Дукмасов П.А. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и Михаиле Дмитриевиче Скобелеве. СПб., 1889. С. 138—139.
- ¹⁵ Овсяный Н.Р. Русское правление в Болгарии в 1878—1879 гг. Т. III. СПб., 1907. С. 95—98.
- ¹⁶ Филиппов М.М. Указ. соч. С. 71—72.
- ¹⁷ См.: Чанцев И.А. Скобелев как полководец. 1880—1881. СПб., 1883. С. 126.
- ¹⁸ Победоносцев К.П. Письма и заметки. М.; Пг., 1923. С. 233.
- ¹⁹ Шолохов А.Б. Указ. соч. С. 25—26.
- ²⁰ Вилинбахов В.Б. Генерал «от пронуниментов» // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 353.
- ²¹ См.: Крототкин П. Записки революционера. СПб., 1906. С. 400.
- ²² Скобелев М.Д. Записка // Русская старина. 1882. Июль. С. 229.
- ²³ Михаил Дмитриевич Скобелев, его жизнь и служба родине. М., 1882. С. 1.
- ²⁴ Немирович-Данченко Вас.И. Скобелев. Б/и. С. 517.
- ²⁵ Гейфельдер О.Ф. Воспоминания врача Михаила Дмитриевича Скобелева. 1880—1881 гг. // Русская старина. 1886. Октябрь. С. 388.
- ²⁶ Толбухов Е. Скобелев в Туркестане // Исторический вестник. 1916. Октябрь. С. 108.
- ²⁷ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 727.
- ²⁸ Голос минувшего. 1917. № 5—6. С. 102.
- ²⁹ Немирович-Данченко Вас.И. На кладбище: Воспоминания. Ревель, 1921. С. 69.
- ³⁰ Карцев Ю. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886. СПб., 1906. С. 95—96.
- ³¹ Чанцев И.А. Указ. соч. С. 157.

Е.Р. ОЛЬХОВСКИЙ

«ВЕК СЛУЖИ, РАЕВСКИЙ, С НАМИ, МЫ С ТОБОЮ И ШТЫКАМИ ОПРОКИНЕМ СВЕТ»

Основатель Новороссийска генерал-лейтенант
Н.Н.Раевский — герой войны 1812 года
и друг А.С. Пушкина

Н.Н. Раевский (сын)
Неизвестный художник.
1821 г.

ЗВЕЗДА славы взойшла над Николаем Николаевичем Раевским в грозном 1812 году. По традиции, шедшей еще от Петра I, Николай в раннем возрасте был зачислен в Орловский пехотный полк и к началу войны с Наполеоном был уже подпрапорщиком. Его отец, тоже Николай Николаевич, командир 7-го пехотного корпуса 2-й армии П.И. Багратиона, держал сыновей всегда при себе, чтобы они с младых ногтей впитывали солдатскую науку. С началом войны с Наполеоном отец не стал отправлять своих сыновей в тыл, и они вместе с армией прошли весь скорбный путь отступления, перенося лишения боевой жизни наравне с солдатами.

В сражении между деревнями Салтановкой и Дашковкой под Могилевом (в разных источниках называют то одну, то другую деревню) корпус Раевского прикрывал отступление главных сил 2-й армии, отражая натиск намного превосходящих сил французов. В какой-то момент Смоленский полк дрогнул и стал отходить. Тогда генерал Н.Н. Раевский взял за руки своих сыновей и пошел с ними в контратаку. Атака французов была отбита¹. Подвиг получил большую огласку в России, поэт В.А. Жуковский описал его в стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

*«Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами...»².*

Отец отрицал участие сыновей в деле под Салтановкой. В письме жене он писал, что Николай собирал ягоды в лесу. А своего адъютанта, впоследствии известного поэта К.Н. Батюшкова, он резко осадил, говоря, что «весь анекдот сочинен в Петербурге». Однако что же должен был писать отец матери своих сыновей? Что он с ними пошел в атаку, под град пуль и ядер, а Александр подхватил знамя полка, выпавшее из рук убитого знаменщика? Что те самые панталоны на Николае пробиты не случайными пулями? Но об этом писала «Северная пчела». Вот он и вынужден был успокоить мать. Увы, эти письмо и разговор оказались плохой услугой Николаю-младшему. До сих пор некоторые исследователи отрицают его участие в этом сражении, несмотря на то, что чин подпоручика был присвоен ему императорским указом от 21 декабря 1812 года именно за дело при Дашковке³.

Как бы то ни было, а войну Николай-младший закончил в Париже, стал подпоручиком и кавалером ордена Святого Владимира IV степени. А было ему всего 12 лет!

По окончании войны подпоручик Н.Н. Раевский-младший (он упоминается в документах и как Раевский 3-й) был переведен в лейб-гвардии Гусарский полк адъютантом командира генерал-адъютанта И.Б. Васильчикова. А полк стоял в Царском Селе, где в лицее учился Саша Пушкин. Здесь они познакомились и подружились.

Что значит для нас, потомков, дружба Александра Пушкина с семьей Раевских, можно судить по произведениям поэта, написанным под влиянием Раевских. Николаю посвящены поэма «Кавказский пленник» и элегия «Андрей Шень». В поэме «Борис Годунов» образ Марины Мнишек списан поэтом с Екатерины Раевской, о чем он сам поведал в письмах. Отдых в Крыму в семье Раевских летом 1820 года подарил нам «Бахчисарайский фонтан». Боевые походы Н.Н. Раевского на Кавказе в 1829 году навеяли Пушкину повесть «Путешествие в Арзрум». А еще были стихотворения «Демон», «Ангел», «Таврическая звезда», «Нереида», «Редеет облаков летучая гряда» и многие другие. И была Каменка, куда Александр Сергеевич приезжал в гости к Раевским и Давыдовым, где поэт дышал воздухом вольности и свободы. Даже знаменитую «Песнь о вещем Олеге», по мнению некоторых специалистов, А.С. Пушкин задумал в Киеве, когда был на свадьбе Екатерины Раевской и Михаила Орлова⁴.

Пушкина и Раевских связывали очень непростые отношения, но судьба в начале 1830-х годов развела их пути.

Все это было потом, а пока Николенька, так его ласково звали домашние, рос, взрослел и превращался в Николая. Вместе с князем И.Б. Васильчиковым он переехал в Петербург, оставаясь его адъютантом. 25 октября 1823 года Николай Николаевич был назначен адъютантом к начальнику Главного штаба барону И.И. Дибичу, а 12 декабря получил чин полковника (в 22 года!) и стал командиром Харьковского полка⁵.

Непосредственного участия в событиях на Сенатской площади 14 декабря 1825 года Раевские не принимали. Однако учли их родственные и дружеские связи с декабристами, и оба брата были арестованы: Александр в имении под Белой Церковью, а Николай — в своем полку, доставлены в столицу и посажены в Петропавловскую крепость.

В официальном документе по делу декабристов «Алфавите членам бывших злоумышленных Тайных Обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному Высочайше утвержденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссиею», составленным в 1827 году правителем дел Следственного комитета А.Д. Боровковым, сказано: «Раевский Николай Николаев. Полковник Харьковского драгунского полка. Раевский Александр Николаев. Отставной полковник. Поводом требования их сюда были следующие сведения: уведомление графа Витта, узнавшего от одного члена, будто бы тайное общество старалось чрез

• ЗАБЫТОЕ ИМЯ •

сих Раевских заразить и Черноморский флот, но тщетно; показание Майбороды, называвшего их членами общества и подтверждение сего последнего, сделанное Аврамовым. По изысканию Комиссии оказалось, что Майборода и Аврамов показали сие со слов Пестеля; но Пестель, спрошенный противу сего, отвечал отрицательно, объяснив, что он говорил не о сих Раевских, а о майоре Раевском, принадлежавшем к Союзу благоденствия. Показания прочих членов также подтвердили неприкосновенность сих Раевских к настоящему делу. Равным образом и они утвердительно отвечали, что ни к какому обществу не принадлежали и не знали о существовании его. Находились под надзором в Главном штабе с 4 января 1826. По высочайшему повелению, вследствие доклада комиссии, 17-го января овобождены с аттестатами»⁶.

Император Николай I принес им свои извинения. Отца, Николая Николаевича Раевского-старшего, назначил членом Государственного совета, Александра — камергером и чиновником по особым поручениям при новороссийском генерал-губернаторе графе М.С. Воронцове, Николая — командиром Нижегородского драгунского полка. Отец и сыновья Раевские присутствовали на коронации императора Николая I. Эти назначения послужили подтверждением и даже обоснованием слухов, что братья на допросах давали показания против членов тайных обществ. Возможно, именно это и сыграло свою трагическую роль в дальнейшей судьбе семьи Раевских.

Николай принял полк, которым в 1792—1797 гг. командовал его отец. За время службы в полку у Николая Николаевича-старшего 16 ноября 1795 года в Георгиевской крепости родился первенец, сын Александр, а 10 апреля 1797 года в Дербенте — дочь Екатерина. Когда-то этот полк в шутку называли «семейным полком Раевских»⁸.

Под командованием Н.Н. Раевского-младшего Нижегородский драгунский полк добился славы. За боевые отличия в русско-персидской войне полк получил Георгиевские штандарты, а командир полка — орден. За русско-турецкую войну Николай Николаевич был награжден орденами Св. Анны II степени, Св. Владимира III степени, а 1 января 1829 года получил чин генерал-майора, принял сводную кавалерийскую бригаду, продолжая командовать полком⁹.

Блестящее продолжение боевой деятельности Николая Раевского имело весьма плачевное окончание. 25 августа 1829 года он передал сводную кавалерийскую бригаду князю А.Б. Голицину, а Нижегородский драгунский полк — полковнику И.М. Андроникову, а сам, уволенный в отпуск по болезни, выехал в Тифлис с конвоем из сорока нижегородских драгун, среди которых было несколько декабристов¹⁰.

**Подвиг генерала
Н.Н. Раевского
под Салтановкой**
Художник Н.С. Самокиш.
1912 г.

В то время на Кавказе служили около 2800 человек, прямо или косвенно причастных к восстанию декабристов: 65 офицеров, из них 38 разжалованных в рядовые; сводный лейб-гвардии полк в составе 38 офицеров, 1282 унтер-офицеров и рядовых, 827 солдат Черниговского и Московского полков и около 700 солдат из других полков¹¹.

По дороге в Тифлис в селе Гумри Н.Н. Раевский пригласил к себе на обед разжалованного в рядовые ротмистра лейб-гвардии Кавалергардского полка З.Г. Чернышева, кстати, дальнего родственника военного министра графа А.И. Чернышева, внука генерал-фельдмаршала И.Г. Чернышева. Присутствовавший на обеде адъютант военного министра Н.А. Бутурлин спешной почтой доложил: «...декабристы на Кавказе пользуются слишком большой свободой и разными послаблениями, неприличными их солдатскому положению... от них не требуется должной субординации и офицеры общаются с ними без претензий. У других полковых офицеров они не бывали, но у командира Нижегородского драгунского полка полковника Раевского они постоянно принимались радушно...»¹².

Декабрист М.А. Бестужев называет фамилию и другого доносчика — отставного флотского офицера фон Дезина: «этот-то субъект был назначен на Кавказ как чиновник-провиантмейстер и как-то, попав на вечер к Раевскому, увидел себя среди декабристов. В паническом страхе за свою жизнь он на другой день уехал без разрешения [из Тифлиса] в Петербург, а там, чтобы как-нибудь оправдать свое безрассудство, подал царю донос, в котором представлял Раевского как изменника...»¹³.

Два доноса одновременно — это слишком. На Кавказ было послано высочайшее распоряжение. На Николая Николаевича завели дело «О следствии, произведенном над генерал-майором Раевским 3-м, командиром Нижегородского полка, за проезд его в Тифлис в обществе государственных преступников... из отряда, бывшего в Бейбурате в 1829 году»¹⁴.

Впрочем, И.Ф. Паскевич, командующий Отдельным Кавказским корпусом, в отношении Н.Н. Раевского ограничился домашним арестом. Для декабри-

стов «отложил заготовленные ходатайства о производстве за отличия их в офицеры, приказал начальникам частей держать их в должных границах солдатского звания». Часть декабристов по приказанию, пришедшему из Петербурга, «помимо местного начальства из действовавших против турок полков, переводится в более отдаленные полки или линейные батальоны в Дагестане и по берегу Каспийского и Черного морей. Как в Сибири есть еще другая Сибирь, вроде Якутска или Охотска, так и на Кавказе есть еще Кавказ, представляющий местности тогдашнего Дербента, Тарков или Сухума...»¹⁵.

14 декабря 1829 года последовал указ о переводе Николая Николаевича с Кавказа. Он был примерно наказан в назидание остальным «за дружеские отношения с нижними чинами из государственных преступников». Эта расправа, а другого слова не подобрать, глубоко потрясла военных. Декабрист А.Е. Розен в своих воспоминаниях отмечал: «...еще в Чите узнал я, что генерал Н.Н. Раевский, командир Нижегородского драгунского полка, был арестован на гауптвахте за то, что пригласил к себе на обед бывшего моего союзника З.Г. Чернышева, рядового. Вот почему я не мог останавливаться у родных...»¹⁶.

Формально генерал-майор Н.Н. Раевский не пострадал. Вернувшись с Кавказа, получал должности, соответствовавшие его званию генерал-майора: сначала он состоял при начальнике 5-й уланской дивизии, затем — при начальнике 4-й гусарской дивизии, 2 июня 1832 года был назначен командиром 2-й бригады 2-й конно-егерской дивизии. Через год, 14 марта, Николай Николаевич окончательно вышел в отставку¹⁷, в 31 год.

Он жил в поместье Тессели в Крыму, под Гурзуфом, недалеко от горы Аюдаг, купленным еще его отцом, в том самом, которое посетил А.С. Пушкин. Хозяйственные заботы заставляли Н.Н. Раевского выезжать в остальные имения. В одном из них, в Усть-Рудице, находилась фарфоровая фабрика, которую основал еще его прадед — Михайло Васильевич Ломоносов. Теперь правнук пытался на ней возобновить производство фарфоровой посуды. В одно из посещений Петербурга зимой 1834 года (Н.Н. Раевскому пришлось много хлопотать об устройстве дел отца, умершего в 1829 г., за брата Александра и сестру Марию, за себя самого) он с гордостью подарил А.С. Пушкину несколько тарелок с видами петербургских пригородов¹⁸.

Н.Н. Раевский увлекся также написанием истории восстания Степана Разина. Зимой 1834 года он работал в архивах, собирая материалы. В этом ему активно помогал А.С. Пушкин. П.Х. Граббе, будущий начальник Н.Н. Раевского, по поводу приглашенного к нему на обед А.С. Пушкина писал в своих мемуарах: «...он [Пушкин] занят был в то время историею Пугачева и Разина; последним, казалось мне, более. Он принес даже с собой брошюру на французском языке, переведенную с английского и изданную в те времена одним капитаном английского флота...»¹⁹.

Н.Н. Раевский хотел совершить путешествие по разинским местам, по Волге и Дону. Но необходимого для этого высочайшего повеления не последовало, и замысел Н.Н. Раевского «писать историю о разбойнических подвигах» Степана Разина так и остался неосуществленным²⁰.

2 февраля 1834 года Николай Николаевич покинул Петербург. Накануне А.С. Пушкин приходил с ним прощаться. Это была их последняя встреча, если не считать мимолетной, в 1834 году, в Москве²¹.

В феврале 1837 года в Крым пришла весть о трагической гибели А.С. Пушкина. Смерть друга сильно

потрясла Николая Николаевича. Он просил отца поэта написать все подробности и получил вскоре длинное обстоятельное письмо. Баронесса Беркхейм, знакомая Н.Н. Раевского, писала ему из имения «Артек», выражая соболезнования: «...если Вы так огорчены смертью поэта, то я, не знаящая его лично, так горюю об его смерти все эти дни...»²².

Истинной страстью Николая Николаевича в Крыму оказалась ботаника — садоводство и виноградарство. Он стал разводить новые сорта винограда и фруктовых деревьев, увлекся селекционированием. Построил оранжерею, посадил магнолии, кедры, пригласил к себе на помощь Гартвинса — создателя Никитского ботанического сада и училища виноделия в местечке Магарач в Крыму. Николай Николаевич вступил в общество «Любителей садоводства» и писал статьи об акклиматизации субтропических растений в Крыму и на Кавказе.

На этой почве, несмотря на разницу лет, Николай Николаевич близко сошелся с Михаилом Семеновичем Воронцовым, тоже страстным садоводом, владевшим имением в Байдарской долине в Крыму, они были старыми боевыми товарищами. Генерал М.С. Воронцов командовал дивизией в корпусе Н.Н. Раевского-старшего, они вместе отступали от границы до Бородино²³.

М.С. Воронцов был видным государственным деятелем — новороссийским и бессарабским губернатором. В 1836 году царь Николай I возложил на него ответственность за торговлю с черкесами и абазинцами. Изучив черкесские берега, ныне Черноморское побережье Краснодарского края, М.С. Воронцов в одном из рапортов царю писал: «...торговля наша с горцами теперь почти ничтожна; возобновить и усилить оную есть воля вашего императорского величества. Воля сия тем справедливее и священнее, что, кроме обыкновенных и общих выгод, от всякой торговли проистекающих для обеих сторон, сим то единственным способом можем мы надеяться привлечь к себе когда-либо черкесов, успокоить враждебный их дух, сделать наши сношения с ними для них необходимыми и удалить их от желаний или нужды сношений с иностранцами, отвращая тем самым и дурное влияние, в политическом виде от таковых сношений произойти могущее... воевать и торговать в одно и то же время с теми же людьми, иметь с ними мгновенно и враждебные и мирные сношения — есть почти невозможность...»²⁴.

Но многие служившие на Кавказе генералы этого не понимали, считая, что край можно покорить только силой. Человеком, способным установить мирные отношения с черкесами, по мнению М.С. Воронцова, был Н.Н. Раевский-младший. О чем было сообщено царю. В результате 21 сентября 1837 года последовал высочайший указ по сухопутному ведомству о назначении Н.Н. Раевского начальником 1-го отделения Черноморской прибрежной линии, «в управление которого поступают все укрепления, находящиеся на сей линии, горцы, на оной обитающие, линейные батальоны и другие войска, там расположенные».

Этим же указом ему был подчинен начальник Геленджикского отряда судов, крейсировавших вдоль черкесского берега, «во всем, что не относится собственно до морской искусственной части»²⁵.

В конце 1837 года Н.Н. Раевский выехал на Кубань. Командующий войсками на Кавказской линии и в Черноморье генерал-лейтенант А.А. Вельяминов был назначен начальником Черноморской прибрежной линии, и на него возложили подготовку экспедиции на Черноморское побережье. Но в связи с тяжелой болезнью А.А. Вельяминова этим пришлось заниматься

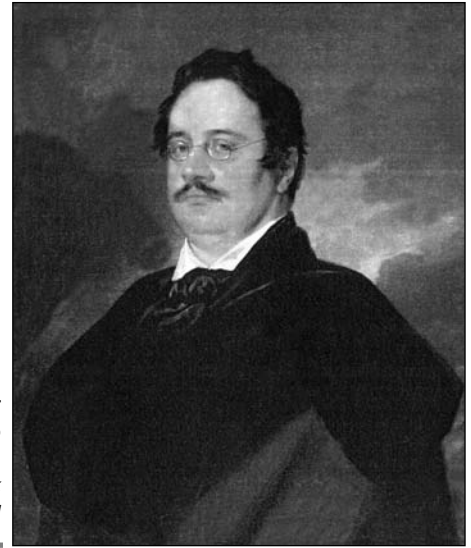
● ЗАБЫТОЕ ИМЯ ●

Николаю Николаевичу. Квартирмейстер экспедиционного отряда Г.И. Филипсон, хорошо знавший Николая Николаевича, вспоминал: «...Н.Н. Раевский был высокого роста, смугл, крепко сложен и вообще массивен. Черты его лица были выразительны; он всегда носил очки. О наружности своей он не заботился, а о costume еще менее. В это время он был еще не женат, и потому его нельзя было видеть иначе, как в рубашке с открытой, почерневшей от солнца грудью и шароварах. В особенных случаях и перед дамами он прибавлял к этому сюртук... Он хорошо владел французским языком. Английский знал плохо, а немецкий еще хуже... Способности ума у Раевского были более блестящими, чем глубоки. У него много было остроумия и особливо доброй, простодушной веселости. В его обращении всегда было что-то искренне молодое. Он говорил и писал очень хорошо; вернее будет сказать, что он диктовал; если же самому приходилось писать несколько строк, выходила бессмыслица...»²⁶.

Замысел экспедиции был грандиозный: предполагалось высадить с кораблей Черноморского флота Тенгинский и Навагинский пехотные полки, четыре пеших полка черноморских казаков, две роты саперов, одну роту гарнизонной артиллерии, одну военно-рабочую роту, 50 казаков конвойной команды при 16 орудиях легкой артиллерии [две батареи], 10 горных единорогов, 10 ручных мортир и более 100 повозок, всего около 8000 человек²⁷.

После смерти генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова командование экспедицией принял на себя Н.Н. Раевский. Летом 1838 года десантами были заложены форт Вельяминовский (ныне г. Туапсе), укрепление Тенгинское, недалеко от современного поселка Джубга, и укрепление Новороссийское (ныне город-герой Новороссийск), в 1839 году — форты Головинский и Лазарев (ныне поселки Головинка и Лазаревский, входящие в черту Большого Сочи) и форт между крепостью Анапа и укреплением Новороссийск. Этому форту по высочайшему повелению было присвоено имя Николая Николаевича — форт Раевский. Название перешло и казачьей станице. И сколько ни пытались ее переименовать в разные годы, казаки сохранили название — станица Раевская, ныне Приморского района г. Новороссийска²⁸. Декабристу, писателю А. Бестужеву-Марлинскому в 1836 году довелось служить в этих краях, в укреплении Геленджик. Его письма — едва ли не единственное неофициальное описание жизни на территории Черноморской береговой линии того периода. Он писал Н.А. и К.А. Полевым о своем житье на Черном море: «...куча землянок, душных в жару, грязных в дождь, сырых и темных во всякое время — вот гнездо, в котором придется мне несть орлиные яйца. Общества, разумеется, никакого; но так как я этим не избалован, то мало о том и забочусь. Дело в том, что здесь нечего есть в самом точном смысле этого слова. Бить быков, которых здесь мало, летом нельзя, портится мясо, а куры дороже, чем в Москве невесты. Питаюсь поневоле солониной да изредка рыбой, но последняя в здешнем климате — верный проводник лихорадки, есть ее опасно. Сообщений мирных с церкесами нет и быть не может. Смыслию и надеждою получать газеты и письма простился еще в Черномории; и так одна отрада в трубке и в думе, впрочем, и это не безделица...»²⁹.

Не зря декабристы называли Кавказ «Теплая Сибирь». Потребовался почти вековой труд русских солдат, крестьян, рабочих, чтобы превратить эти гиблые места в прекрасные курорты. Большая заслуга в этом и Н.Н. Раевского. Кроме присвоения имени форту, его успехи в освоении Черноморского побережья Кавказа были отмечены званием генерал-лейтенант, на-

Портрет
Н.Н. Раевского
1841 г.
Художник
В.А. ТРОПИНИН

граждением орденом Белого орла и назначением начальником Черноморской береговой линии.

Главную свою задачу Н.Н. Раевский видел в развитии и укреплении торговли между горцами и гарнизонами, но преследовал и более практичную цель — обеспечение солдат свежими продуктами. Зимой 1838/39 года он провел в отпуске в Петербурге и Москве. Правда, этот отпуск превратился в бесконечные хождения по департаментам различных министерств. В результате Николай Николаевич добился, что во все укрепления Черноморской береговой линии были отправлены весы и гири, клейменные Государственной палатой мер и весов, а также «из анапских магазинов нужное количество соли... поручив комендантам выменивать эту соль на разные произведения края...»³⁰.

Генерал Н.Н. Раевский поощрял комендантов укреплений, ведущих с горцами торговлю, мирные переговоры и оказывавших им посильную помощь. Он приказал бесплатно лечить горцев и добился указа «О прибавке числа медицинских чинов в гарнизонах на восточном берегу Черного моря»³¹.

Большую заботу проявлял Николай Николаевич и о здоровье солдат. А. Бестужев-Марлинский писал брату Полю 26 мая 1836 года: «...я опять очень болен, любезный Поль! Геленджик меня ухаживал. Да и можно ли быть здоровым в землянке, где на ногах сапоги плесневеют, где под полом лужа, а кровля — решето. У меня род горячки со рвотою; отдало было, да теперь вновь хуже прежнего. Здесь еще холодно; трав нет, смертность в крепости ужасная, что [ни] день от 3 до 5 умирают...»³².

Генерал Н.Н. Раевский требовал строительства новых казарм. Ничего, что они делались из плетня, обмазанного глиной, крылись камышом или рогожами. Главное, что это были казармы, а не гибельные землянки. Отметим, что и первые дома гражданских поселенцев были такими же. И только разбогатев, они строили их себе из камня. Для офицеров из Керчи и Ростова привозились деревянные дома³³.

29 марта 1840 года по ходатайству Николая Николаевича высочайшим указом в Новороссийске была учреждена «запасная аптека», штат которой состоял из управляющего, провизора и 9 работников. На их содержание выделялось 4700 рублей ежегодно. Он добился увеличения штата медиков в гарнизонах укреплений Черноморской береговой линии³⁴. Требовал от-

крытия госпиталей. 2 апреля 1841 года обратился к военному министру: «...Новороссийск еще необходим для устройства там главного госпиталя Черноморской береговой линии... От трудности и дальности сообщения больные накапливаются в укреплениях, и в лазаретах оказывается недостаток в белье и продовольствии. От этого, а не от климата, происходит вся смертность береговой линии, ибо главная здесь болезнь — цинга — весьма легко излечима. Для сего одного стоило основать Новороссийск»³⁵.

Через год в этом городе был открыт военный госпиталь второго класса «для борьбы с болезнями и значительной смертностью на побережье». Главным врачом госпиталя до 1849 года был штаб-лекарь, надворный советник Максим Максимович Гейдушек³⁶ (в некоторых изданиях его называют Хейдушко).

Особое внимание уделял генерал Н.Н. Раевский питанию солдат. Он велел развести огороды, сады и виноградники при укреплениях, чтобы обеспечить солдат свежими овощами и фруктами, развозил по линии лозы столового винограда из своего имения в Крыму, искал «огородников» — солдат, желавших работать на огородах, и отправлял их за свой счет на обучение в Ростов. Однако его не понимали не только подчиненные, но и высшие командиры. В их воспоминаниях Н.Н. Раевский так и остался неисправимым фантазером и мечтателем. А от этого страдал русский солдат, вынужденный круглый год есть сухари и солонину, гибнуть от болезней, многие из которых были вызваны плохим питанием. Неофициальным признанием заслуг Н.Н. Раевского стал приказ по Военному министерству № 7513 от 2 ноября 1840 года, в котором отмечалось плохое снабжение гарнизонов Черноморской береговой линии продовольствием, «за исключением укреплений 1-го отделения, которые по меновой торговле с горцами никакого недостатка в свежем мясе не имеют»³⁷.

В 1-е отделение Черноморской береговой линии входили укрепления от Анапы до Кабардинки, и их Н.Н. Раевский мог посещать более часто, чем укрепления 2-го и 3-го отделений, протянувшихся по побережью до самой Грузии. Исчерпав возможности воздействия на командиров убеждением, Николай Николаевич издал приказ, где говорилось, что «перевозка овощей для береговых укреплений из Севастополя и Феодосии стоит казне более 6 тыс. рублей серебром, потому что воинские начальники, вопреки моим приказаниям, не обратили на этот предмет должного старания; притом же овощи эти поспевают в то время, когда мореплавание прекращается...». И далее подробно описывалось, как выбрать землю под огороды, завести артельные стада, домашнюю птицу, особенно гусей и уток, указывалось на необходимость разведения пчел и винограда («молодые листья винограда представляют весной весьма полезную зелень для борща; летом незрелый плод составляет хорошую закуску для навару; осенью этот плод самый здоровый, и, наконец, его можно с таким же успехом, как огурцы, солить на зиму...»).

И ни слова о производстве вина! Возможно, именно лозы, посаженные Н.Н. Раевским, исследователи в конце XIX века посчитали одичавшим виноградом из черкесских садов.

Завершало приказ резюме: «...таким образом, с одной стороны, будет обеспечено снабжение гарнизонов свежим мясом, а с другой — казна избавится от огромных издержек, с которыми сопряжена столь дорогая и затруднительная перевозка скота и зелени в укрепления...»³⁸.

Последнее, что успел сделать до отставки Н.Н. Раевский для своих солдат, это добиться назначения в управлении Береговой линии капеллана с причетником

«для объезда укреплений с совершением духовных треб среди солдат и офицеров римско-католического вероисповедания»³⁹. В гарнизонах укреплений было много солдат-поляков, сосланных на Кавказ за участие в польском восстании 1830-1831 гг., и офицеров-католиков (православные священники были во всех укреплениях со дня их основания).

Как известно, генерал Н.Н. Раевский отличался личной храбростью. При высадке десантов он в числе первых высаживался на берег и бросался в бой наравне с солдатами. Ими он был любим. В 1838 году служивший в его отряде унтер-офицер М.Ф. Федоров написал стихотворение «На взятие горы Тенгинской», в котором были слова:

*«Наи Раевский храбр и смел,
Льва сомнет за Русь Святую.
На скалу куда крутую
Соколом взлетел.
А за ним и мы сейчас.
Задрожали бусурманы.
Генерал занял курган
И построил нас».*

Заканчивалось это стихотворение словами:

*«Вождь, иди путем побед,
Век служи, Раевский, с нами,
Мы с тобою и штыками
Опрокинем свет»⁴⁰.*

В 1854 году в «Морском сборнике» была опубликована статья «Матросские песни», в которой это стихотворение называлось народной песней⁴¹.

Такая популярность Н.Н. Раевского среди солдат вызывала зависть и весьма обоснованные опасения руководства войсками Отдельного Кавказского корпуса. Самыми яркими недоброжелателями были генерал-лейтенант П.Х. Граббе — командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, непосредственный начальник Н.Н. Раевского, и контр-адмирал А.М. Серебряков — начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии (в 1839 г. Н.Н. Раевский написал рапорт об отстранении А.М. Серебрякова от должности как не желавшего налаживать мирные отношения с горцами, хотя сам рекомендовал его на эту должность⁴²). В своих донесениях они пытались очернить действия Николая Николаевича.

Весной 1840 года на Черноморской береговой линии произошла трагедия. За год до этого у горцев был большой неурожай. Доведенные до отчаяния голодом, они взяли штурмом укрепления Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское. Напрасно Н.Н. Раевский доказывал, что «неприятель беспокоил только те укрепления, где нет мены солью»⁴³. Кроме того, гарнизоны укреплений сами находились в бедственном положении из-за недостатка продовольствия и помочь горцам ничем не могли⁴⁴.

Но император принял решение, основанное на рапортах недоброжелателей Николая Николаевича. 6 февраля 1841 года был подписан высочайший указ об отставке генерала Н.Н. Раевского. Новым начальником Черноморской береговой линии назначался генерал-майор Иосиф Романович Анреп граф Камке фон-дер-Геэ-Генат-Вольфеншильда, потомком древней остзейской дворянской фамилии. Он совсем не понимал и не принимал политики Н.Н. Раевского. В одном из писем он отмечал: «...я готов думать, что тут речь идет о каком-то другом крае, мне совершенно неизвестном, а не о восточном берегу Черного моря»⁴⁵.

Первое, что сделал И.Р. Анреп, — это с целью наказания горцев запретил гарнизоном укреплений вести с ними торговлю, чем разрушил все ранее налаженные мирные отношения. Особых затруднений горцам этот запрет не принес, просто более усили-

● ЗАБЫТОЕ ИМЯ ●

лась контрабандная турецкая торговля, среди товаров которой были оружие и боеприпасы, а гарнизоны укреплений стали страдать от недостатка свежих продуктов⁴⁶.

Выйдя в отставку, Н.Н. Раевский «занимался сельским хозяйством в своих обширных имениях, с особенной любовью предавался трудам по садоводству; состоял членом нескольких специальных обществ и находился в постоянных письменных и личных сношениях с известными садоводами»⁴⁷.

24 июля 1843 года Николай Николаевич скончался от простуды в своем имении Красеньком, под Воронежем, где и был похоронен. Могила его в настоящее время заросла.

Имя Николая Николаевича Раевского на долгие годы было забыто в истории России, а если и вспоминали о нем, то как о никчемной личности. Именно так о Раевском и его делах писал Г.И. Успенский в своем фельетоне «Человек, природа и бумага»⁴⁸.

Не удержались от этого и современные исследователи. Например, в журнале «Родина» цитируются воспоминания декабриста В.С. Толстого, в которых Раевскому дается такая характеристика: «...он оказался вредным и невозможным шутком, не зная русского языка, он по-французски диктовал военный журнал своему приятелю безалаберному Льву Пушкину — брату поэта — писавшему этот журнал по-русски... Раевский не успел изгнать военный порядок и дисциплину в войсках порученного ему отряда единственно потому, что они были образованы Веляминовым и еще имели ближайших начальников, избранных этим, в полном смысле, славным генералом...»⁴⁹.

Отметим, что ревнители истории российского военно-морского флота очень часто приводят как пример заботы о рядовом матросе приказ вице-адмирала С.О. Макарова «О варке матросских щей». А ведь в приказе, изданном на полвека раньше, генерал-лейтенант Н.Н. Раевский говорил не только о варке солдатских щей, но и о других способах реального улучшения питания солдат. Но нет пророка в своем Отечестве! И этот приказ, и имя генерала прочно забыты нашими историками.

В одном из своих писем Н.Н. Раевский откровенничал: «...я навлек на себя неудовольствие непосредственного начальства потому, что защищал мнение, несогласное с их мнениями... Я в своих выражениях увлекся из пределов чиновничества, заслужил выговор — и меня ожидало отрешение от должности и предание военному суду...»⁵⁰.

И только через полтора века историк Семен Эшкут справедливо оценил деятельность Николая Николаевича Раевского на посту начальника Черноморской береговой линии: «...если сопоставить лермонтовские стихотворения 1840—1841 годов («Валерик», «Завещание», «Родина», «Спор», «Сон»), посвященные Кавказу, с донесениями и письмами Н.Н. Раевского, относящимися к этому времени, нельзя не заметить, что их воззрения на войну сильно отличались от взглядов большинства современников. Поручик Тенгинского пехотного полка и начальник Черноморской береговой линии не желали безоговорочно принимать «славу, купленную кровью». Они не считали, как стали считать век спустя, что «война все спешет»...»⁵¹.

Новоросийцы помнят о генерале — основателе города. Именем Н.Н. Раевского названа одна из его улиц. В 1999 году, в день 160-летия основания станицы Раевской на ее центральной площади был торжественно открыт памятник Н.Н. Раевскому работы новоросийского скульптора Виктора Суворова. На открытие

памятника была приглашена из Франции праправнучка генерала Ирина Раевская с дочерью Юлей. В станице открыт музей семьи Раевских.

Память о генерале Н.Н. Раевском, основателе Новороссийска, свята для жителей города.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. 15. С. 397, 399.
- ² Жуковский В.А. Избр. соч. М.: Худож. лит., 1982. С. 307.
- ³ Русский биографический словарь. С. 402, 403.
- ⁴ Пушкинская энциклопедия. М.: «АСТ», 1999. С. 343, 492.
- ⁵ Русский биографический словарь. С. 401, 402.
- ⁶ Декабристы. Биографический справочник / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988. С. 307.
- ⁷ Русский биографический словарь. С. 401, 402.
- ⁸ Там же. С. 397.
- ⁹ Там же. С. 402, 403.
- ¹⁰ Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь: Кавказский край, 1993. Т. 4. С. 409—437.
- ¹¹ См.: Эйдельман Н.Я. Быть может, за хребтом Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 250, 251.
- ¹² Цит. по: Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 157.
- ¹³ Бестужев М.А. Братья Бестужевы / Сб. Верные сыны Отечества. Л.: Лениздат, 1982. С. 123.
- ¹⁴ Галушко Т. Раевские мои. Л.: Лениздат, 1991. С. 155.
- ¹⁵ Цит. по: Писатели-декабристы в воспоминаниях... С. 158.
- ¹⁶ Розен А.Е. Записки декабриста / Сб. Декабристы на Кавказе. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во. 1985. С. 205.
- ¹⁷ Декабристы. Биографический справочник. С. 154.
- ¹⁸ Галушко Т. Указ. соч. С. 112, 113.
- ¹⁹ Граф Граббе П.Х. Из памятных записок // Русский архив. 1873. № 1. С. 785.
- ²⁰ Галушко Т. Указ. соч. С. 113.
- ²¹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. / Сост. М.А. Цявловский. М.: Слово, 1999. Т. 4. С. 151.
- ²² Баронесса Врангель Л.С. Семья Раевских. Париж. 1955. С. 50.
- ²³ Там же. С. 43.
- ²⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 243. Оп. 1. Д. 3586. Л. 57 об.
- ²⁵ Там же. Д. 3754. Л. 1 об.
- ²⁶ Русский архив. Кн. VI за 1888 г. С. 281, 282.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3752. Л. 64.
- ²⁸ Архив Раевских. СПб., 1910. С. 251.
- ²⁹ Русский вестник. Кн. 4. 1861. Т. 32. С. 477.
- ³⁰ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3918. Л. 52 об.
- ³¹ Полный свод законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 14. 1839. Ст. 12368.
- ³² Отечественные записки. 1860. № 7. Т. 130. С. 61.
- ³³ РГА ВМФ. Ф. 19. Кавказский отдел. Оп. 4. Д. 373. Л. 70 об.
- ³⁴ ПСЗ РИ. Т. 15. 1840. Ст. 13310.
- ³⁵ Архив Раевских. СПб., 1912. Т. 4. С. 141.
- ³⁶ Кавказский календарь на 1846 г. Тифлис, 1846. С. 218.
- ³⁷ Кавказский сборник. 1879. № 3. С. 200.
- ³⁸ Архив Раевских. СПб. 1910. Т. 3. С. 650—654.
- ³⁹ Третье продолжение свода военных постановлений с 1 января 1841 по 1 января 1843 г. СПб., 1843. Ст. 14256.
- ⁴⁰ Кавказский сборник. 1879. № 3. С. 176.
- ⁴¹ Родина. 1994. № 3—4. С. 110; 2000 № 1—2. С. 121.
- ⁴² РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3918. Л. 54.
- ⁴³ Архив Раевских. СПб., 1910. Т. 3. С. 350.
- ⁴⁴ Военный сборник. 1893. Т. 6. С. 375.
- ⁴⁵ Там же. Т. 5. С. 214.
- ⁴⁶ Архив Раевских. СПб., 1912. Т. 4. С. 122.
- ⁴⁷ Русский биографический словарь. Т. 15. С. 404.
- ⁴⁸ Успенский Г.И. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 7. С. 380, 381.
- ⁴⁹ Родина. 2000. № 1—2. С. 75.
- ⁵⁰ Цит. по: Эшкут С. Николай Раевский // Родина. 1994. № 3—4. С. 40.
- ⁵¹ Там же.

С.А. САХЕЕВ
(г. Новороссийск)

«ВО УВАЖЕНИЕ ПОДВИГА КАЛУЖСКОГО ГРАЖДАНИНА...»

Историки и краеведы призывают в доме земляка унтер-офицера Симеона Старичкова открыть музей «Русской ратной славы»

ТЕПЕРЬ уже редко кто вспомнит сражение при Аустерлице — австрийском городке, ныне чешском городе Славкове. Произошло оно 20 ноября (2 декабря) 1805 года. Это было одно из тех сражений Наполеона, которым он гордился всю жизнь. Французскому императору удалось одержать победу над объединенной русско-австрийской армией, в результате чего он стал фактическим завоевателем почти всей Западной Европы.

Потерпевшая поражение армия совсем не обязательно состоит из глупых военачальников и трусливых солдат. Примеров тому в истории достаточно. По версии некоторых наших историков, поражение русско-австрийских войск было обусловлено тем, что император Александр I отстранил от командования генерала от инфантерии М.И. Кутузова. Обделенный воинскими талантами русский царь потерпел поражение. Но историю не исправишь. Ее можно только исказить.

Солдаты-россияне сражались героически, отражали атаки французов умело и мужественно. Однако из-за поражения и по ряду других причин имена рядовых героев остались безвестными.

Согласно рапорту М.И. Кутузова Александру I от 15 января 1806 года «Бутырского мушкатерского» полка подполковник Трескин, размененный из плена от французов, представил знамя Азовского мушкатерского полка и притом донес, что получил он его при выезде из Брюнна Бутырского же полка роты имени его от рядового Чайки, который, вручая оное объявил: Азовского мушкатерского полка унтер-офицер Старичков, бывший в плену, покрытый ранами, отдал оному рядовому сие знамя, умоляя сберечь его, и скоро после сего умер. Рядовой Чайка, приняв оное с благоговением, сохранил при себе»¹.

Так началась всероссийская слава одного из безвестных русских воинов, отдавшего свою жизнь ради славы Отечества, так как утрата боевого знамени всегда в нашей армии считалась делом позорным. Из рапорта неизвестно, имел ли Старичков какое-то отношение к полковому знамени или оно в критическую минуту боя волею случая оказалось в его руках. Можно только предположить с достаточной достоверностью, что был этот унтер-офицер знаменосцем или ассистентом. Такое предположение основано на традиции в русской армии назначать знаменосцами лучших из числа прапорщиков и унтер-офицеров. Как бы то ни было, С.А. Старичков для спасения знамени сделал все, что было в его силах.

На рапорте есть резолюция начальника Военно-походной канцелярии генерал-майора графа Х.А. Ливена: «Сделать из сего выписку для припечатаний к ведомостям (имеются в виду «Санкт-Петербургские ведомости». — В.М.). Рядового Чайку произвести в унтер-офицеры, а семейство унтер-офицера Старичкова призреть».

О великом русском полководце фельдмаршале М.И. Кутузове у нас справедливо сложилось мнение как о любимом и уважающем солдат военачальнике. Пример со Старичковым еще одно тому подтверждение. Видимо,

¹ Здесь и далее — так в тексте.

Картина из собрания Калужского государственного объединенного краеведческого музея «Рядовой Чайка клянется Старичкову доставить спасенное им знамя в Россию»

Фото А. ПАШИНА

подвиг унтер-офицера сильно поразил воображение полководца. 28 мая 1806 года он отправил начальнику Военно-походной канцелярии генерал-майору графу Х.А. Ливену письмо следующего содержания: «Милостивый государь мой граф Христофор Андреевич! По отношению Вашего сиятельства от 25 февраля за № 499, что государь император всемилостивейше повелел за сохранение в плену у неприятеля знамя* Азовского мушкатерского полка унтер-офицера Старичкова, от ран умершего, семейство призреть оказанием оному нужного пособия, предписал я учинить в полку выписку, где жительство имел онный Старичков, и оказалось, что поступил он на службу 1769 г. ноября 29 дня [из] г. Калуги, из мещан, а отец его Артамон Старичков — в Калуге. Вашему сиятельству о том даю знать с тем, что ежели угодно его императорскому величеству назначить какое-либо награждение отцу Старичкова или родственникам, то отыскать

● ЗАБЫТОЕ ИМЯ ●

их можно через министра внутренних дел или калужского* гражданского губернатора. Пребываю с совершенным почтением и преданностью Вашего сиятельства всепокорный слуга Михаил Голенищев-Кутузов»².

Вскоре граф Ливен получил донесение Калужского гражданского губернатора А. Львова о том, что Артамон Старичков умер в 1800 году. Его вдова Марфа Васильевна с двумя дочерьми и зятем жила в небольшом ветхом доме, принадлежащем старшей дочери — жене калужского сапожных дел мастера Богданова, который та получила в приданое. Семья жила в бедности. Средняя дочь Аграфена была выдана замуж за крепостного крестьянина Ивана Галактионова. Хозяин, тарусский помещик Гурьев, сослал их в Сибирь «не за преступление, на заселение Сибирского края, но и с зачетом ему, Гурьеву, за рекруты».

В донесении губернатора говорилось также и об отношении калужского общества к подвигу С.А. Старичкова. Купечество решило «построить на городской земле каменный дом, уплатив из купеческой казны тысячу рублей. Дом подарить матери Семена Артамоновича пожизненно, а... буде кто из граждан пожелает вступить в брак с дочерью ее и принять на себя фамилию Старичкова, то представить дом дочери ее и детям в потомственное владение, за что ей наградить сестру свою Аграфену, не получившую никакого награждения, двумястами рублями. Буде же на таковом условии взять ее никто не пожелает, то по оценке Думы отдать оный ближайшим родственникам по роду Старичковых. Если же из родственников никто взять не желает, тогда оставить оный на богоугодное дело в общественном распоряжении с всегдашним наименованием домом Старичковых... и чтобы при том сей дом, доколе будет во Владении Старичковых, никем не мог быть продан, заложен да и ни за какие партикулярные иски описываем не был»³.

Донесение калужского губернатора заканчивалось сообщением о том, что городские власти выдали единовременно пособие матери — 100 рублей, а младшей дочери — 75 рублей, а также было заказано по всем церквям сорокоуственное поминовение Семена Старичкова. Мать была тронута милосердием к семье, но очень сокрушалась о дочери и зяте, сосланным в Сибирь.

Интересна резолюция царя на донесении калужского губернатора А. Львова: «По сему высочайше повелеваю матери назначить пенсион по триста рублей в год, каждой из сестер по сто рублей и той, которая еще в девках при выдаче замуж выдать триста. Если муж той, которая сослана в Сибирь, пожелает возвратиться, то тамошнему губернатору предписать, чтобы он имел попечение о водворении их в Калугу на казенный счет и снабдив всем нужным к пути. Калужскому губернатору предписать, чтобы он имел попечение о водворении их в Калугу и все издержки на сей предмет поставил на счет казенный»⁴.

Аграфена Галактионова с мужем и сыном были возвращены из Томска в Калугу.

Память о подвиге своего земляка калужане сохраняли многие годы. На новом доме Старичковых была укрепена памятная доска на железных листах. Калужанин, бывший декабрист и член Союза благоденствия генерал-майор Александр Яковлевич Миркович по собственному желанию занялся поисками спасенного С.А. Старичковым знамени. Через 60 лет после чудесного спасения оно было обнаружено, о чем А.Я. Миркович сообщал калужскому городскому голове: «Дорогое нам... спасенное Старичковым знамя мне удалось отыскать в последнюю мою поездку в Петербург в тамошнем арсенале, где оно хранится и поныне. Сообщая Вам об этом, я прошу Вас, милостивый государь, предложить городскому обществу: не пожелает ли оно, для увековечивания славного подвига Старичкова ходатайствовать о соизволении, чтобы знамя это было передано калужанам на вечные времена. Вместе с тем я полагаю бы просить его превосходительство [господин] начальника губернии о переименовании улицы Фурсовой (по фамилии калужского купца, проживавшего на этой улице. — В.М.) в Старичкову.

Следует также возобновить бывшую древнюю на железных листах надпись на доме о подвиге Старичкова».

В Петербурге с пониманием отнеслись к просьбе калужан. Фамилия Старичкова была увековечена в названии улицы, спасенное им знамя передано на вечное хранение в Калужский Троицкий кафедральный собор, подвиг героя воспевали поэты и художники. На месте хранения знамением была установлена памятная доска со словами: «Его величество государь император Александр Николаевич, снисходя на просьбу калужского городского общества, высочайше повелеть соизволил, чтобы хранящееся в Санкт-Петербургском арсенале знамя Азовского пехотного полка поставлено было в Калужский кафедральный собор во уважение подвига калужского гражданина унтер-офицера Симеона Артамоновича Старичкова, который означенное знамя спас от неприятеля во время сражения с французами под Аустерлицем 20 ноября 1805 года. Знамя это с подобающе воинскою почестию и в сопровождении калужского населения торжественно было внесено в Троицкий кафедральный собор 1 ноября 1866 года».

Это была первая, но не последняя военная реликвия, помещенная на хранение в собор. Там уже находились одиннадцать боевых знамен, под которыми калужане сражались в многочисленных войнах позапрошлого века. В их числе знамена периода освобождения Болгарии от турецкого господства.

Время и условия хранения сильно сказались на состоянии полотнища знамени, тем не менее до 1917 года знамя ежегодно торжественно выносилось во время военных парадов на главную площадь города. В предвоенные годы все хранящиеся в соборе знамена были переданы Калужскому краеведческому музею.

О том, что калужане не забывали национального героя России свидетельствует и такой факт: в юбилейном 1912 году при Калужской низшей ремесленной школе была учреждена стипендия имени Старичкова.

К сожалению, молодежь Калуги сегодня почти ничего не знает о С.А. Старичкове. В 1918 году в этом городе прошла кампания по переименованию улиц. В числе других исчезла и улица Старичкова, получив имя Урицкого, никакого отношения к Калуге не имевшего.

Потом неизвестно куда исчезла мемориальная доска, привлекавшая внимание прохожих к дому Старичковых. До своего ареста в 1937 году сюда водил экскурсии патриот города, один из первых марксистов-калужан Д.В. Разломалин. Ответившее знамя хранилось в запаснике. Только в 1982 году оно было отреставрировано во Всероссийском художественном центре имени И.Э. Грабаря.

Так стиралась память о национальном герое России, на чьем примере более века воспитывались поколения русских воинов. Дом, вопреки решению городской думы «оставить на богоугодное дело в общественном распоряжении» был отдан под жилье. Народная тропа к нему заросла травой забвения.

Только благодаря энтузиастам во главе с заслуженным работником культуры, бывшим директором Калужского краеведческого музея Д.П. Дундуковой удалось сохранить бесценные реликвии русской ратной славы. Я считаю, сегодня нужно передать дом «в общественное распоряжение» и открыть в нем музей «Русской ратной славы». Калужанам есть о чем рассказать и есть что показать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Калужский край. Документы и материалы (с древнейших времен по 1861 год). Кн. 1. По материалам архива Калужской области. Калуга, 1976. С. 260.

² Там же. С. 345.

³ Там же. С. 346.

⁴ Там же.

*Полковник в отставке В.К. МУРЗИНЦЕВ
(г. Калуга)*

нии на р. Треббии произведен в генерал-майоры — 14/7/21, 12, 5, 10, 1, 4, 3.

23. Граф. В 1799 году фельдмаршал-лейтенант, корпус которого участвовал в Итальянской кампании. Суворов похвально отозвался о его действиях при Нови — 13/22, 12, 20, 25, 13, 14, 2, 21.

24. Граф. В 1799 году генерал-адъютант, полномочный министр при главной квартире эрцгерцога Карла. Имел секретное поручение Павла I следить за Суворовым и за распространением опасных идей среди рядовых и офицеров русской армии — 16/14/15, 4, 20, 1, 15, 4, 18.

25. Французский генерал, армия которого потерпела поражение в Северной Италии. Суворовский марш на Требвию назвал «совершенством военного искусства» — 27/3/19, 4, 2, 4.

26. Один из главных редакторов нового устава, член Военной коллегии, граф, первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел. После победы при Треббии писал Суворову: «Герои любят истину, а я поминутно ее в устах своих имею, говоря всем, везде и всегда, что Вами славится Россия и издается Европа... Я горжусь тем, что в одной земле с Вами родился и столько же ее люблю, как и Вас» — 8/3/2, 4, 1, 15, 4, 16, 11, 10, 5.

27. Прославленный английский адмирал: «Все восхищаются Вашими великими и блистательными подвигами. Это делает и 5, 12, 20, 25, 1, 4, 5. Но он Вас любит за Ваше презрение к богатству».

28. Расшифруйте пятую строку первой строфы стихотворения Г.Р. Державина «Снигирь»:

Что ты заводишь песню военную
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вожь наш? Кто богатырь?
1, 10, 20, 25, 5, 30, 18/13, 21, 12/ 31, 2, 14, 22,
1, 20, 18/, 22, 30, 1, 15, 2, 30, 18/1, 9, 3, 4, 2, 4, 3?
Северны громы в гробе лежат.

**Автор криптограммы
полковник в отставке
А.С. ЖДАНОВСКИЙ
(Москва)**

Уважаемые читатели!

Приславшего наибольшее количество правильных ответов ждет приз — книга: *Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания.* М.: Военный университет, Русский путь, 2000. 640 с. (см. 3-ю страницу обложки журнала).

Пожалуйста, указывайте свою фамилию, имя, отчество, профессию, возраст и адрес. Сведения о победителях и ответы на криптограмму «Фельдмаршал М.И. Кутузов» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 2) будут опубликованы в № 7 (июль) нашего журнала; на чайворд «Русско-японская война 1904—1905 гг.» (№ 3) — в № 8 (август); «Генералиссимус А.В. Суворов» (№ 4) — в № 9 (сентябрь); «Операция «Багратион»: освобождение Белоруссии» (№ 5) — в № 10 (октябрь); «Итальянский поход А.В. Суворова — 205 лет» (№ 6) в № 11 (ноябрь) 2004 года.

Ответы на чайворд «Отечественная война 1812 года» (Воен.-истор. журнал. 2004. № 1): 1. Давыдов. 2. Васильчиков. 3. Вильно. 4. Орел. 5. Лермонтов. 6. Вязьма. 7. Арзамас. 8. Сиверс. 9. Смоленск. 10. Корф. 11. Фигнер. 12. Рапп. 13. Пушкин. 14. Нессельроде. 15. Ермолов. 16. Волковыск. 17. Коссака. 18. Кульнев. 19. Воронцов. 20. Витебск. 21. Коленкур. 22. Редут. 23. Тарутино. 24. Орлов. 25. Витгенштейн. 26. Наполеон. 27. Назимов. 28. Волконский.

Поздравляем победителя нашего конкурса — В.Ф. Гуржова (г. Шенкурск Архангельской обл.), приславшего правильные и наиболее полные ответы на чайворд, опубликованный в № 1 за 2004 год. В подарок ему — книга В.Е. Морихина «Традиции офицерского корпуса России». Отмечаем также участников конкурса: И.Н. Бердникова (г. Челябинск); С.А. Гулик (п. Мулино Нижегородской обл.); Е.М. Карагодина, 18 лет (г. Москва); Павла Баталова, 12 лет (с. Малая Пурга, Удмуртия).

**КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА**

**НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ПОЛИГОН»**

Носов К.С. Русские крепости и осадная техника VIII—XVII вв. СПб.: ООО «Издательство «Полигон»», 2003. 176 с., ил.

Книга посвящена истории фортификации и развитию осадного искусства на Руси с VIII по XVII вв. Эволюция оборонительных сооружений рассматривается на историческом фоне в тесной взаимосвязи с методами осадной техники. Автором не только собран и систематизирован большой материал по оборонному строительству на Руси, но и выявлены некоторые интересные закономерности в развитии и совершенствовании осадной техники.

Издание хорошо иллюстрировано. Приведен обширный путеводитель по наиболее сохранившимся русским крепостям на территории России и соседних государств.

Обложки книг

Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: ООО «Издательство «Полигон»», 2002. 878 с., ил.

Этот обширный труд известного военного историка А.М. Зайончковского посвящен описанию операций Первой мировой войны 1914—1918 гг. Несмотря на то что после его издания в нашей стране вышли многие другие работы по данной проблематике, труд А.М. Зайончковского является весьма ценным по собранному в нем богатому фактическому материалу, изложенному в сжатой форме. Это первая обработка архивных материалов с использованием зарубежных источников.

Издание содержит много фотоиллюстраций, рисунков и схем.

По вопросу приобретения книг издательства «Полигон» обращайтесь по адресу: 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 38/40. Тел.: 320-74-24; тел./факс: 320-74-23. E-mail: polygon@rol.ru

Здравствуйте, дорогие друзья!

Очень рада, что столь любимый нашей семьей журнал наконец-то начал новый проект под рубрикой «Конкурс». Давно уже возникла мысль, почему же «Военно-исторический журнал» не использует такой популярный прием? В силу специфики моей работы, особенностей нашей семьи знакомство с вашим журналом продолжается много лет. Семья у нас военная: муж — офицер, полковник, страстный коллекционер (фалерист), сын в 2003 году закончил Череповецкий военный инженерный институт радиоэлектроники (ЧВИИРЭ), а совсем недавно дочь, учащаяся Челябинского государственного университета, тоже познакомилась с вашим изданием. Материал одного из номеров помог ей получить «автоматом» зачет по истории Отечества.

Много лет работаю заведующей библиотекой гарнизонного офицерского клуба. Очень люблю участвовать в различных конкурсах, викторинах. В 2002 году принимала участие в конкурсе «Честь и слава», который проводила «Красная звезда». Была в числе призеров. Очень рада и вашему конкурсу. Всего вам хорошего, любознательных и преданных читателей.

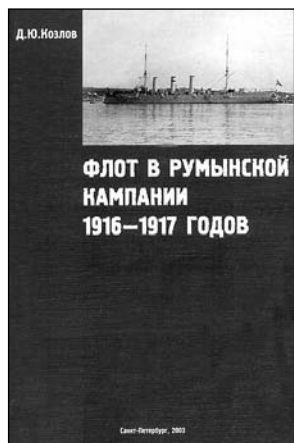
**И.Н. БЕРДНИКОВА,
библиотекарь-библиограф
(г. Челябинск-115)**

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Пишет вам военнослужащий срочной службы. Призвался летом 2003-го, до ноября служил в Подмосковье, в Коломне, а потом перевели на Север. В Коломне впервые познакомился с «Военно-историческим журналом», он мне очень понравился. Каждый новый номер я читал в азалье. Очень интересно. Сейчас, правда, возможности его читать нет. Похоже, что часть журнал не вытаскивает. Расскажите, пожалуйста, о Георгиевских наградах в русской армии. Желая вашему изданию долгой жизни и интересных статей.

**Младший сержант Я. ЛЕБЕДЕВ,
командир расчета гранатомета
(п/о Печена Мурманской обл.)**

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В РУМЫНСКОЙ КАМПАНИИ 1916—1917 гг.

Обложка книги

Титульный лист энциклопедии

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ

МОНОГРАФИЯ кандидата исторических наук капитана 2 ранга Д.Ю. Козлова* посвящена событиям Первой мировой войны, которые практически не получили освещения в отечественной историографии. В числе причин этого, на наш взгляд, можно упомянуть кажущуюся малозначительность их во время относительно короткой кампании в Румынии, а также то важное обстоятельство, что многие морские офицеры, сражавшиеся на кораблях, действовавших в румынских территориальных водах и на Дунае, после Октября 1917 года оказались на стороне белых, а потом и в эмиграции. Поэтому не случайно, что немногочисленные исторические работы о Первой мировой войне в советский период были «романами без героев», а целый ряд кампаний получил лишь конспективное и неполное изложение.

Исследование Д.Ю. Козлова как раз и восполняет этот пробел, раскрывая действия Черноморского флота на румынском операционном направлении в кампании 1916—1917 гг. Непосредственное описание военных действий автор предвзвешивает кратким рассказом о политических событиях, предшествовавших вступлению Румынии в войну на стороне Антанты и заключению соглашения между российским и румынским командованиями об организации взаимодействия.

Впервые в отечественной исторической литературе подробно, с указанием фамилий действующих лиц описана операция Черномор-

ского флота против Варны (1916 г.), действия нашей морской авиации с авиатранспортов. Автор подробно рассматривает действия флота в борьбе за Добруджу и при обороне Констанцы. Положительной оценкой заслуживают рассмотренные им организация и состав российских морских сил на румынском направлении.

Описания боевых действий наших кораблей и войск весьма обстоятельны и основаны на тщательном анализе многочисленных архивных документов. Впервые Д.Ю. Козловым подробно изложен ход боевых действий на Нижнем Дунае, детально освещены организация морских воинских перевозок и оборона морских сообщений.

Автору монографии удалось выявить и показать новшества в применении сил флота в совместных действиях, впервые опробованные в Румынии, что явилось его бесспорным достижением. Эти новые методы коснулись как тактики (прикрытие района кораблей огневой поддержки позиционными противолодочными средствами, формирование подвижных корректировочных постов и др.), так и решения некоторых оперативных вопросов (формирование «оборонительного района» как новой формы оперативного построения разнородной группировки сил и войск на приморском направлении). Некоторые рассмотренные Д.Ю. Козловым проблемы смогут заинтересовать и специалистов в области военной стратегии, например вопрос стратегического взаимодействия между главными квартирами союзных держав при подготовке и ведении военных действий, работа представителей главкома и отдельных видов вооруженных сил в ставке союзника.

Книгу оживляют редкие (зачастую ранее неизвестные) иллюстрации, а приведенные автором приложения имеют самостоятельное научное значение. Выводы Д.Ю. Козлова вполне обоснованы, и многие из них позволяют по-новому оценить ход совместных действий русских и румын против сильного и энергичного противника в 1916—1917 гг.

**Капитан 1 ранга запаса
В.Ю. ГРИБОВСКИЙ,
кандидат исторических наук, профессор
(Санкт-Петербург)**

происходившим на территории Смоленщины, начиная с XIII века. Это битва у Долгомостья в 1239 году, под Дорогобужем в 1500-м, сражение за Смоленск в XVI веке, оборона Смоленска в 1609—1611 гг., Смоленская война 1632—1634 гг. и другие. Статьи содержат новую информацию, выявленную авторами в архивах.

Большое внимание в энциклопедии уделено грозным годам Великой Отечественной войны. Здесь не только публикации об отдельных операциях, например о Вяземской и Ельнинской 1941 года, Сычевско-Вяземской 1942-го, Духовщинско-Демидовской, Ельнинско-Дорогобужской и Спас-Демидовской 1943-го и других. Весьма интересная информация собрана и об отдельных армиях, сражавшихся на Смоленщине в 1941—1943 гг. Определенный интерес вызывает статья о Соловьевой переправе, оборона которой была возложена в 1941 году на специально созданный отряд под командованием полковника А.И. Лизюкова. К сожалению, потери советских войск во время этой переправы не приводятся.

Две актуальные статьи «Катынская трагедия» и «Мемориальный комплекс "Катынь"» посвящены трагедии в Катынском лесу под Смоленском, где были расстреляны более 4000 офицеров польской армии.

Целый ряд статей посвящен военным кораблям, носившим имена «Смоленск» и «Адмирал Нахимов». Энциклопедия также обстоятельно освещает партизанское движение на Смоленщине, есть и материал с названием «Оккупационный режим 1941—1943 годов». Энциклопедию украсили статьи о Смоленских и Вяземском полках, сформированных в XVIII и XIX вв. и прошедших славный боевой путь от Полтавы до Парижа, воевавших в Альпах, на Кавказе, в Крыму и на Балканах.

Безусловно, в краткой рецензии на эту объемную книгу все статьи на военную тему не упомянешь. И хотя некоторые из них опубликованы без библиографии, а отдельных заметны неточности, что несколько снижает их научный уровень, в целом энциклопедия дает развернутую картину военной истории Смоленщины на протяжении всего ее существования, начиная с Великого Смоленского княжества.

**Полковник в отставке
Г.В. РАЖНЕВ,
кандидат философских наук, доцент
(г. Смоленск)**

ВОКТАБРЕ 2003 года вышел второй том энциклопедии «Смоленская область»*, вместивший более 2000 статей самого разного объема. В нем собран обширный материал о природе, экономике и культуре Смоленской области, ее городах и поселках, промышленных предприятиях и организациях, творческих союзах и клубах, учебных заведениях и издательствах, журналах и газетах, памятниках истории и культуры.

Достоинство места в книге занимают статьи по военно-исторической теме. Их более 130. Это и понятно: Смоленск не просто город-герой. Неофициально краеведы считают его трижды городом-героем, ведь этот город отличился не только в годы Великой Отечественной войны, но и при обороне от иностранных интервентов в 1609—1611 гг., когда он мужественно держал 20-месячную осаду, а также в 1812 году, когда войска Наполеона после двухдневных кровопролитных сражений 4—5 августа, потеряв около 20 тыс. человек убитыми, так и не смогли ворваться в него, а план императора французов навязать русским генеральное сражение у стен Смоленска был сорван: обе русские армии ушли в направлении Бородино.

Значительное место в энциклопедии занимают военно-исторические статьи, посвященные сражениям,

* Смоленская область. Энциклопедия. Смоленск: СГПУ, 2001. Т. 1. 303 с.; Смоленская область. Энциклопедия. Смоленск: СГПУ, 2003. Т. 2. 624 с.

* Козлов Д.Ю. Флот в румынской кампании 1916—1917 годов. СПб.: Издатель М.А. Леонов, 2003. 128 с.

Уважаемая редакция!

В 2004—2005 г. будут отмечаться славы годовщины разгрома немецко-фашистских войск и окончания Великой Отечественной войны. Памятным событиям тех лет, солдатам Победы и должен посвятить свои страницы «Военно-исторический журнал». Но при этом откажитесь от публикации материалов, не подкрепленных фактами, примерами, не вносящих ничего нового по отношению к ранее опубликованному.

О статье генерала Н.Н. Остроумова «Провел... в качестве представителя Ставки ВГК по авиации несколько крупнейших операций советских войск», посвященной главному маршалу авиации А.А. Новикову (№ 12. 2003). Она изобилует фактами, интересна, легко читается. Однако здесь — одни заслуги, но на войне было не так. Следовало бы показать и наши потери, промахи А.А. Новикова в деле подготовки летчиков, ошибки ведения им боевых действий.

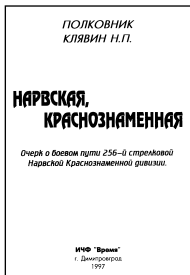
Считаю, что выпуск «Молодежного ВИЖа» стоит продолжать, отдав предпочтение публикациям по истории зарождения и развития нашего государства, защиты его интересов. Желательно помещать в журнале информацию о Днях воинской славы России, рассказать о галерее портретов военных деятелей в Эрмитаже.

Материалы «Молодежного ВИЖа» должны помогать преподавателям истории любого учебного заведения раскрывать темы занятий, заинтересовывать учащихся славным прошлым нашей Родины. Сегодня во многих школах страны появились кадетские классы. Будет интересно узнать об их зарождении, задачах, деятельности, а также о вкладе выпускников кадетских классов в дело защиты Отечества.

Высылаю вам свою книгу «Нарвская, Краснознаменная», посвященную боевому пути 256-й стрелковой Нарвской Краснознаменной дивизии. Уже 29 июля 1941 года дивизия приняла первый бой, затем вела бои с немецко-фашистскими захватчиками на Западном, Северо-Западном, Калининском, Волховском, Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах; освобождала от врага г. Калинин, участвовала в прорыве и снятии блокады Ленинграда, за что и была награждена орденом Красного Знамени; за успешные боевые действия под Нарвой получила почетное наименование «Нарвская». В книге рассказывается о мужестве, героизме советских воинов, высоком мастерстве командиров, политработников в сложной боевой обстановке. Из-за отсутствия средств книга издана малым тиражом и, надеюсь, ваша библиотека сможет сохранить ее для потомков.

С уважением,

полковник в отставке Н.П. КЛЯВИН
(г. Ульяновск)

Здравствуйтесь, уважаемая редакция!

ВИЖ я выписываю уже 40 лет. Я работаю в школе и использую материалы вашего журнала в учебном процессе. За 2002 год лучшей считаю статью Р.А. Медведева «И.В. Сталин в первые дни войны», опубликованную в 5-м и 6-м номерах. Кроме того, хочу отметить статьи М.А. Гареева, С.А. Герасимовой «О наших потерях подо Ржевом и Вязьмой» (№ 3) и Б.Н. Петрова «...Пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным» (№ 9).

В дальнейшем продолжайте публикацию материалов о начале Великой Отечественной войны и причинах неудач Красной армии в этот период. Необходимы систематические ответы на выступления, извращающие объективную суть того или иного события.

Планируется акция — «ВИЖ в каждую школу». Это хорошо, но представляет ли редакция реальное финансовое состояние российского просвещения? Наша и соседние школы ВИЖ не выписывают.

В последнее время стали чаще писать о воспитательной работе в армии. В связи с этим появились предложения об использовании в качестве воспитателей священников. Однако современная армия еще более многонациональна, чем до 1917 года. Сейчас также много атеистов. Поэтому руководителями воспитательной работы в современных Вооруженных силах должны быть люди наподобие прежних замполитов. Это должны быть квалифицированные военные педагоги-психологи, возможно, атеисты, как наиболее нейтральные лица, но знающие и уважающие основные гуманистические воззрения верующих и неверующих. Что касается священнослужителей, то по просьбе верующих их можно приглашать для конкретных обрядов, но на основе соблюдения закона о свободе совести. При этом священники своими советами могли бы оказывать помощь командирам в нравственном воспитании молодых людей.

С уважением,

И.Г. ЕРМОЛИН
(г. Озерск Челябинской обл.)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук полковник И.И. Басик (Институт военной истории); полковник С.А. Ильенков (Архивная служба ВС РФ); кандидат военных наук полковник в отставке А.Г. Кавтарадзе (Военная академия Генерального штаба); адмирал В.А. Кравченко (Главный штаб ВМФ); кандидат военных наук полковник А.А. Кольцов (Институт военной истории); кандидат военных наук генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев (Военно-мемориальный центр ВС РФ); кандидат исторических наук полковник И.П. Макар (Военная академия Генерального штаба); генерал-лейтенант в отставке Е.И. Малашенко; кандидат военных наук генерал-полковник А.А. Ноговицын (Главное командование ВВС); доктор политических наук генерал-полковник Н.И. Резник (Главное управление воспитательной работы МО РФ); доктор исторических наук Р.Б. Рыбаков (Институт востоковедения РАН); полковник С.И. Чувашин (Центральный архив Министерства обороны); А.А. Чурилин (Историко-документальный департамент МИД РФ); генерал-лейтенант в отставке Ю.А. Хворостянов.

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19, 195-61-18. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

При перечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В работе над номером принимали участие:

научные редакторы — С.В. АВЕРЧЕНКО, Е.В. ДОБЫЧИНА, В.Т. ИМИНОВ, О.В. КАРПОВА, Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, В.Г. ОПОКОВ, А.В. ОСТРОВСКИЙ;
секретариат — Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря), К.Н. АГАФОНОВА, М.В. ЗАБРОДИНА, Е.В. КРИГЕР;

литературная редакция — О.К. ГРАЧЕВА, А.М. ПЕТРОВ, Г.В. САТИК;

художественные редакторы — Л.П. ДЕМАХИНА, Т.Г. ПИМЕНОВА;
компьютерная верстка — Е.Л. ПАКИН, А. Д. МАРКОВА.

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19.

Сдано в набор 19.03.2004.
Подписано к печати 24.04.2004.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 1721.

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Генерального штаба ВС РФ

Отпечатано в ЗАО «Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2004.

• **История военной медицины**

Из коллекций
Военно-медицинского
музея
(Санкт-Петербург)

Медикаменты
и медицинские
предметы из порт-
артурского
госпиталя
1904 г.

ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА РОССИИ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ

К 100-летию русско-японской войны 1904—1905 гг.

**Читайте
в номере**

Е.В. Павлов
Художник
М. ПОТАПОВ,
1906 г.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ война 1904—1905 гг. была, наверное, одной из самых неудачных из всех войн, которые пришлось вести России на протяжении ее более чем тысячелетней истории. Весь мир поражали героизм и отвага русских воинов, их верность воинскому долгу. Однако поражения одно за другим преследовали Россию на суше и на море. В эти дни в числе тех немногих государственных ведомств, которым удавалось успешно решать поставленные задачи, были военные медики. О медицинском обеспечении боевых действий русских войск читайте в статье «Военная медицина России в войне с Японией в 1904—1905 гг.» доктора медицинских наук, профессора полковника медицинской службы А.А. Будко и кандидата медицинских наук полковника медицинской службы в отставке Е.Ф. Селиванова.

На перевязочном пункте
1904 г. Гравюра

Перевозка раненых на двуколке
1905 г. Копия с картины художника С. ЖИЛА

Переносной рентгеновский аппарат,
использовавшийся на российских
боевых кораблях
в русско-японскую войну 1904—1905 гг.

Публикация полковника медицинской службы
А.А. БУДКО,
доктора медицинских наук,
профессора
(Санкт-Петербург)

В БИТВАХ РЕШАЯ СУДЬБУ ПОКОЛЕНИЙ

ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА,
ВПЕРЕД — НА ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗГРОМ ВРАГА!

А.А. БАБИЦКИЙ, 1944 г.

СЛАВА КРАСНОЙ АРМИИ, ОСВОБОЖДАЮЩЕЙ РОДНУЮ
ЗЕМЛЮ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ!

Н.П. ГОЛУБЧИКОВ, 1944 г.

Страницы
героической
истории

БЛИЗОН ЧАС РАСПЛАТЫ С НЕМЦАМИ ЗА ВСЕ ИХ ЗЛОДЕЯНИЯ!
СМЕРТЬ ФАШИСТАМ-ДЕТОУБИЙЦАМ!

В.С. ИВАНОВ, 1944 г.

ГЕРОЯМ ТРУДА —
НАШ БОЕВОЙ ПРИВЕТ!

В.С. ИВАНОВ, 1944 г.

1945
109
Что посеял, то и пожнешь!
— от Суда не увидишь!

В.Н. ДЕНИ, 1945 г.

Красной Армии-Победительниц
— ЧЕСТЬ И СЛАВА!

В.С. ИВАНОВ, 1944 г.

ОТ ИВАНА ГРОЗНОГО

ДО ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Знамя князя Дмитрия Пожарского
1612 г.

Стрельцы в 1613 году.

На втором плане изображены церковь Василия Блаженного и Кремлевская стена в начале XVII столетия

СТРЕЛЕЦКОЕ войско — первое постоянное войско русского государства. Созданное в 1550 году по решению Ивана IV (Грозного), оно комплектовалось людьми из числа лично свободного (вольного) посадского и сельского населения. В дальнейшем служба в нем стала пожизненной и наследственной. Организационно стрелецкое войско состояло из приборов (отрядов), затем из приказов (по 500–1000 человек), а с 1681 года — полков и находилось в ведении Стрелецкого приказа. По месту и условиям службы стрельцы подразделялись на выборных (позднее московских) и городовых. Они носили единую форму одежды и вооружались однотипным оружием. Главным образом это были бердыши, сабли и пищали.

Бердыш — видоизменение секиры. Его клинок в виде полумесяца (железко) насаживался на длинное древко (топорище), имевшее на своем нижнем конце железную оковку — вток. Ставшие характерным оружием стрельцов, бердыши, так же как и ручные пищали, были оружием пехоты.

Ручная пищаль (ручница) состояла из железного ствола, который с помощью шурупов или обоймиц прикреплялся к деревянному ложу с прикладом. У первых пищалей воспламенение порохового заряда производилось через отверстие в казенной части ствола с помощью огнива с фитилем, приводившегося в движение спуском. Калибр такого оружия доходил до 22 мм, а его вес — до 8 кг. Поэтому при стрельбе пищаль приходилось опирать на бердыш или какую-либо другую опору. Дальность стрельбы была невелика и составляла всего 150–200 м.

Вооруженные пищалью стрельцы носили через левое плечо ремень (берендейку) с привешенными к ней выдолбленными из дерева и оклеенными кожей зарядцами с кровельками — крышками. К берендейке привешивались сумки фитильная и пулечная и рог для пороха или заменявшая его натруска, изготавливавшаяся из различных материалов.

Публикация полковника В.М. КРЫЛОВА, кандидата исторических наук; С.В. УСПЕНСКОЙ, кандидата исторических наук (Санкт-Петербург)

Стрельцы московских стрелецких полков: Колобова, Александрова, Головлинского и Бухвостова
1674 г.

Обмундирование, вооружение и военная символика Стрелецкого войска

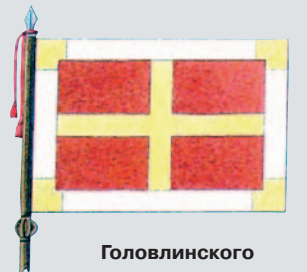

Знамя времен царя Алексея Михайловича
1645–1676 гг.

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

Бухвостова

Головлинского

Александрова

Колобова

Янова

Тимофея Полтеева

Петра Лопухина

Федора Лопухина

Нараманского

Лаговскина

Знамена московских стрелецких полков
1674 г.

Стрельцы московских стрелецких полков: Тимофея Полтеева, Петра Лопухина, Якова и Федора Лопухина
1674 г.

